

ГРАБЛИ
ИСТОРИИ

Василий Молодяков

ВТОРАЯ МИРОВАЯ:

ВОЙНА, КОТОРОЙ НЕ МОГЛО НЕ БЫТЬ

Василий Молодяков

ВТОРАЯ МИРОВАЯ:
война,
которой не могло
НЕ БЫТЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	7
Глава первая	13
«Кто виноват?», или «Повесить кайзера!»	
Глава вторая	39
«Что делать?», или «Германия за всё заплатит!»	
Глава третья	62
Германская ирредента	
Глава четвёртая	98
Пороховой погреб: Польша	
Глава пятая	132
Пороховой погреб: Чехословакия	
Глава шестая	162
Венгерская ирредента	
Эпилог	188
Вниманию любознательных	191

Территориальные изменения в Европе после Первой мировой войны

Главной, если не единственной, причиной Второй мировой войны в Европе (события на Тихом океане мы здесь не рассматриваем) принято считать агрессивную политику Германии и её союзников — проигравшей стороны. Главными виновниками самого страшного мирового конфликта XX в. принято называть Гитлера и Муссолини. Эти утверждения кажутся настолько само собой разумеющимися, что доказывать их нет необходимости, а опровергать нелепо и даже неприлично. После поражения СССР в «холодной войне» некоторые стали добавлять к двум диктаторам третьего — Сталина.

Утверждения о том, что западные державы — Великобритания, Франция и США — несут немалую долю ответственности за случившееся, так и не были услышаны в послевоенном идеологизированном мире. В периоды обострения противостояния между СССР и «лагерем империализма» советские историки и пропагандисты вспоминали о них, но с неизбежными оговорками, поскольку перечисленные страны в годы войны были нашими союзниками по антигитлеровской коалиции. В последнее время от подобных высказываний отмахиваются как от «советской пропаганды», выплёскивая, согласно пословице, вместе с водой и ребёнка, которого в ней купали.

О причинах и виновниках Второй мировой войны изданы горы книг на множестве языков. Одни авторы пишут о «маниакальном стремлении Германии к мировому господству», другие — о «близоруком и преступном умиротворении агрессоров» со стороны Англии и Франции, третьи — о «безнравственном сговоре диктаторов», четвёртые — о «большевистском коварстве» и т. д. Одни начинают предысторию конфликта с советско-германского пакта о ненападении, известного как «пакт Молотова — Риббентропа», в 1939 г. («сговор диктаторов»), другие — с Мюнхенского «сговора» в 1938 г. («умиротворение агрессоров»), третьи — с аншлюса (воссоединения) Австрии с Германи-

ей в 1938 г., вступления немецких войск в демилитаризованную Рейнскую область в 1936 г. или прихода Гитлера к власти в 1933 г. («стремление к мировому господству»), четвёртые ищут «точку отсчёта» в советской истории («большевистское коварство»).

За идеологемами потерялось главное. Вторая мировая война началась в тот день, когда официально закончилась Первая, — с подписанием Версальского договора 28 июня 1919 г. В сказанном есть преувеличение, но небольшое: в этот день была предопределена новая война в Европе.

Вчитываясь в текст Версальского и других «мирных» договоров 1919—1920 гг. между победившими странами Антанты (они же «союзники») во главе с Великобританией и Францией, с одной стороны, и побеждённой Германией и её союзниками (Центральные державы) — с другой, мы видим полный сценарий новой войны в Европе. «Версальский мир, — писал в 1925 г., употребляя это название без кавычек, профессор Юрий Ключников, перешедший на сторону советской власти экс-министр иностранных дел колчаковского правительства, — представляет собой одну из позорнейших страниц в истории международных отношений. Изучение его текста с ясностью показывает его неприкрыто насильнический характер. Знакомство с его историей обнаруживает в нём совершенно исключительное по цинизму лицемерие. Версальский мир, стремившийся парализовать возможность будущих международных конфликтов, в действительности стал новым источником для этих конфликтов. Он завёл мир буржуазных стран в страшный тупик, из которого рано или поздно будет, конечно, найден выход, но только отнюдь не версальскими путями». Победители требовали жёсткого выполнения условий диктата, что сделало новую войну неизбежной.

Полный текст «мирных» договоров с Германией, Австрией, Венгрией, Болгарией и Турцией (последний мы в нашем историческом исследовании не рассматриваем) публиковался на русском языке только один раз, в 1925—1927 гг., и на многие годы был надёжно упрятан в

«спецхраны» библиотек, как будто это «подрывная литература». Лишь недавно он появился в Интернете:

<http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=1510&page=1>

<http://www.kadis.ru/texts/index.phtml?id=20302>

Что же скрывают документы, без знания которых невозможен никакой разговор о происхождении и причинах Второй мировой войны?

В книге, которую вы держите в руках, будет много цитат — намного больше, чем в обычной литературе такого рода. Это необходимо, иначе утверждения и выводы автора могут показаться спорными и голословными. Впрочем, утверждений здесь мало — будут говорить факты и документы, извлечённые из разнообразных источников на многих языках. Сопоставив их друг с другом, вы сможете решить сами, кто прав, точнее, кто в большей степени прав, потому что, имея дело с событиями прошлого, «стопроцентной» правоты мы не добъёмся. Но стремиться к ней надо.

Вместе, уважаемый читатель, мы рассмотрим, какой «мир» навязали победители побеждённым в 1919 г., как они вплоть до 1938 г. отказывались пересматривать его условия и почему посеянный в Версале ветер через двадцать лет обернулся всеевропейской, а вскоре и всемирной бурей. За казённым языком договоров и сухим перечнем фактов вы увидите сценарий «гитлеровской агрессии» — да и **всех** будущих европейских конфликтов. Поскольку наше историческое расследование посвящено происхождению и причинам Второй мировой войны, автор сознательно оставил в стороне влияние Версальского «мира» на события вне Европы, хотя его трагическое эхо слышно в истории Гражданской войны в России и в непростых отношениях Турции с соседями на Западе и Востоке, в арабо-израильском конфликте, в межмусульманском противостоянии суннитов и шиитов и в многолетней борьбе Вьетнама за независимость. Для рассмотрения перечисленных вопросов потребовалась бы отдельная книга.

Версальский сценарий появился и приобрёл силу международного закона, когда будущий «фюрер германской нации» был мелким националистическим агитатором в охваченной революцией Баварии. Но леди Асквит, вдова британского премьер-министра времён Первой мировой войны, была несомненно права, когда в середине 30-х гг. на вопрос «Где родился Гитлер?» невозмутимо ответила: «В Версале».

Так думала не только эта почтенная дама. Видный британский учёный, тесно связанный с политическими кругами, автор известных книг по европейской и русской истории сэр Бернард Парес прямо сказал о Гитлере: «Мы создали его, а французы ещё в большей степени, чем мы». Сэр Хорас Рамбольд, британский посол в Берлине в 1928—1933 гг. и один из самых непримиримых критиков нацизма, сообщал в Лондон 21 марта 1933 г.: «Постольку поскольку (нацистская. — В. М.) революция была бунтом против Версальского договора, можно сказать, что вся страна объединилась в её поддержке». Американский политический аналитик Генри Вольф назвал Гитлера «незаконным сыном» Версальской системы и утверждал, что мир никогда не узнал бы о нём, если бы условия договора не были столь суровы по отношению к Веймарской республике¹. Экс-президент США Герберт Гувер — непосредственный свидетель событий — заявил: «Никогда злые силы страха, ненависти и мести не нанесли цивилизации больше ущерба, как на Парижской мирной конференции». Это сказано в 1943 г. — в разгар Второй мировой войны.

Действия тех, кого принято считать виновниками войны, обычно называют «преступлением против человечества». В немного изменённой форме это определение ещё в 1919 г. использовал бывший государственный секретарь

¹ Так принято называть политический режим, существовавший в Германии после революции 9 ноября 1918 г. и до прихода к власти Гитлера 30 января 1933 г.; название связано с тем, что Национальное собрание, принявшее в феврале 1919 г. республиканскую конституцию Германии, заседало в городе Веймар.

(глава внешнеполитического ведомства) США Филандер Нокс, говоря о Версальском «мире»: «Договор приговаривает тех, кто написал его. Это преступление против цивилизации». Теперь цитата с другого берега, датированная годом позже: «Что такое Версальский договор? Это неслыханный, грабительский мир, который десятки миллионов людей, и в том числе самых цивилизованных, ставит в положение рабов. Это не мир, а условия, продиктованные разбойниками с ножом в руках беззащитной жертве». Автор этих слов — Владимир Ильич Ленин.

Историческая справка

Мирный договор с Германией подписан 28 июня 1919 г. в Версале, бывшей резиденции французских королей, и называется Версальским. Со стороны победителей его заключили «главные Союзные и объединившиеся державы»: Соединённые Штаты Америки, Британская империя, Франция, Италия и Япония, а также: Бельгия, Боливия, Бразилия, Китай, Куба, Эквадор, Греция, Гватемала, Гаити, Геджас (Хиджас; ныне — часть Саудовской Аравии с городом Мекка), Гондурас, Либерия, Никарагуа, Панама, Перу, Польша, Португалия, Румыния, Сербо-хорватословенское государство (с 1929 г. — Югославия; ныне Сербия, Черногория, Хорватия, Словения, Босния и Герцеговина), Сиам (ныне Таиланд), Чехословакия (ныне Чехия и Словакия) и Уругвай. К моменту заключения договора Боливия и Перу разорвали отношения с Германией, но не объявляли ей войну, а Геджас ещё не был признан самостоятельным независимым государством. Договор вступил в силу 10 января 1920 г.

Мирный договор с Австрией подписан 10 сентября 1919 г. в пригороде Парижа Сен-Жермен-ан-Ле и называется Сен-Жерменским. Кроме пяти главных держав, к нему присоединились Бельгия, Китай, Куба, Греция, Никарагуа, Панама, Польша, Португалия, Румыния, Сербо-хорватословенское государство, Сиам и Чехословакия. Договор вступил в силу 16 июля 1920 г.

Мирный договор с Болгарией подписан 27 ноября 1919 г. в пригороде Парижа Нёйи-сюр-Сен и называется Нёйским. Кроме пяти главных держав, к нему присоединились Бельгия, Китай, Куба, Греция, Геджас, Польша, Португалия, Румыния, Сербо-хорвато-словенское государство, Сиам и Чехословакия. Договор вступил в силу 9 августа 1920 г.

Мирный договор с Венгрией подписан 4 июня 1920 г. в Большом Трианонском дворце Версаля и называется Трианонским. Кроме пяти главных держав, к нему присоединились Бельгия, Китай, Куба, Эквадор, Греция, Никарагуа, Панама, Польша, Португалия, Румыния, Сербо-хорвато-словенское государство, Сиам и Чехословакия. Договор вступил в силу 26 июля 1921 г.

Термин «объединившаяся держава» был использован США в 1917 г. при объявлении войны Германии с целью подчеркнуть самостоятельность своих действий от стран Антанты.

Договоры цитируются в переводе с официального французского текста, выполненном и изданном Народным комиссариатом по иностранным делам (НКИД) СССР в 1925—1927 гг. под редакцией Юрия Ключникова и заведующего Экономически-правовым отделом НКИД Андрея Сабанина. Ссылки на это издание далее приводятся сокращённо (Версаль, Сен-Жермен и т. д. и номер статьи).

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Кто виноват?», или «Повесить кайзера!»

Союзные и объединившиеся правительства заявляют, а Германия признаёт, что Германия и её союзники ответственны за причинение всех потерь и убытков, понесённых Союзными и объединившимися правительствами и их гражданами вследствие войны, которая была им навязана нападением Германии и её союзников.

(*Версаль, 231*; повторено с формулировками «*Австрия и её союзники*» и «*Венгрия и её союзники*» и с исключением слова «всех»: *Сен-Жермен, 177*; *Трианон, 161*).

Вся система послевоенных «мирных» договоров и предусмотренных ими санкций против побеждённых была основана на тезисе о том, что Центральные державы являются не только главными, но и единственными виновниками войны и, следовательно, всех потерь и убытков, понесённых победителями. Оговорка была сделана для Болгарии, от которой требовалось признать лишь *«участие в наступательной войне, которую Германия и Австро-Венгрия предприняли против Союзных и объединившихся держав»* (Нёйи, 121), но дела она не меняла.

Утверждение об исключительной виновности фигурировало уже в предварительном тексте договора, который 7 мая 1919 г. был вручён германским представителям в Трианонском дворце в Версале и опубликован в газетах. Председествовавший на конференции французский премьер-министр Жорж Клемансо сухо сообщил, что устное обсуждение предъявленных условий не предполагается, но немцы имеют право в течение двух недель представить свои письменные соображения на рассмотрение «союзников».

Возглавлявший германскую делегацию министр иностранных дел граф Ульрих фон Брокдорф-Ранцау

*Ульрих фон
Брокдорф-Ранцау*

выступил с ответной речью. К возмущению победителей, он прочитал её сидя, в чём многие увидели лишнее доказательство «тевтонской наглости». Тщательно подготовленная речь (сохранилось десять черновых вариантов!) предназначалась для истории, хотя коллеги советовали министру вообще воздержаться от комментариев и ограничиться фразой о том, что Германия принимает договор для рассмотре-

ния. Ранцау, предпочитавший использовать лишь эту, более древнюю и знатную часть своей фамилии, понимал, что ждать от собравшихся пощады или даже уступок не приходится, но счёл необходимым сделать заявление по принципиальным вопросам:

«От нас требуют, чтобы мы признали себя единственными виновниками войны. Такое признание в моих устах было бы ложью. Мы очень далеки от мысли снять с Германии всякую ответственность за то, что вспыхнула мировая война, и за то, что она велась так, как она велась. Отношение прежнего германского правительства к Гаагским мирным конференциям¹, его поведение и ошибки в трагические двенадцать дней июля (1914 г. — В. М.) ускорили, быть может, катастрофу. Но мы категорически возражаем против утверждения, что Германия, чей народ был

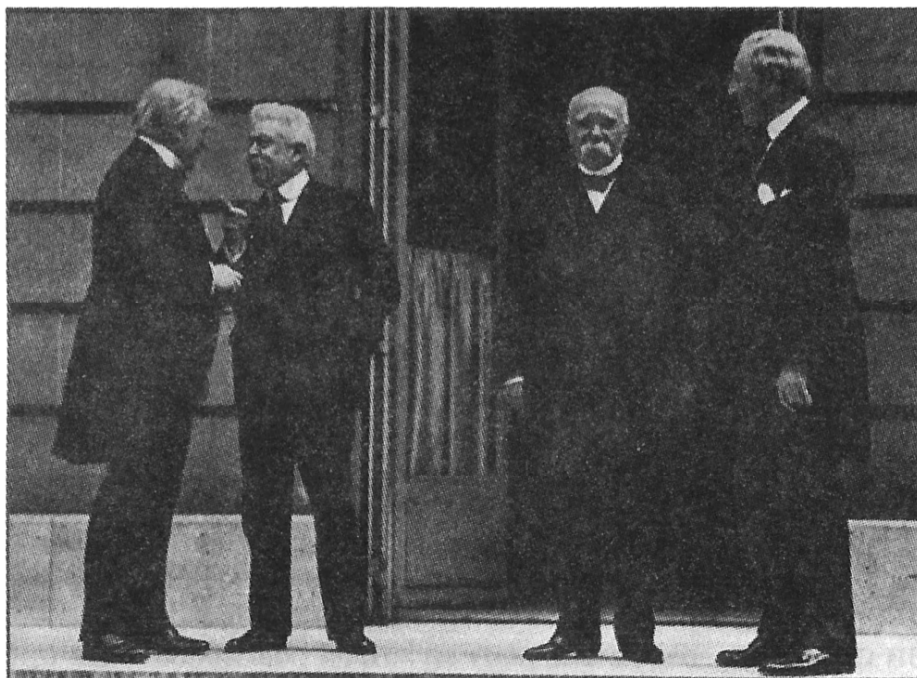
¹ На 1-й и 2-й Гаагских мирных конференциях (1899 и 1907 гг.) были приняты международные конвенции о законах и обычаях войны и рассмотрены вопросы сокращения вооружённых сил и вооружений. Германия поддержала созыв обеих конференций, но выступила против некоторых невыгодных для неё предложений (например, о невключении колониальных армий в общее количество вооружённых сил, подлежащих сокращению) и не ратифицировала декларацию «о воспреещении метания снарядов и взрывчатых веществ с воздушных судов», т. е. о запрете на бомбардировки с воздуха. На позицию Германии повлияло то, что в 1907 г. ей уже противостоял блок Великобритании, Франции и России.

убеждён, что он вёл оборонительную войну, должна быть объявлена единственной виновницей».

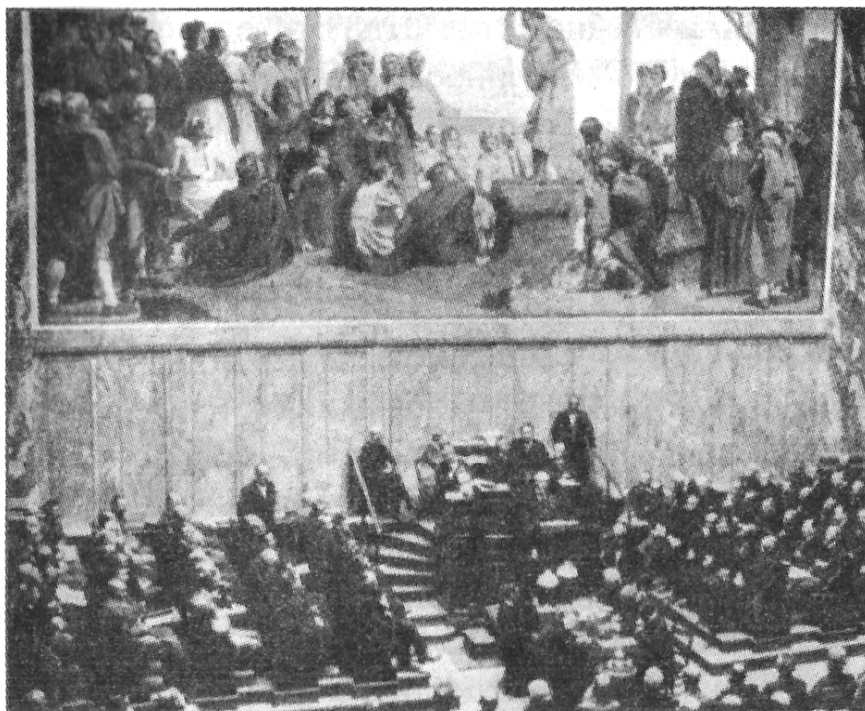
«Только беспристрастное расследование нейтральной комиссии может установить меру вины всех участников, — продолжал министр при ледяном молчании собравшихся. — Все главные участники этой трагедии должны дать свои показания этой комиссии и представить ей все материалы. Мы требовали назначения такой комиссии, мы повторяем наше требование».

Впервые предложение создать независимую международную комиссию для изучения причин войны и установления её виновников было изложено в ноте германского правительства 29 ноября 1918 г., переданной главным «союзным» державам через Швейцарию. С ним выступил не кайзер, который 9 ноября отрёкся от престола и эмигрировал в Нидерланды, и не генералы, бывшие символом «тевтонского милитаризма», а новое, республиканское правительство во главе с лидером социал-демократии Фридрихом Эбертом. Британский премьер Дэвид Ллойд Джордж и особенно американский президент Вудро Вильсон, считавшийся «моральным лидером» победителей, в ходе войны неоднократно заявляли, что противником Антанты является не германский народ, но «кайзеризм» и «тевтонский милитаризм». «Мы не ведём войны против германского народа, — публично говорил Ллойд Джордж в сентябре 1914 г., — германский народ в такой же степени подавляется прусской милитаристской кликой, как будет подавлен любой другой народ Европы, оказавшийся под её пятой. Когда эта клика будет уничтожена, для немецкого крестьянина, ремесленника и торговца настанет радостный день». В 1918 г. Вильсон отверг диалог с кайзером, дав понять, что радикальное изменение политического режима в Германии даст ей шанс не только на мир, но и на справедливый мир. В стране произошла революция, однако победители не изменили отношения к Германии. 7 марта 1919 г. они ответили, что не считают нужным реагировать на предложение Германии, поскольку её «ответственность за войну давно установлена со всей очевидностью».

Тем не менее победители понимали, что некий вердикт по данному вопросу им понадобится — хотя бы для того, чтобы на его основании требовать от Германии возмещения убытков. 25 января 1919 г. — через два месяца после предложения из Берлина и за полтора месяца до отказа рассматривать его — «мирная» конференция приняла решение создать Комиссию по ответственности авторов войны и по исполнению наказаний, цели и задачи которой исчерпывающе определялись её названием. В состав комиссии вошли 15 человек: по 2 представителя от пяти главных держав и по 1 — от Бельгии, Греции, Польши, Сербии и Румынии. Учёных-историков среди них не было, но были видные юристы во главе с государственным секретарём США Робертом Лансингом и заместителем министра юстиции Англии сэром Эрнестом Поллоком, а также французский политик Андре Тардьё — правая рука Клемансо и один из главных авторов Версальского договора. «Исполнение наказаний» играло в трудах комиссии не меньшую роль, чем «установление ответственности». Представителям нейтральных стран, не говоря о бывших противниках, места в ней не нашлось. Победители реши-

*Д. Ллойд Джордж, В. Э. Орландо, Ж. Клемансо
и В. Вильсон в Версале*

Заседание Национального собрания 12 мая 1919 г.

ли определить вину побеждённых и покарать их. 29 марта комиссия представила конференции доклад, который стал одной из основ будущего «мира».

Обнародование проекта договора сразу же вызвало не только негодование побеждённых, но и недоумение и возмущение многих в нейтральных странах и даже в державах-победительницах. Уже на следующий день, 8 мая, президент Эберт, избранный на этот пост Национальным собранием 11 февраля, назвал условия «невыносимыми» и «невыполнимыми». 9 мая рейхсканцлер Филипп Шейдеман, ещё один лидер социал-демократов, охарактеризовал договор как «неприемлемый» и «смертельный», призвав объявить неделю национального траура и проводить массовые митинги протеста. 12 мая в Берлине состоялось заседание Национального собрания, на котором против договора выступили представители всех германских земель и политических партий. Только небольшая группа независимых социалистов высказалась за немедленное подписание «мира», хотя и присоединилась к остальным в осуждении его положений. Коммунисты бойкотировали Национальное собрание.

В Англии и Соединённых Штатах с критикой договора выступили именно левые, продолжавшие верить в Вильсона и его идеализм. Депутат-лейборист Дж. Книшоу заявил, выступая перед товарищами по партии: «Если бы мы оказались побеждённой страной и нам были навязаны такие условия, мы вместо того, чтобы спокойно принять их, начали бы готовить наших детей в школе и дома к войне возмездия, чтобы сбросить нестерпимое, невыносимое иго победителей. Эти условия являются заговором не только против Германии, против Австрии и других поверженных государств, но против всей цивилизации». Нидерландский посланник¹ в Лондоне Рене ван Свиндерен подытожил: «Версальские мирные условия содержат все семена справедливой и долгой войны».

Наряду с перспективой потери территорий, которые большинство немцев считало исконно своими, особое возмущение вызвал тезис об исключительной вине Германии — не кайзера и его окружения, а всей Германии! — за развязанную в 1914 г. войну.

Изучив текст договора, Ранцау 13 мая направил Клемансо протест против приведённой выше статьи 231, которая без изменений вошла в окончательный вариант. «Германские делегаты, — говорилось в нём, — не разделяют позицию Союзных и объединившихся правительств в отношении происхождения войны. Они не могут признать бывшее германское правительство единственной или главной стороной, ответственной за эту войну. Переданный нам проект мирного договора не содержит никаких фактов в поддержку такой точки зрения; никакие доказательства по данному вопросу не были нам предъявлены. Поэтому германские делегаты просят сообщить им доклад комиссии, учреждённой Союзными и объединившимися правительствами с целью установления ответственности авторов войны».

К моменту вручения текста договора доклад не был

¹ В описываемое время — глава дипломатической миссии рангом ниже посольства; сейчас — один из дипломатических рангов.

опубликован, но его содержание — случайно или сознательно — было доведено до сведения немцев по неофициальным каналам. 20 мая Клемансо ответил, что документ предназначен только для внутреннего пользования и не может быть передан посторонним, тем самым подчеркнув его статус. По поручению германского правительства четверо авторитетных учёных — военный историк Ганс Дельбрюк, социолог Макс Вебер, историк дипломатии Альбрехт Мендельсон-Бартольди и генерал Макс Монже-ла, знаток предыстории конфликта 1914 г., — оперативно подготовили ответ на него, известный как «Меморандум четырёх профессоров» (датирован 27 мая). Все они входили в «Гейдельбергский союз за правовую политику», созданный сразу после перемирия ведущими умами страны для осмысления итогов войны и подготовки к достойному миру. Можно предположить, что у них уже имелись «наработки» по данному вопросу.

Этот содержательный и ёмкий документ¹ не оставил камня на камне от вердикта «союзников», который даже после официальной публикации полного текста не стал более убедительным ни по своей, мягко выражаясь, фрагментарной документальной базе², ни по аргументированности выводов, сделанных в соответствии с древним принципом «горе побеждённым». Позднее сторонники теории германской вины подобрали немало новых аргументов, но никто из них не обращался к докладу 1919 г.

Категорически отвергая утверждение об исключительной виновности Германии за развязывание войны, Ранцау заботился не только о добром имени своей страны. Побе-

¹ Русский перевод в книге: Вебер М. О России. Избранное. — М., 2007. — С. 141—158. С этим текстом надо обязательно ознакомиться!

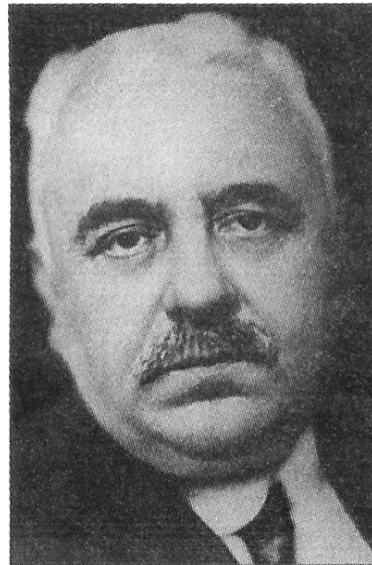
² Это «цветные книги» — сборники дипломатических документов, изданные министерствами иностранных дел разных стран после начала войны, и несколько разрозненных мемуарных свидетельств. «Цветные книги» не только отличались неполнотой, но и фальсифицировали многие документы, а использованные в докладе свидетельства современников вскоре после войны были полностью дискредитированы как недостоверные или основанные на слухах.

дители напрямую увязали этот тезис с наложенными на побеждённых территориальными и экономическими санкциями. Если их ответственность доказана, с Центральных держав можно спросить за всё и сразу. Если ответственность в целом не доказана, то размер компенсаций и репараций должен быть не только тщательно мотивирован (за что именно?), но и точно определён (сколько?). О том, сколько запросить с Германии, Австрии и Венгрии, победители на тот момент договориться не смогли, выставив счёт на конкретную сумму только Болгарии. Иными словами, от Берлина, Вены и Будапешта потребовали не только признать свою вину «за всё», но и авансом согласиться выплатить любую сумму, которую им назовут.

Ранцау особо отметил, что «обязательство выплатить репарации было принято Германией в силу ноты государственного секретаря Лансинга от 5 ноября 1918 г. независимо от вопроса об ответственности за войну». Этот документ, содержащий послание Вильсона и ставший окончательным ответом на просьбы Берлина о мире, констатировал, что «Германия должна возместить все убытки, причинённые гражданскому населению союзных стран и их имуществу вследствие нападения Германии на суше, на море и в воздухе».

Германский министр снова говорил «для истории». «Если уже условия перемирия являются насмешкой над обещаниями Антанты перед лицом всего мира, — писал в книге с красноречивым заглавием «Европа без мира» Франческо Нитти, в 1919—1920 гг. возглавлявший правительство Италии, — то Версальский договор и вытекающие из него другие договоры представляют собой отрицание всего того, что было обещано, что составляло обязательство чести и что больше содействовало поражению врага, чем многочисленные новые дивизии». Декларации президента Вильсона о «мире без аннексий и контрибуций» («Четырнадцать пунктов» в послании Конгрессу США 8 января 1918 г.) и тем более о «мире без победы» (речь в Сенате США 22 января 1917 г.) были забыты уже при подготовке перемирия в ноябре 1918 г. Тогда к

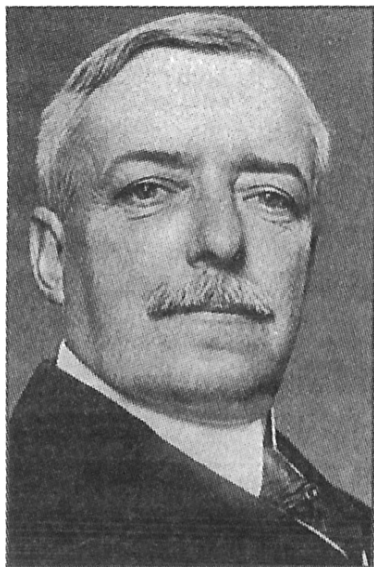
пунктам о послевоенном мировом порядке добавились требования, равносильные безоговорочной капитуляции. Германия согласилась освободить не только занятые ей территории Франции, Бельгии и Люксембурга, но и Эльзас, Лотарингию, левый берег Рейна и предмостные укрепления на основных переправах через эту реку, а также сдать победителям значительную часть своего вооружения, боеприпасов, военного и торгового флота.

Франческо Нитти

На Вильсона давили не только европейские союзники, но и собственная оппозиция. Её лидер — сенатор-республиканец Генри Кэбот Лодж, связанный с президентом отношениями сильнейшей взаимной антипатии, провозгласил 23 августа 1918 г.: «Результаты, которые мы должны получить, не могут быть достигнуты путём мира через переговоры. Единственный мир для нас — это мир, основанный на грубых физических фактах, мир через безоговорочную капитуляцию. Нас не удовлетворит никакой мир, который хоть сколько-нибудь устроит Германию». Экс-президент Теодор Рузвельт, в 1912 г. проигравший Вильсону выборы, потребовал, чтобы мир «был завоёван винтовками, а не пишущими машинками». За многочисленными высказываниями такого рода стояла не столько ненависть к Германии, сколько логика межпартийной борьбы, которая предписывала республиканцам ни в чём не соглашаться с демократами.

Позиция Вильсона как главы государства оставалась непоколебимой до истечения срока его пребывания у власти в начале 1921 г., но к открытию конференции руководимые им демократы потеряли большинство и в Сенате, и в Конгрессе. Руки самолюбивого президента, считавшего себя «апостолом мира», оказались крепко связаны, а за обещания надо было отвечать. После

Роберт Лансинг

предъявления немцам проекта договора госсекретарь Лансинг оценил его условия как «неимоверно тяжёлые, унижительные и во многом невыполнимые», а свои впечатления охарактеризовал словами «разочарование, сожаление и уныние». Лансинг понимал, что и его официальные заявления оказались дезавуированы. Тем не менее в ответе, который Клемансо от имени всех «союзников» 20 мая дал Ранцау, заявлялось, что принятие на себя

Германией обязательства об уплате репараций означает одновременное признание ответственности за развязывание войны, а потому обсуждать больше нечего.

24 мая Ранцау снова попытался оспорить тезис об ответственности Берлина за войну, признавая его виновным лишь в нарушении бельгийского нейтралитета. 28 мая он направил Клемансо «Меморандум четырёх профессоров». Но всё было тщетно. 16 июня победители предъявили Германии пространный ультиматум, потребовав подписать предъявленный текст без каких-либо оговорок в течение трёх дней (затем этот срок был увеличен до пяти дней). Отдельный раздел ультиматума был призван дать ответ на немецкий меморандум, но не столько опровергал изложенные в нём факты, сколько повторял формулы о «милитаризме» и «прусском духе». В сопроводительной ноте тезис о германской вине был зафиксирован в тоне, исключающем возможность дискуссии. Впрочем, это относилось и к остальным вопросам.

22 июня Национальное собрание большинством в 237 голосов против 138 при 5 воздержавшихся согласилось на подписание «навязанного» договора, особо подчеркнув это обстоятельство. Депутаты сделали оговорку, что отказываются признать германский народ виновным за возникновение войны и потому не могут принять на себя

обязательства, вытекающие из статей 227—230 договора о выдаче «виновников войны» на суд победителей. Макс Вебер предложил потенциальным подсудимым добровольно сдаться «союзникам», чтобы побудить их отказаться от данных статей, но на его призыв никто не согласился. Национальное собрание также попыталось добиться включения в текст положения о том, что «в течение двух лет, считая со дня подписания договора, Союзные и объединившиеся правительства представят настоящий договор верховному совету держав, как он установлен Лигой Наций, согласно статье 4 (её устава. — *В. М.*), с целью его пересмотра». Всё это было немедленно сообщено нотой в Париж.

В ответ победители заявили, что «время для дискуссий прошло» и «никакие исправления и оговорки невозможны», напомнив, что для ответа осталось меньше суток. «Мирная конференция, — писал Ключников, — ответила решительным отклонением этой попытки Германии хоть немного отстоять своё достоинство и потребовала немедленного безоговорочного признания всего версальского текста целиком. На другой день, 23 июня, происходило новое заседание германского Национального собрания по вопросу о мире, и к союзникам была обращена просьба об отсрочке окончательного ответа на 48 часов». «Союзники» не только отказали немцам, но и пригрозили в течение суток ввести войска на их территорию, если ультиматум не будет выполнен.

По возвращении из Версаля делегаты во главе с Ранцау заявили, что «условия мира невыносимы, поскольку Германия не может принять их и продолжать достойно существовать». 19 июня эксперты по экономическим и финансовым вопросам представили подробный доклад о том, что договор «делает невозможной любую попытку восстановления Германии», что «германский народ ожидает будущее без надежды», и умоляли отказаться от него. Правительство запросило армию о возможности вооружённого сопротивления «союзникам», если те введут войска и начнут исполнять свои условия силой. Фельд-

маршал Пауль фон Гинденбург заявил, что сопротивление абсолютно немыслимо — равно как и согласие на договор. После этого кабинет Шейдемана, включая Ранцау, ушёл в отставку.

23 июня, когда угроза «союзного» вторжения в течение суток стала реальной, Эберт позвонил генерал-квартирмейстеру Вильгельму Грёнеру, считавшемуся правой рукой Гинденбурга, и повторил вопрос. Грёнер посоветовал согласиться на «мир», выпустив воззвание к армии с объяснением причин такого решения. Экстренное заседание Национального собрания дало санкцию на немедленное подписание договора без каких-либо оговорок. За два часа до истечения срока ультиматума правительство уведомило конференцию о согласии, «не отказываясь от своей уверенности в беспримерной несправедливости условий мира» и в сознании, что «акт насилия не может нанести ущерб чести германского народа».

28 июня 1919 г. договор был подписан. Даже если день был выбран случайно, в нём трудно не увидеть глубокую символику: ровно пятью годами ранее в боснийском городе Сараево, входившем в то время в состав Австро-Венгрии, сербскими националистами был убит австрийский эрцгерцог (наследник престола) Франц-Фердинанд. Сараевское убийство открыло путь к Первой мировой войне, Версальский «мир» — ко Второй. 9 июля Национальное собрание ратифицировало договор, понимая, что выбора у него нет.

Одним из наиболее последовательных критиков Версальского договора и тезиса о единоличной ответственности Германии оказался Нитти:

«Нет ничего более бесполезного и нелепого, как заставить разбитого врага, схватив его за глотку, признать, что вся вина за войну лежит на нём одном. Подобное признание не имеет никакого смысла ни для победителя, ибо не может же он придавать значение признанию, вырванному силой, ни для побеждённого, ибо он знает, что подобное признание не может иметь никакого морального значения, ни для третьих лиц, ибо им слишком хорошо извест-

но, в каких условиях сделано подобное заявление. Будущее посмеётся над этой вновь изобретённой формулой, которая, желая оправдать все чрезмерные и абсурдные требования, направленные скорее к уничтожению врага, чем к получению от него прочных выгод, опирается на вынужденное признание, не имеющее никакой ценности».

Сегодня вопрос об ответственности за развязывание Первой мировой войны и о её истинных виновниках можно считать решённым. Отсылая читателя за подробностями к моей книге «Первая мировая: война, которой могло не быть», выпущенной в этой же серии, ограничусь констатацией факта, что Германия не была ни главным, ни тем более единственным виновником конфликта, поскольку ответственность несут все державы. Этот тезис был выдвинут историками в начале 1920-х гг., тщательно аргументирован в середине того же десятилетия и признан во всём мире в начале 1930-х гг. В конце 1930-х гг. многие предпочли забыть о нём из-за политики Третьего рейха, как будто Вильгельм Гогенцоллерн мог нести ответственность за Адольфа Гитлера, который даже не был его подданным... Да, родившийся в Австрии, «фюрер» получил германское гражданство лишь в 1932 г., перед президентскими выборами, в которых решил принять участие.

Для нашего исторического расследования важно другое. Первое: в 1919 г. победители категорически отказались не только принять во внимание, но даже выслушать аргументы побеждённых, не говоря уже о внесении изменений в договор. Второе: побеждённым пришлось поставить подпись под документом, с содержанием которого они были решительно — и во многом обоснованно — не согласны. Третье: победители отказывались пересмотреть спорные статьи даже тогда, когда не только германские и австрийские, но американские, британские и французские историки документально доказали их несостоятельность. Четвёртое: несмотря на всё давление, ни одно германское правительство, не говоря уже об общественном мнении, не признало версальский тезис об исключительной виновности своей страны.

12 марта 1921 г. министр иностранных дел Вальтер Симонс заявил в рейхстаге (парламенте): «В этом зале нет ни одного человека, который верил бы, что лишь Германия является причиной войны. Я далёк от утверждения о том, что мы безгрешны, но мир должен постепенно понять, что называть Германию единственным виновником неверно. Наш долг — сделать всё возможное для прояснения данного вопроса». В июле 1924 г. историк Герман Лютц подготовил «Воззвание к британскому чувству честной игры», которое подписали 120 известных общественных деятелей различной ориентации, кроме нацистов и коммунистов. В том же году, после утверждения плана экономической реконструкции Германии («план Дауэса»), Берлин официально подтвердил несогласие с версальским тезисом, напомнив, что он был принят «под давлением превосходящей силы».

В ответ Англия и Франция в очередной раз заявили, что вопрос решён и пересмотру не подлежит. Эту позицию откровенно обосновал Ллойд Джордж, выступая 3 марта 1921 г. перед Репарационной комиссией: «Ответственность Германии за войну является основополагающей для «союзников». Это фундамент, на котором основан договор, и, если он развалится или будет ликвидирован, договор рухнет. Поэтому мы хотим заявить со всей ответственностью, раз и навсегда, что ответственность Германии за войну окончательно установлена и «союзники» должны относиться к ней соответствующим образом».

Нежелание считаться с фактами показывало, что подлинные причины войны победителей не интересовали. Если Германия не виновата, Версальский договор несправедлив; более того, он несправедлив даже при её частичной вине. Если договор несправедлив, Германия имеет право потребовать назад то, что у неё отобрали. Поэтому германские руководители не прекращали своих усилий по принципу «вода камень точит».

Олицетворявший веймарскую демократию министр иностранных дел Густав Штресеман был столь же после-

дователен в этом, как и фельд-маршал Пауль фон Гинденбург, избранный в 1925 г., после смерти Эберта, президентом страны. К концу 1920-х гг. мало кто в США и Великобритании был по существу согласен со статьёй 231 Версальского договора (французские националисты оставались наиболее последовательными), но внесение любых поправок в «священный» текст пугало правящие круги бывшей Антанты перспективой разрушения всей системы. Отвечая 20 августа 1923 г. британскому министру иностранных дел лорду Керзону, французский премьер Раймон Пуанкаре писал: «Франция опасается, что в результате краха Версальского договора будет создан опасный прецедент. Сен-Жерменский, Нёйиский и Трианонский договоры в таком случае скоро разделят его судьбу, и вся новая Европа будет потрясена до основания».

Джордж Керзон

«Французы хорошо сознавали непрочность своего могущества, покоившегося не на естественной, а на искусственной основе: на дискриминациях и ограничениях, навязанных Германии Версальским договором, — признал в годы Второй мировой войны британский историк В. М. Джордан. — При отмене этих ограничений Германия, в случае отсутствия соответствующих гарантий, далеко превзошла бы по мощи все остальные государства континента». Поэтому победители так крепко держались за статью 231 как за «вердикт истории».

В июле 1932 г. на Лозаннской конференции, урегулировавшей проблему репараций, рейхсканцлер Франц фон Папен обратился к главам правительств Англии и Франции с просьбой аннулировать статью 231, поскольку её главная практическая цель — обеспечить возмещение убытков — достигнута. Британский премьер Рамсей Макдональд дрогнул, но его французский коллега Эдуард Эр-

Густав Штресеман

рию, опасавшийся за судьбу своего правительства, остался непоколебим. Папен предупредил Эррио и Макдональда, что, если он вернётся домой без политического «бонуса», его кабинет может оказаться последним «буржуазным» правительством и им придётся иметь дело с радикально настроенными национал-социалистами в коалиции с правыми партиями или даже в виде диктатуры.

Озабоченные реакцией собственных парламентов и газет, премьеры оставили предупреждение без внимания. В Германии Папена и его делегацию встретили тухлыми яйцами и гнилыми яблоками, но это было не самое страшное. Лишённое поддержки Рейхстага, в котором нацисты пошли на тактический союз с коммунистами, правительство оказалось недолговечным. 30 января 1933 г. лидер национал-социалистов Адольф Гитлер, не занимавший никаких государственных постов, был назначен рейхсканцлером и сформировал коалиционный кабинет, пригласив Папена на пост вице-канцлера. 30 июня 1934 г. Гитлер расправился со своими противниками в ходе «ночи длинных ножей», снял Папена с должности и ещё через месяц отправил его посланником в Вену.

30 января 1937 г. Гитлер, выступая в Рейхстаге в четвёртую годовщину своего назначения канцлером, официально заявил, что Германия отказывается признавать статью 231 Версальского «мира».

«Способ, которым в Версальском договоре закреплена ответственность за войну, — писал в 1928 г. германский историк и публицист Альфред фон Вегерер, — влечёт за собой установление прецедента, который в будущем может оказаться вредным. Существует опасность, что по завершении новых войн этот однажды применённый рецепт будет использован снова и что в каждом случае вина будет

полностью возложена на проигравшую сторону. Поэтому в интересах народов всех стран знать и попытаться уничтожить процедуру, применённую в Версале, а именно возложение, по ложным мотивам и в унижительной и незаконной форме, всей ответственности за войну на побеждённых и установление тяжких условий мирного договора на основании этой ответственности». Так произошло после Второй мировой войны. Бесспорно, главарей Третьего рейха было за что привлечь к самой суровой ответственности, но и противная сторона совершила немало преступлений, за главное из которых — «мирные» договоры — никто так и не ответил. Принцип «горе побеждённым» остался в силе.

Победители не ограничились установлением вины Германии как государства, режима или народа. Они решили перейти на личности.

Союзные и объединившиеся державы предъявляют Вильгельму II Гогенцоллерну, бывшему германскому императору, публичное обвинение в высшем оскорблении международной морали и священной силы договоров.

Специальный суд будет образован, чтобы судить обвиняемого, обеспечив ему существенные гарантии права защиты.

Он будет состоять из пяти судей, назначенных каждой из пяти следующих держав, а именно: Соединёнными Штатами Америки, Великобританией, Францией, Италией и Японией.

Суд будет судить по мотивам, внушённым высшими принципами международной политики, и в заботе об обеспечении уважения к торжественным обязанностям и международным обязательствам, а также к международной морали. Ему будет надлежать определить наказание, которое по его суждению должно быть применимо.

Союзные и объединившиеся державы обратятся к правительству Нидерландов с просьбой о выдаче бывшего императора в их руки для того, чтобы он был судим.

(Версаль, 227)

Австро-венгерский император Франц-Иосиф I скончался в ноябре 1916 г. Его преемник — внучатый племянник Карл I, свергнутый революцией 1918 г., не вызывал интереса победителей, пока в 1921 г. не попытался восстановить монархию в Венгрии, за что был отправлен в ссылку на португальский остров Мадейра. Не было у них претензий и к болгарскому царю Фердинанду, который в том же 1918 г. отрёкся от престола в пользу своего сына Бориса и эмигрировал в Германию. Однако «союзники» решили не просто рассчитаться с кайзером, но и создать международный механизм преследования за военные преступления. Этому должны были служить следующие статьи:

Германское правительство признаёт за Союзными и объединившимися державами право привлечения к их военным судам лиц, обвиняемых в совершении действий, противных законам и обычаям войны. Предусмотренные законами наказания будут применены к лицам, признанным виновными. Это постановление будет применяться независимо от всяких процессов или преследований в суде Германии или её союзников.

Германское правительство должно будет выдать Союзным и объединившимся державам или той из них, которая к нему обратится с просьбой о том, всяких лиц, которые, будучи обвинены в совершении действий, противных законам и обычаям войны, были бы указаны либо поимённо, либо по чину, обязанности или должности, присвоенных этим лицам германским правительством.

* * *

Совершившие действия против граждан одной из Союзных и объединившихся держав будут переданы военным судам этой державы.

Совершившие действия, направленные против граждан нескольких Союзных и объединившихся держав, будут переданы военным судам, состоящим из членов, принадлежащих к военным судам заинтересованных держав.

Во всех случаях обвиняемый будет иметь право сам избрать своего защитника.

* * *

Германское правительство обязуется доставить всякие документы и сведения какого бы то ни было рода, представление которых было бы сочтено необходимым для полного выяснения инкриминируемых фактов, розыска виновных и точной оценки ответственности.

(Версаль, 228—230; Сен-Жермен, 173—175; Трианон, 157—159; Нёйи, 118—120)

Веймарское Национальное собрание и республиканское правительство Германии сочли эти статьи неприемлемыми для национального достоинства. До тех пор цивилизованные государства не диктовали друг другу подобных условий. Требование Австро-Венгрии допустить её представителей к расследованию на территории Сербии обстоятельств заговора, приведшего к убийству эрцгерцога Франца-Фердинанда в 1914 г., было решительно осуждено другими державами как грубое покушение на национальный суверенитет. Вена выставила его сознательно, рассчитывая, что из-за этого Белград не примет ультиматум. Теперь Германии предлагалось согласиться на неизмеримо большее.

Идея наказать виновных в нарушении законов и обычаев войны достойна всякого уважения и поддержки, но лишь тогда, когда закон имеет равную силу и обязателен для всех. В сочетании с тезисом об исключительной вине Центральных держав приведённые статьи подразумевали, что победители не только имеют право судить побеждённых, но сами безгрешны и неподсудны. Доказательство равной или хотя бы сопоставимой ответственности лидеров всех ведущих государств за развязывание войны делало суд *только* над одной стороной либо невозможным с точки зрения морали и права, либо откровенной насмешкой над их нормами, ради соблюдения которых всё и затевалось.

Беспрецедентным было и требование о предании кайзера суду. В то время глав государств, даже бывших, не судили, а только убивали — в результате революций, пере-

Кайзер Вильгельм II

воротов или покушений, не заботясь о юридическом декоруме. Экс-императора собирались судить по всем правилам, но исход процесса казался очевидным, поскольку призывы «повесить кайзера» открыто звучали в США и Великобритании. Впервые об этом заговорили — правда, неофициально — в 1915 г., после расстрела немцами в Бельгии английской сестры милосердия Эдит Кавелл, помогавшей солдатам «союзных» армий бе-

жать из плена, после потопления германской подводной лодкой британского лайнера «Лузитания» с гражданами нейтральных стран на борту и бомбардировки Лондона с дирижабля. Общественное мнение, в том числе в Новом Свете, было уже «разогрето» рассказами прессы о «немецких зверствах» в Бельгии и Франции, большинство которых на поверку оказалось злонамеренной выдумкой.

«Требование повесить кайзера, — вспоминал Уинстон Черчилль, занимавший в то время пост военного министра, — нашло в прессе хороший приём и было выражено несколькими министрами. Оно было впервые выдвинуто в официальных кругах лордом Керзоном (в то время лидер палаты лордов и лорд-президент Совета¹. — *В. М.*). Без сомнения, требование повесить кайзера было стихийно выдвинуто также широкими народными массами. В течение четырёх лет все решительно пропагандисты клеймили кайзера позором как того, чьё недостойное тщеславие и преступное безумие погрузили мир в страшную пучину бедствий. Именно он нёс ответственность за всю бойню. Не кто иной, как Барнс (министр без портфеля Джордж Барнс. — *В. М.*), официальный представитель лейборист-

¹ Министерский пост в британском правительстве — заместитель премьер-министра без строго определённых обязанностей.

ской партии в военном кабинете, в публичной речи заявлял: «Здесь упоминали о кайзере. Я стою за то, чтобы повесить кайзера...» На первых порах премьер-министр чрезвычайно сильно поддавался подобным взглядам. Не только во время выборов, но и на мирной конференции он изъявил готовность во что бы то ни стало добиваться выдачи германского императора и предания его суду, где должен был быть поставлен вопрос о предании его смертной казни».

«Я лично не считал, — продолжал Черчилль, — что ответственность монархов за их государственную политику могла устанавливаться таким методом. Когда мне пришлось официально высказаться (20 ноября 1918 г.), я рекомендовал проявить в этом вопросе осторожность. Но так как все классы и все партии города Дэнди (где он выступал. — *В. М.*) усиленно настаивали на том, что кайзер должен быть повешен, я был вынужден поддержать требование о привлечении его к суду». Автор лукавит, но это характерная черта его мемуаров. Черчилль всегда отличался умением говорить то, что приносит политические дивиденды в данный момент. В 1918 г. надо было выступать за предание Вильгельма суду с перспективой казнить его. В 1927 г., когда вышла книга, это стало неактуально, немодно и должно было вспоминаться с иронией. Ещё подробнее оправдывался Ллойд Джордж в книге «Правда о мирных договорах», увидевшей свет в 1938 г. Он напоминал, что не пользовался лозунгом «Повесить кайзера», а лишь говорил о процессе над ним.

Правовое обоснование суду над бывшим императором дал генеральный прокурор сэр Фредерик Смит (впоследствии лорд Биркенхед), считавшийся одним из лучших юристов Британии. Он предложил инкриминировать Вильгельму нарушение нейтралитета Бельгии и связанных с этим международных договоров¹, объявление неограниченной подводной войны, приведшей к гибели граждан-

¹ Подробнее в моей книге «Первая мировая: война, которой могло не быть».

ского населения, и отдачу приказов — в качестве верховного главнокомандующего, — которые повели за собой нарушение законов и обычаев войны (дело Кавелл). Смит предупредил, что административный, «наполеоновский» вариант (политическое осуждение и ссылка) быстрее и эффективнее, но уязвим с точки зрения права, а судебный процесс, вердикт которого «санкционируется на вечные времена соблюдением всех законных формальностей», может затянуться, особенно если включить в состав трибунала немцев и представителей нейтральных стран.

При обсуждении данного вопроса по инициативе Ллойд Джорджа 1 декабря 1918 г. на переговорах в Лондоне «Клемансо заявил, что, по его мнению, было бы очень большим достижением, если бы нам удалось наказать того, кто виновен в величайшем в истории преступлении, на ком лежит вина за объявление войны в августе 1914 г.». Фраза построена очень тонко: объявление войны, сделанное Германией, приравнивалось к ответственности за неё, которую с не меньшими основаниями можно было возложить если не на самого Клемансо, то на президента Франции Раймона Пуанкаре, продолжавшего занимать свой пост и в 1918 г. Итальянский премьер Витторио Орландо согласился с коллегами, хотя и отметил, что «данный вопрос есть вопрос чувства, а не интересов». Главе правительства возразил его министр иностранных дел Сидней Соннино: «Хотят ли союзники сделать бывшего кайзера мучеником за национальную идею для будущей Германии? Разве остров Святой Елены не сослужил службу бонапартистам?»

Клемансо решительно поддержал идею судебного органа, составленного только из представителей главных держав Антанты. «В трибунале не должно быть нейтралов, — заявил он. — Они не имеют на это права — они не вступали в войну и не приносили жертв. Право участия в суде принадлежит тем, кто понёс эти жертвы». Столь новая для европейского права концепция — видимо, восходящая к временам Французской революции, продолжателем традиций которой считал себя премьер, — вызвала недоумение

у британского министра иностранных дел лорда Бальфура. Он спросил, «не будет ли утеряна при таком порядке всякая видимость беспристрастия. Если союзники сами создадут трибунал, во что обратится моральный эффект для всего мира?». Именно на этом принципе будут основаны создание и деятельность Международных военных трибуналов после Второй мировой войны.

Главными противниками судебного преследования кайзера и создания с этой целью международного трибунала выступили американцы — президент Вильсон и госсекретарь Лансинг. В наши дни это может показаться странным, поскольку именно США прямо или косвенно играют «первую скрипку» в процессах над бывшими главами государств из числа своих противников, вне зависимости от того, судит ли их международный трибунал, как Слободана Милошевича и Радована Караджича, или национальный, как Саддама Хусейна. В чём же дело?

Моралист Вильсон не скрывал ненависти к императору (которого, правда, никогда не видел) как воплощению «тевтонского милитаризма» и «прусского самодержавия», но сомневался в его личной ответственности за войну и в подсудности главы государства за действия, относящиеся к национальному суверенитету. Президенту также не импонировала перспектива выступать одновременно в качестве судьи и прокурора; роль обвинителя попытались предложить Бельгии, но та отказалась. Юрист Лансинг считал опасным прецедентом создание именно международного трибунала и привлечение к ответственности главы государства (судьба лиц меньшего ранга его не волновала). Декларативно осуждая, как и Вильсон, агрессивные войны, госсекретарь не хотел связывать Вашингтон чётким определением понятия «агрессия», поскольку под него могли попасть многие действия самих Соединённых Штатов. Сказанное в первую очередь относилось к Латинской Америке, которую Вашингтон не только считал своей вотчиной в силу «доктрины Монро» (Декларация принципов внешней политики США), но и закрепил это в Статуте (Уставе) Лиги Наций:

«Международные обязательства, такие, как договоры о третейском разбирательстве, и ограниченные пределами известных районов соглашения, как доктрина Монро, которые обеспечивают сохранение мира, не рассматриваются как несовместимые с каким-либо из постановлений настоящего Статута».

(Версаль, 21)

Американцы были не против «морального осуждения» действий кайзера и высылки его куда-нибудь подальше от Европы, как столетием раньше Наполеона на остров Святой Елены, но без применения юридических механизмов, которые тем более ещё не существовали. Заместитель британского министра юстиции Поллок — главный оппонент Лансинга — откровенно писал Ллойд Джорджу, что американцы «не хотят создать возможность того, чтобы их президент когда-либо мог быть привлечён к ответственности».

Позиция французов менялась с течением времени: официально требуя суда над кайзером и другими «военными преступниками», они конфиденциально дали немцам понять, что не будут настаивать на этом в обмен на удовлетворение экономических требований. Италия и Япония были готовы присоединиться к той стороне, которая поможет им добиться удовлетворения территориальных притязаний. В итоге Вильсон по совету Лансинга вынес на рассмотрение коллег предложения потребовать от Нидерландов выдачи кайзера и создать трибунал только из представителей «большой пятёрки», что стало основой статей 227 и 230 договора. Создание международного судебного органа в более широком составе, признание личной ответственности кайзера за развязывание войны и определение агрессии остались за кадром.

Вильгельм II не был предан суду, потому что Нидерланды отказались выдать его, а «союзники» по дипломатическим каналам дали понять, что требуют этого лишь для проформы. Смирился даже Ллойд Джордж, столкнувшийся с сопротивлением не только собственного правительства, но и монарха. Британский король Георг V не горел

желанием видеть на скамье подсудимых собственного кузена, судьбу которого будут решать «простолюдины», и вряд ли был рад предвыборной речи своего премьера, заявившего: «Люди, ответственные за преступления против человечества, не должны остаться безнаказанными только потому, что в момент, когда они совершали свои злодеяния, их головы были увенчаны коронами». Общественное мнение постепенно успокоилось, так как люди поняли, что репрессии против кайзера, мягко говоря, не пошли бы на пользу миру в Европе, а его оправдание нанесло бы сильный удар престижу победителей.

Виртуальный процесс над экс-императором состоялся в 1937 г., когда американский писатель немецкого происхождения Джордж Вирек выпустил книгу «Кайзер под судом». В воображаемом трибунале, который возглавлял голландец, заседали судьи из Германии, Франции, Великобритании и США. Обвинитель, защитник и свидетели, включая ушедших в мир иной, говорили словами документов и мемуаров. Присяжные — представители воевавших и нейтральных стран — слушали и задавали вопросы. Последним из 12 присяжных, который на протяжении всего процесса не снимал маску и от голоса которого зависел вердикт суда, оказался... читатель. Вирек, по семейному преданию, приходился кайзеру кузеном, поскольку его отец считался внебрачным сыном Вильгельма I, деда Вильгельма II. Однако он подвёл читателя к оправдательному приговору не в силу родства или дружбы с монархом-изгнанником в 1920—1930-е гг., а благодаря убедительности своих аргументов.

После Второй мировой войны Международный военный трибунал не только судил, но и приговорил к смерти или тюремному заключению многих лидеров поверженных стран, включая главу последнего законного правительства Третьего рейха гросс-адмирала Карла Дёница и нескольких экс-премьеров Японии, но император Сёва (Хирохито) и члены его семьи не были преданы суду, несмотря на призывы общественности. Позднее отрешённые от власти главы государств не раз оказывались на скамье

подсудимых, но обычно в собственных странах и лишь иногда в других — как панамский диктатор Мануэль Норьега в США. Исключение составил гаагский Международный трибунал по бывшей Югославии, имеющий мандат Совета Безопасности ООН и призванный таким образом представлять всё мировое сообщество. Однако его деятельность подвергается критике с многих сторон как недостаточно объективная.

Сформировать эффективную систему ответственности за военные преступления после Первой мировой не удалось главным образом потому, что никто к этому всерьёз не стремился. Вильсона больше всего интересовало создание Лиги Наций, Клемансо — немецкие территории, Ллойд Джорджа — финансовые вопросы. В декабре 1919 г. Франция представила список из 1580 человек, которых она требовала предать суду. 13 января 1920 г. «союзники» договорились на общей цифре в 890 человек, а ещё через неделю довели её до 854. Но и она была нереальной из-за отсутствия необходимого судебного органа, нежелания Германии выдавать лиц из списка, представленного ей 3 февраля того же года, единства её общественного мнения в данном вопросе и отказа потенциальных подсудимых, прежде всего военных, предстать перед любым судом, кроме отечественного. Соединённые Штаты, Конгресс которых отказался ратифицировать Версальский договор, заявили, что не участвуют в этом деле. Англичане удовлетворились несколькими обвинительными приговорами, вынесенными Верховным судом в Лейпциге, и потеряли интерес к дальнейшему. Франция и Бельгия остались недовольны его решениями и сами заочно осудили более 1200 человек, используя это для давления на Берлин. После прихода нацистов к власти рассмотрение дел о военных преступлениях Первой мировой в германских судах было прекращено.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«Что делать?», или «Германия за всё заплатит!»

«Бош может и должен за всё заплатить!» Этой грубой, но предельно чёткой фразой парижская печать сформулировала позицию своей страны в отношении репараций, решение о которых приняла «мирная» конференция. «Бош» — принятое в тогдашней Франции оскорбительное название для немца (как «хохол» для украинца или «жид» для еврея).

Но что значит «за всё»? Французы хотели включить в итоговую сумму не только убытки от уничтоженных или вывезенных в Германию материальных ценностей, но и свои военные издержки — стоимость выпущенных по врагу пуль и снарядов. «Президент Пуанкаре, — вспоминал Ллойд Джордж двадцать лет спустя, — не сомневался, что Германия может оплатить весь счёт и должна будет это сделать, если мы приставим штык к её груди. Он беспрерывно терзал Клемансо своими увещеваниями не сдаваться». Их поддержал премьер Австралийского Союза Уильям Хьюз, по всем вопросам придерживавшийся крайней точки зрения.

Вскоре стало ясно, что учёт военных издержек за четыре года сделает репарации такими, что Германии для их уплаты понадобится лет сто. Или же она вовсе ничего не заплатит, а её население можно будет брать в рабство, как это делалось в Древнем мире. Тогда англичане и американцы настояли только на возмещении ущерба частным лицам, как определяла упоминавшаяся выше нота Лансинга от имени Вильсона и «союзников».

Победители решили взыскать компенсацию в виде денег, материальных ценностей и территорий с находящимися на них материальными ценностями, от железных дорог до полезных ископаемых. Территориям и тому, что на них находилось, посвящены следующие главы нашего исторического расследования. Сейчас мы рассмотрим во-

прос о репарациях — о том, что и сколько должны были заплатить бывшие Центральные державы. Однако с учётом темы нашей книги — происхождение и причины Второй мировой войны — остановимся только на Германии, поскольку репарации, наложенные на Австрию и Болгарию, не сыграли роли в подготовке нового конфликта, а для Венгрии наиболее взрывоопасной проблемой оказалась территориальная.

Фраза про «боша», который «за всё заплатит», может считаться предельно коротким, но точным пересказом трёх объёмистых частей Версальского договора: «Репарации», «Финансовые положения», «Экономические положения», которые вместе с многочисленными приложениями, напечатанными мелким шрифтом, занимают 55 страниц журнального формата в русском переводе (статьи 231—312). Это не считая отказа Германии от всех колоний и всех прав и интересов за её пределами, а именно в Китае, Сиаме, Либерии, Марокко и Египте (Версаль, 128—158). Технические детали интересны лишь специалистам, но мы обязаны рассмотреть хотя бы общие положения, чтобы наши выводы не оказались голословными.

Союзные и объединившиеся правительства признают, что ресурсы Германии недостаточны — учитывая постоянное уменьшение этих ресурсов, которое происходит из других постановлений настоящего договора, — для обеспечения полного возмещения всех этих потерь и всех этих убытков.

Союзные и объединившиеся правительства требуют, однако, а Германия в том обязуется, чтобы были возмещены все убытки, причинённые гражданскому населению каждой из Союзных и объединившихся держав и их имуществам в течение периода, когда эти державы находились в состоянии войны с Германией, и, общим образом, все убытки, как они определены в помещённом при сём Приложении.

(Версаль, 232)

Что же говорится в приложении? Оно длинное, подробное и на первый взгляд скучное, но его придётся при-

вести полностью — как первоисточник, который надо внимательно прочитать до конца:

Компенсация может быть потребована с Германии согласно со статьёй 232 за совокупность убытков, входящих в следующие ниже категории:

- 1) Убытки, причинённые гражданским лицам в отношении личности или их жизни и тем, которые остались после них и которые состояли на иждивении этих гражданских лиц, всякими военными действиями, включая бомбардировки или иные нападения на суше, на море или с воздуха, и всякими их прямыми последствиями или всякими военными операциями обеих групп воюющих (обратим внимание! — *В. М.*), в каком бы месте то ни было.
- 2) Убытки, причинённые Германией или её союзниками гражданским лицам, жертвам актов жестокости, насилия или дурного обращения (включая покушения на жизнь или на здоровье, вследствие тюремного заключения, ссылки, интернирования или эвакуации, оставления в море или принудительных работ), в каком бы месте то ни было, и тем, которые остались после них и находились на иждивении этих жертв.
- 3) Убытки, причинённые Германией или её союзниками на их территории или на территории, оккупированной или подвергавшейся вторжению, гражданским лицам, жертвам всякого рода действий, нанёсших ущерб здоровью, трудоспособности или чести, и тем, которые остались после них и находились на иждивении этих жертв.
- 4) Убытки, причинённые всякого рода дурным обращением с военнопленными.
- 5) В качестве убытков, причинённых народам Союзных и объединившихся держав, всякие пенсии или вознаграждения того же рода военным, жертвам войны (сухопутные армии, флоты или воздушные силы), калекам, раненым, больным или инвалидам и лицам, поддержкой которых эти жертвы были; размер сумм, причитающихся Союзным и объединившимся правительствам, будет исчислен для каждого из названных правительств в капитализирован-

ной стоимости названных пенсий и компенсаций ко дню вступления в силу настоящего договора, на основе ставок, существующих к указанному выше дню во Франции.

- 6) Издержки по помощи, оказанной правительствами Союзных и объединившихся держав военнопленным, их семьям и лицам, поддержкой которых они были.
- 7) Вспомоществования, оказанные правительствами Союзных и объединившихся держав семьям и другим лицам, бывшим на иждивении мобилизованных или всех тех, кто служил в армии; размер сумм, причитающихся им за каждый из годов, в течение которых происходили враждебные действия, будет исчислен для каждого из названных правительств на основе средней ставки, применявшейся во Франции в течение названного года для этого рода платежей.
- 8) Убытки, причинённые гражданским лицам вследствие наложенного на них Германией или её союзниками обязательства работать без справедливой оплаты.
- 9) Убытки, относящиеся ко всякого рода собственности, в каком бы месте она ни находилась, принадлежащей одной из Союзных и объединившихся держав или её гражданам (за исключением военных или морских укреплений и материалов), которая была забрана, захвачена, повреждена или разрушена действиями Германии или её союзников на суше, на море или в воздухе, или убытки, причинённые прямыми последствиями враждебных действий или всякого рода военных операций.
- 10) Убытки, причинённые в форме поборов, штрафов или тому подобных принудительных сборов со стороны Германии или её союзников, в ущерб гражданскому населению.

Дочитали? Перечитайте ещё раз и подумайте, что победители забыли включить в этот перечень.

Одним из главных авторов репарационных и экономических статей был министр финансов Франции Луи-Люсьен Клоц. В процессе подготовки договора он выдвинул предложение, что отказ Германии от выплаты репара-

ций должен быть встречен «повсеместной или частичной финансовой и экономической блокадой», «оккупацией дополнительных районов, имеющих стратегическое значение» или «такой оккупацией территории, которая даст Репарационной комиссии финансовые и промышленные доходы, необходимые для погашения германского долга». Рвение Клоца испугало даже Ллойд Джорджа, который во вре-

Луи-Люсьен Клоц

мя предвыборной кампании в Англии в ноябре—декабре 1918 г. обещал, что Германия заплатит за всё «на пределе своих возможностей», но от точных цифр предусмотрительно уклонился. На одном из заседаний в Париже, где рассматривались репарационные проблемы, британский премьер заявил: «Если в Германии будет создано большевистское правительство, оно поставит три памятника — Ленину, Троцкому и Клоцу». Говорят, он же пустил по адресу французского финансиста язвительное словечко «Клоцкий».

Впрочем, это не мешало Ллойд Джорджу поддерживать решительные речи своих коллег по кабинету в ходе избирательной кампании, основным вопросом которой стал вопрос о репарациях. «Лозунг «повесить кайзера», — заметил Черчилль, — был порывом чувства, а лозунг «заставьте их платить» был связан с изложением фактов и цифр». 9 декабря 1918 г. первый лорд адмиралтейства (морской министр) сэр Эрик Геддес заявил, обращаясь к избирателям:

«Если я буду переизбран, Германия заплатит реституции, репарации и компенсации. Лично я не сомневаюсь, что мы получим от неё всё, что можно выжать из лимона, и ещё кое-что сверх того. Я предлагаю, чтобы всё германское имущество, движимое и недвижимое, в союзных и нейтральных странах, будь то государственная или частная

собственность, было сдано союзникам, и пусть Германия платит своим драгоценным гражданам своими драгоценными бумажными деньгами. Я предлагаю, чтобы Германия отдала не только всё золото, какое у неё есть, но также всё серебро и драгоценности. Все её картины и библиотеки должны быть проданы нейтральным и союзным странам, а выручка пущена на уплату компенсаций. Я раздену Германию, как она раздела Бельгию».

Речь была встречена бурными аплодисментами. Однако через три дня ветеран британского социалистического движения Беатриса Вебб записала в дневнике: «Я физически чувствую себя больной, когда читаю бешеные призывы лидеров коалиции — премьер-министра (Ллойд Джорджа. — *В. М.*), Черчилля, Геддеса — повесить кайзера, разорить и унижить немецкий народ, даже лишить Германию её художественных сокровищ и библиотек. Всё это может быть предвыборной болтовнёй, но это вульгарная и грубая болтовня, унижающая избирателя».

Вернёмся к тексту договора. Кому же предстояло определить конкретный размер убытков и способы их взыскания?

Размер названных убытков, которые Германия обязана возместить, будет установлен межсоюзной комиссией, которая примет название Репарационной комиссии и будет образована в форме и с правами, указанными ниже и в помещённых при сём приложениях.

Эта комиссия изучит претензии и предоставит германскому правительству справедливую возможность быть выслушанным.

Заключения этой комиссии, поскольку то касается размера определённых выше убытков, будут составлены и сообщены германскому правительству самое позднее 1 мая 1921 г. как представляющие совокупность его обязательств.

Комиссия установит одновременно схему уплат, предусматривая сроки и формы выплаты Германией всего её долга в течение тридцати лет, начиная с 1 мая 1921 г.

(Версаль, 233)

Цитировать целиком длиннейшие приложения я не буду, но несколько статей привести необходимо.

Все обсуждения в комиссии будут секретными, разве что по особым основаниям комиссия в отдельных случаях не постановит иначе.

Комиссия исследует претензии и даст германскому правительству справедливую возможность быть выслушанным без того, чтобы оно могло принимать какое бы то ни было участие в решениях комиссии.

Комиссия не будет связана никаким законодательством, никаким отдельным кодексом, никаким специальным правилом, касающимся расследования или производства; она будет руководствоваться правосудием, справедливостью и добросовестностью. Её решения должны будут согласовываться с единообразными принципами и правилами во всех случаях, когда эти принципы и эти правила будут применимы. Она установит правила, относящиеся к способам доказательства претензий. Она может пользоваться всякими законными способами вычисления.

Меры, которые Союзные и объединившиеся державы будут иметь право принять в случае намеренного уклонения Германии и которые Германия обязуется не рассматривать как враждебные действия, могут состоять в актах экономических и финансовых запретов и репрессий и вообще в таких других мерах, которые подлежащие правительства сочтут как вынужденные обстоятельствами.

(Приложение II. Параграфы 8, 10, 11, 18)

Яснее не скажешь: комиссия считает, как хочет, не будучи связана никаким законодательством, а лишь опираясь на «правосудие, справедливость и добросовестность». В ультиматуме «союзников» от 16 июня 1919 г., требовавшем немедленного принятия всех условий договора, также говорилось:

«Союзные и объединившиеся державы, верные политике, которую они уже подтверждали, отказываются вести дискуссию по поводу принципов, которые легли в основу статей мирного договора, содержащих условия, относящиеся к репарациям. Категории убытков и репарационные статьи должны быть при-

няты германскими властями как не подлежащие обсуждению».

Составив обширный список оснований для взыскания репараций, победители так и не смогли договориться о конкретных суммах, отведя на определение этого целых два года. Так что же, Германии была дана передышка, чтобы собрать деньги? Ничего подобного.

Чтобы позволить Союзным и объединившимся державам отныне же приступить к восстановлению их промышленной и экономической жизни, впредь до окончательного установления размера их претензий, Германия произведёт в течение 1919 и 1920 гг. и первых четырёх месяцев 1921 г. такие платежи и в таких формах (золотом, товарами, кораблями, ценными бумагами или иначе), которые может установить Репарационная комиссия, причём эквивалент этих выплат будет двадцать миллиардов золотых марок.

* * *

До 1 мая 1921 г. германское правительство не может ни вывозить золото или распоряжаться им, ни разрешать того, чтобы золото вывозилось или чтобы им распоряжались без предварительного разрешения Союзных и объединившихся держав, представленных Репарационной комиссией.

(Версаль, 235, 248)

А чтобы ничего не укрылось от бдительного ока победителей:

Германское правительство сообщит комиссии все сведения, которые могут ей понадобиться, о финансовом положении и финансовых операциях и об имуществе, производственной способности, запасах и текущем производстве сырья и фабрикатов Германии и её граждан; оно даст равным образом всякие относящиеся к военным действиям справки, знакомство с которыми было бы сочтено необходимым комиссией для установления обязательств Германии, как они определены в Приложении I.

Германское правительство предоставит членам комиссии и уполномоченным ею агентам все права и иммунитеты, которыми пользуются в Германии над-

лежаще аккредитованные дипломатические агенты дружественных держав.

Германия соглашается, кроме того, нести содержание и издержки комиссии и того персонала, который она могла бы нанимать.

(Версаль, 240)

Германия также должна была полностью заплатить за свою оккупацию, о которой подробнее в следующей главе:

Общая стоимость содержания всех Союзных и объединившихся армий в оккупированных германских территориях будет лежать с момента подписания перемирия от 11 ноября 1918 г. на Германии (полный перечень, включая ночлег, отопление, освещение, ветеринарную службу и упряжь, опускаю. — В. М.).

(Версаль, 249)

19 июня 1919 г. эксперты германской делегации суммировали: «Даже в период наибольшего процветания Германия не могла бы выполнить эти финансовые требования, и ни одна страна не способна выполнить их сейчас. Германская экономическая система, ныне истощённая до крайности, будет ещё более ослаблена ликвидацией германской собственности в зарубежных странах и на отторгаемых территориях, захватом германских колоний и торгового флота, аннулированием наших патентных прав и защиты наших торговых марок, так что ей предстоит быть банкротом на протяжении нескольких поколений. Экономические статьи договора неизбежно разрушат национальную экономику Германии и лишат её возможности активно участвовать в мировой экономике. Договор с такими экономическими статьями абсолютно неприемлем». Но всё уже было решено без них.

Германский лимон начали выжимать сразу же. Однако, как отметил французский аналитик Альфред Фабр-Люс, «перераспределение ценностей ведёт к постоянным потерям. Не всё, посланное из Германии, дошло до союзников. Дебет одной стороны не сошёлся с кредитом другой. Очевидно, что ценность немецких промышленных пред-

Джон Мейнард Кейнс

приятий в других странах различается в зависимости от того, являются ли они частью германской экономической системы или нет. Поэтому сумма, вырученная за их продажу по ценам, которые установила Репарационная комиссия, не соответствует внутренним потерям Германии. Нарушение работы экономической системы, вызванное территориальным расчленением Гер-

мании, принесло убыток, который не входил в расчёты союзников».

Наиболее суровым критиком репарационных статей оказался знаменитый английский экономист Джон Мейнард Кейнс, финансовый советник британской делегации на переговорах, оставивший свой пост 9 июня, ещё до подписания договора. В книге «Экономические последствия мира», ставшей бестселлером и сразу переведённой на многие языки, включая русский, он выдвинул два ключевых тезиса.

Первый: «Вокруг Германии как центра группируется вся остальная европейская экономическая система; от процветания и предприимчивости Германии зависит главным образом процветание остального континента».

Второй: «Германская экономическая система в том виде, в каком она существовала перед войной, зависела от трёх главных факторов: 1) колониальная торговля, представленная её торговым флотом, её колонии, её иностранные капиталовложения, её экспорт и заокеанские связи её коммерсантов; 2) эксплуатация её угля и железа и построенная на них промышленность; 3) её транспортная и тарифная системы. Договор, — суммировал Кейнс, — направлен к систематическому уничтожению всех этих трёх факторов».

Предложение Кейнса ограничить репарации внушительной, но реальной суммой в 2 млрд фунтов стерлингов

и его призыв к Англии не требовать от Германии выплат наличными были неприязненно встречены «союзниками». «Французы утверждали, — писал Ллойд Джордж, — что Германия может заплатить 30 млрд фунтов стерлингов. Лорд Канлифф и лорд Самнер (британские эксперты. — *В. М.*) предложили цифру в 12 млрд фунтов». Финансист Канлифф сначала назвал сумму в 24 млрд фунтов, а юрист Самнер, по словам Ллойда Джорджа, «не пытался сдержать и умерить этот странный припадок мегаломании лорда Канлиффа. Более того, он сам заразился такой же болезнью и придал всему этому бреду законченную и литературную форму. Так всегда бывает, когда люди трезвые и дисциплинированные по природе почему-либо теряют способность самостоятельного суждения». Но даже итоговое предложение лордов, учитывавшее позицию правительства, с одной стороны, и настроения разгорячённых избирателей с другой, оказалось невыполнимым.

Сделанная в марте 1919 г. общими усилиями экспертов Великобритании, Франции и США предварительная оценка репараций — с учётом настроенности общества на то, что «бош заплатит», — составила 6 млрд фунтов стерлингов. После двух лет непрерывных совещаний и многочисленных конференций Германии выставили счёт на 6,6 млрд фунтов, или 132 млрд золотых марок. Выплатить и эту сумму было практически нереально, поэтому её разделили на три части.

Обязательства по категории «С» (4,1 млрд) не требовали немедленной уплаты, т. е. эту сумму «союзники» фактически были готовы простить. По категориям «А» и «В» (2,5 млрд, или на 500 млн больше суммы, предложенной Кейнсом) Германия должна была уплатить: 50 млн фунтов стерлингов наличными в течение 25 дней; по 100 млн фунтов каждый год с разбивкой поквартально, начиная с 15 января 1922 г.; 26 % стоимости своего экспорта каждый год — тоже с разбивкой поквартально, но уже с 15 ноября 1921 г. «Эти условия суровы, — заявил один из главных авторов договора Андре Тардьё в своей книге «Мир». —

Андре Тардьё

Если бы они не были такими, они не были бы справедливы».

По предварительной договорённости Франция должна была получить 52 % от общей суммы платежей, Великобритания — 22 %, остальное — другие «союзники», кроме США, которые отказались от репараций. Первый транш наличными был отправлен сразу, но уже проценты от экспорта в конце 1921 г. пришлось покрыть натурой. 14 декабря германское правительство из-

вестило, что необходимых средств у него нет. 21 марта 1922 г. общую сумму платежей на текущий год удалось скорректировать до 108,5 млн фунтов. 12 июля Берлин попросил полной отсрочки платежей наличными на два с половиной года, мотивируя это необходимостью стабилизации марки. «Союзники» согласились лишь на то, чтобы принять в счёт уплаты до конца 1922 г. государственные казначейские обязательства сроком на шесть месяцев.

Англичане склонялись к мораторию, поскольку, по словам Джордана, «твёрдо придерживались того убеждения, что регулярные платежи могут быть обеспечены только честным сотрудничеством Германии в этом деле и что подобное сотрудничество может быть достигнуто лишь после того, как бремя репараций будет сведено до уровня германской платёжеспособности».

Франция была категорически против. 11 января 1923 г., когда стало ясно, что «бош» не заплатит, французские и бельгийские войска оккупировали Рур — промышленное «сердце» страны — для обеспечения дальнейших выплат путём прямого контроля над промышленностью и финансами. Если не платит правительство, решили в Париже, пусть платит частный капитал. Это получило название «продуктивный залог». Однако «военная оккупация и промышленное развитие — несовместимые понятия», —

На немецком плакате символ Франции — Марианна, устремившаяся в Рур

констатировал южноафриканский генерал Ян Смэтс, с мнением которого считался Ллойд Джордж.

Как верно отметил Джордан, «политика «союзников» была направлена к принуждению немцев — путём ли переговоров или политикой силы — согласиться в области выплаты репараций на невозможное. «Союзники», лишив Германию её ликвидного имущества (проще говоря, вывезя всё, что могли вывезти, и конфисковав всю её собственность и активы за рубежом. — В. М.), намеревались в дальнейшем получать от неё систематические платежи, которые она могла производить лишь после известного периода экономического и финансового восстановления. Абсолютную необходимость такого периода не принимали во внимание ни французские, ни британские политики того времени».

Раймон Пуанкаре

США не только отказались от репараций, но и не ратифицировали «мирный» договор, а потому не участвовали в Репарационной комиссии. «Их присутствие в комиссии, — сокрушался Ллойд Джордж в канун Второй мировой войны, когда надо было отвечать за свои деяния, — обеспечивало бы наличие хотя бы одной незаинтересованной стороны в этой организации. Американский представитель был бы, без всякого сомнения, избран председателем именно по этой причине. Как изменило бы это всю историю репараций! Но Америки не было. Франция, правительство которой в течение многих лет упорно и безжалостно требовало полной оплаты всего долга и самых решительных мер по обеспечению этой оплаты, потребовала и получила председательское место. Это вместе с Бельгией, которая была французским подголоском, дало Франции полное преобладание в комиссии».

На конференции «союзников» в Спа в июле 1920 г. за Францией было закреплено право на председательский пост в Репарационной комиссии, который получил Пуанкаре, незадолго до того оставивший пост президента. «Выбор Пуанкаре, — продолжал Ллойд Джордж, — в качестве председателя был роковым: не могло быть уже и речи о рассудительности и умеренности. Он считал своей обязанностью быть безжалостным, безрассудным и требовать невыполнимого. Его ненависть к Германии делала его одержимым. Он действовал, как судебный пристав, у которого есть личные счёты с должником, и он поэтому думает не столько о взыскании долга, сколько об утолении своей злобы». Остаётся добавить, что Пуанкаре являлся одним из главных виновников Первой мировой войны. Ничуть не меньше, чем кайзер, а скорее больше — поскольку сознательно провоцировал её.

Жёсткую критику политики «выжимания лимона» с помощью силовых акций дал итальянский экс-премьер Нитти, которого трудно заподозрить в симпатиях к немцам:

«В некоторых странах общественное мнение привыкло возлагать ответственность за войну не только на германское правительство и немецкий народ, но даже на будущие поколения: репарации должны будут выплачиваться поколениями, ещё не родившимися во время войны. Подобное проклятие, тяготеющее над целым народом, не имеющее примеров в человеческой истории, встречается лишь на заре человеческой цивилизации. Однако и самые варварские средства угнетения, от которых даже Германия, обвиняемая во всех зверствах, всегда воздерживалась во время своих побед, могли бы найти себе известное оправдание в том случае, если бы они приносили какую-нибудь реальную пользу принимающим их. Победа имеет свои права. Но меры, выработанные в Версале, повредят, в конце концов, хотя и не в одинаковой степени, не только побеждённым, но и победителям и приведут к полному разложению Европы».

Однако проблема не ограничивалась одними репарациями. В ходе войны Германия нанесла огромный ущерб Франции и Бельгии. Правительства этих стран утверждали, что немцы не только грабили их, вывозя готовую продукцию и оборудование, но и сознательно уничтожали предприятия. Не соглашаясь с последним утверждением, Германия изъявила готовность компенсировать урон, в том числе путём отправки своей рабочей силы на восстановление разрушенных городов. Это предложение было отвергнуто «союзниками».

На преодоление последствий войны Франции срочно требовались деньги, которые она рассчитывала получить от Германии. В 1922—1923 гг. выплаты пенсий и восстановление разрушенных районов «съедали» до половины её государственного бюджета. «Финансовая устойчивость Франции зависела от получения репараций, — писал Джордан. — Но Франция опасалась, что Герма-

ния, как только к ней вернётся экономическое процветание, откажется платить репарации и даже будет стремиться к уничтожению политического порядка, являвшегося выражением победы её противников».

Экономически сильная Германия, которая реально могла бы платить требуемые репарации, стала бы конкурентом Франции. «Если победители и побеждённые начнут свою деятельность одновременно и в одинаковых условиях, победа обеспечена Германии, — откровенно писал Тардье. — Именно этого и не хотели участники версальских переговоров». Так в договоре появилась статья 281:

«Если германское правительство займётся международной торговлей, то с этой точки зрения оно не будет иметь ни одного из прав, привилегий или иммунитетов суверенитета и не будет рассматриваться как имеющее таковые». При этом граждане Союзных и объединившихся держав должны были получить в Германии «режим наибольшего благоприятствования».

Французские консерваторы во главе с Пуанкаре, возглавлявшим правительство в 1922—1924 и 1926—1929 гг., придерживались следующей стратегии: всячески тормозя экономическое развитие Германии, включая внешнюю торговлю, они делали невозможной своевременную выплату репараций... и сами же откровенно признавали, что им важнее граница по Рейну и экономическая слабость «бошей». «Те самые люди, — напоминал Черчилль, — которые требовали наложения на Германию огромной контрибуции, предлагали все возможные способы для ущемления германской торговли и промышленности». Они требовали самых тяжёлых и унижительных условий, непрерывно наращивали военные расходы и вооружали восточных соседей Германии — Польшу и Чехословакию, что в Берлине расценивали как продолжение довоенной политики «окружения». Думая таким путём обеспечить безопасность своей страны, лидеры Франции толкали Европу к новой войне.

Политика Парижа совершенно не устраивала «гордых бриттов». Во-первых, за годы войны Франция стала их должником. Во-вторых, сама Великобритания стала должником Соединённых Штатов, которые в финансовых вопросах «вильсоновского идеализма» не проявляли. В-третьих, из-за войны Великобритания почти полностью лишилась европейского рынка для своих товаров. Поэтому англичане были заинтересованы в скорейшем экономическом восстановлении Германии как источника репараций для Франции и рынка для сбыта своей продукции. Они даже были готовы до минимума сократить собственные репарационные претензии к Берлину, полагая, что иным путём могут получить больше. Кроме того, в результате Первой мировой войны Германия лишилась колоний, торгового флота и заморской торговли, чего и добивались англичане.

По тем же причинам действия французов не нравились и «практичным янки». Предпринятое президентом Вильсоном вмешательство в мировую политику было оценено большинством соотечественников как неудачное, что привело сначала к отказу Конгресса ратифицировать Версальский «мир», а затем к поражению демократов на президентских выборах 1920 г. Деловые круги США считали, что надо получить с европейских стран военные долги и не вмешиваться более в их конфликты, занимаясь реализацией «доктрины Монро». Однако Европа не спешила отдавать долги, ссылаясь на то, что «кровь проливалась», а сейчас денег нет, и просила об их списании, соглашаясь в ответ отказаться от репараций категории «С».

«Хотя английское правительство, — отметил Джордан, — в общем относилось благосклонно к ликвидации всех военных долгов, оно считало, что финансовое положение Англии было слишком неустойчиво, чтобы допустить отказ от французских долгов вообще, а не в качестве одного из элементов общего соглашения, которое коснулось бы также английского долга Америке. Попытка Ллойда Джорджа сделать подобное предложение президен-

ту Вильсону в августе 1920 г.¹ получила решительный отпор. Таким образом создался роковой порочный круг. Соединённые Штаты отказывались простить Англии её задолженность. Неся подобное бремя, Англия отказывалась ликвидировать задолженность Франции. Не получая никакой помощи в этом направлении, Франция отказывалась, в свою очередь, облегчить бремя Германии».

Дальнейшие события развивались следующим образом. В начале марта 1921 г. «союзники» предъявили немцам очередной ультиматум по репарациям, а не получив удовлетворительного ответа, оккупировали города Дюссельдорф, Дуйсбург и Рурорт, выведя войска оттуда лишь в конце сентября. В январе 1923 г., когда «бош» опять не заплатил, французские и бельгийские части оккупировали Рурский промышленный район. Никакой договор этого не предусматривал, так что к их действиям лучше всего подходит современное словечко «беспредел». Германское правительство отозвало послов из Парижа и Брюсселя. Рейхсканцлер Вильгельм Куно осудил «французскую агрессию» и призвал население Рура к «политике пассивного сопротивления».

Вторжение мотивировалось стремлением заставить Германию платить с помощью «продуктивных залогов». Существовала и другая причина, которую французы даже не скрывали. «Мы заинтересованы в оккупации Рура лишь постольку, поскольку мы твёрдо решили вырвать из рук Германии гегемонию в области металлургии, — заявил глашатай промышленных кругов Адольф Деламер годом раньше. — Оккупация есть средство парализовать германскую индустрию, обеспечить господство нашей

¹ В ночь 25/26 сентября 1919 г. Вильсон перенёс приступ, приведший 2 октября к инсульту и параличу левой стороны тела. До окончания президентского срока 4 марта 1921 г. он остался практически недееспособным, общаясь с внешним миром через жену и лечащего врача; с 13 апреля 1920 г. он принимал министров, но не появлялся на публике. Подлинное состояние здоровья Вильсона было скрыто от общественности до его смерти 3 февраля 1924 г.

Призыв к пассивному сопротивлению в Руре

чёрной металлургии». Теперь пресса превозносила Пуанкаре за «победу в Руре», сравнивая её с победой на Марне в 1914 г. — порой в превосходной степени.

Торжество оказалось недолгим. Репрессии на оккупированных землях обернулись ростом антифранцузских настроений. Именно эти события подарили национал-социалистическому движению Германии одного из первых «мучеников» — Лео Шлагетера, казнённого французами 25 мая 1923 г. по обвинению в саботаже. В его прославлении объединились нацисты и коммунисты: главный стратег Коминтерна по германским вопросам Карл Радек выдвинул лозунг «линии Шлагетера», союза «красных» и «коричневых», против Веймарской республики. Пассивное сопротивление немцев (только 28 сентября рейхсканцлер Штресеман уговорил соотечественников отказаться от него) свело на нет экономический эффект операции, вызвав резкое падение франка, рост налогов и

Лео Шлагетер

государственного долга, т. е. обратное тому, что обещал Пуанкаре, отправляя войска за «золотом бошей». Ллойд Джордж, не скрывавший антипатии к Пуанкаре, язвительно заметил, что «своим мелодраматическим нашествием на Германию в поисках репараций он продемонстрировал всё безумие попыток заставить немцев платить долги, когда касса пуста и кредиты исчерпаны».

Оправившись от шока, Великобритания попыталась выступить посредником между Парижем и Берлином. Англичане понимали, что «захват Рура имел целью не только окончательный экономический и военный разгром Германии, но и обеспечение гегемонии французской промышленности над английской», как писал советский аналитик М. Павлович. Затем слово взяли американцы, предложив передать вопрос о репарациях независимому комитету экспертов и тем самым ограничить полномочия Репарационной комиссии, в которой доминировали французы. Перед лицом единой позиции Вашингтона и Лондона Франции пришлось смириться. Комитет во главе с американским предпринимателем Чарльзом Дауэсом разработал новый репарационный план, который был опубликован 9 апреля 1924 г., утверждён на конференции в Лондоне 16 августа и вступил в силу 1 сентября того же года.

План Дауэса установил объём ежегодных репараций в размере 1 млрд золотых марок на 1924 г. ($\frac{1}{132}$ общей суммы, определённой в 1921 г.) с таким расчётом, чтобы эта сумма постепенно увеличивалась и к 1928 г. достигла «стандартного» объёма 2,5 млрд золотых марок в год. При этом Германии сразу же предоставлялся заём на 800 млн золотых марок. Всего до 1929 г. она получила в виде кредитов, в основном из США, 21 млрд золотых марок. План

отменил «продуктивные залогов», тем самым завершив оккупацию Рура, откуда в августе 1924 г. были выведены французские войска. Репарации выплачивались из таможенных и налоговых поступлений Германии, для чего Рейхсбанк и Имперские железные дороги были поставлены под международный контроль, а также за счёт процентов и погашения облигаций промышленности.

Чарльз Дауэс

На заключительном заседании Лондонской конференции британский премьер Рамсей Макдональд заявил: «Мы дали Европе нечто лучшее, чем просто заключённое нами соглашение. Соглашение это может почитаться *первым мирным договором* (курсив мой. — В. М.), ибо мы его подписывали в сознании, что мы, наконец, повернулись спиной к страшным годам войны». План, за который Дауэс в 1925 г. получил Нобелевскую премию мира и благодаря которому стал вице-президентом США, действовал до мая 1930 г., когда его сменил план другого американского финансиста Оуэна Юнга.

План Юнга был принят на конференции в Гааге в январе 1930 г. и вступил в силу 9 мая того же года. Он предусматривал снижение годовых платежей Германии до 2 млрд марок, отмену репарационного налога на промышленность и сокращение обложения транспорта, ликвидацию иностранных контрольных органов и досрочный вывод оккупационных войск из Рейнской области. План действовал до 20 июня 1931 г., когда американский президент Герберт Гувер — перед лицом неминуемого краха германских финансов в условиях мирового экономического кризиса — предложил объявить мораторий для всех межгосударственных военных долгов и репарационных платежей сроком на год. В следующем году план Юнга был официально отменён.

В июне—июле 1932 г. на Лозаннской конференции была достигнута договорённость об окончательном решении репарационного вопроса. Германия согласилась «выкупить» за 3 млрд золотых марок все свои обязательства и погасить выкупные облигации в течение 15 лет. Наступила, по остроумному определению Джордана, «преждевременная кончина репарационной проблемы, оплаканная Францией и вызвавшая вздох облегчения у Англии». Но Германия так ничего более и не заплатила.

Подытожив сказанное, получаем такую картину.

Германия сплотилась ради решения главной общенациональной задачи — освобождения от пут Версальского «диктата», была готова на любые жертвы, но ничего не простила. Несмотря на тяжелейший экономический кризис 1923 г. и политическую нестабильность, вызванную попыткой левых и правых радикалов — коммунистов и национал-социалистов — захватить власть, восстановление её экономики шло быстрее, чем предрекали пессимисты и надеялся Пуанкаре. Кроме того, германские политики и дипломаты научились играть на англо-французских противоречиях, которые углублялись с каждым годом.

Франция провозгласила себя победительницей, но её победа оказалась пирровой. Репарации еле-еле покрыли ущерб от войны и пошли на уплату долгов, но не могли возместить огромный демографический и моральный ущерб, нанесённый прежде всего молодым поколениям — будущему страны¹. Париж перестал быть кредитором Европы, превратившись в должника. Франция стала объектом устойчивой антипатии со стороны немцев и потеряла довоенных союзников — Россию, которая из-за революции временно выпала из европейской политики, и Англию, которая больше не собиралась воевать за

¹ Из 8,5 млн французов, призванных под знамёна, 1251 тыс. человек погибли, 734 тыс. остались инвалидами, ещё 2 млн были ранены и 438 тыс. прошли через германский плен. За годы войны рождаемость в стране упала вдвое.

её интересы. Главной опорой Франции выступали государства Восточной Европы, которые, в свою очередь, никак не могли поладить между собой.

Великобритания, которую нередко называли главным победителем если не в самой войне, то в послевоенных конференциях, на время превратилась в главного арбитра Европы. Её политика была направлена на сохранение статус-кво в целом в сочетании с облегчением положения Германии по частным вопросам.

Лига Наций имела право пересматривать *«договоры, сделавшиеся неприменимыми, а также международные положения, сохранение которых могло бы подвергнуть опасности всеобщий мир»* (Версаль, 19), но не делала этого из-за давления Франции как постоянного члена Совета, важнейшие решения в котором должны были приниматься единогласно. «До сих пор Лига не воспользовалась этими полномочиями, — писал Ллойд Джордж в 1938 г., после «аншлюса» Австрии, но ещё до Мюнхенского соглашения, — и главная причина нынешнего тревожного положения в Европе — полное пренебрежение Лиги к возложенной на неё важнейшей функции».

Образно говоря, Париж изо всех сил прижимал крышку к кипящему котлу европейских противоречий, порождённых «мирными» договорами, а Лондон периодически приподнимал её для выпуска пара. Решению проблем это не способствовало, но с каждым годом приближало Старый Свет к новой войне.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Германская ирредента

Итальянское слово «ирредента», во второй половине XIX в. ставшее всемирным, означает «неосвобождённые» территории, на которых проживает та часть разъединённого народа, которая оторвана от своего национального государства. По численности самым разъединённым народом послевоенной Европы стали немцы: победители передали части империи Гогенцоллернов Франции, Бельгии, Дании, Литве, Польше, Чехословакии и под управление Лиги Наций. Второму немецкому государству — Австрийской Республике — было отказано в слиянии с Германией, несмотря на волю большинства населения. А ведь в феврале 1918 г. президент Вильсон торжественно провозгласил, что «народы и области не должны быть предметом размена между государями как скот или пешки в шахматной игре» и что каждое территориальное изменение должно соответствовать интересам живущего там населения, а не быть результатом сделки заинтересованных держав.

Германии пришлось смириться с волей победителей. «Общим условием, — говорилось в меморандуме Тардьё о «принципах и методах» конференции, который он написал по поручению Клемансо, — является предварительное согласие Германии на все те решения, какие союзники совместно со всеми другими государствами позже выработают для урегулирования этих (территориальных. — *В. М.*) вопросов». Смириться, но не простить. «Мы никогда не забудем тех, кого отрежут от нас, — говорилось в обращении президента Эберта и членов правительства от 24 июня 1919 г., в котором они объяснили причины своего согласия подписать договор. — Они плоть от плоти нашей. Они будут оторваны от Рейха, но не вырваны из наших сердец».

Назвав Версальский договор «моральным» в отличие от других, «политических» договоров, консервативный фран-

цузский публицист Жак Бенвиль заявил по поводу его территориальных статей: «Морально, что Германия потеряла те территории, которые она захватила у не-германских народов, и только их». Так ли это?

По мнению Ключникова, «учесть весь тот ущерб, который Версальский мир причинил Германии, абсолютно невозможно». Тем не менее он попытался хотя бы примерно оценить его: «Легче всего поддаётся учёту ущерб от потери территории, населения и отошедших вместе с территорией естественных богатств». Точные данные о том, что получили от Германии другие страны, таковы:

- Польша: 3 854 971 чел. и 8,53 % бывшей площади Германской империи;
- Франция: 1 874 014 чел. и 2,69 %;
- Дания: 166 348 чел. и 0,74 %;
- Литва: 141 238 чел. и 0,49 %;
- Бельгия: 60 003 чел. и 0,19 %;
- Чехословакия: 48 446 чел. и 0,06 %;
- Данциг (объявлен «вольным городом» под управлением Лиги Наций): 330 630 чел. и 0,35 %;
- Саар (передан под управление Франции по мандату Лиги Наций на 15 лет): 569 376 чел. и 0,36 %.

В сумме это 13,41 % довоенной площади Германии с населением в 7 045 026 чел. Из них этнические немцы — точнее, те, кто во время переписи населения 1910 г. назвал своим родным языком немецкий, — составляли примерно половину (3 558 023 чел.). В данную статистику не попали 3,5 млн судетских немцев, оказавшихся гражданами Чехословакии, поскольку до войны они были подданными Австро-Венгрии. Веймарская Германия не считала эти территории и их население своей ирредентой и не заботилась об их судьбе. Австрийский немец Гитлер взялся за решение «судетского вопроса», поскольку ставил целью собирание в единое государство всех соплеменников вне зависимости от их гражданства.

Что же конкретно стало германской ирредентой?

Эльзас и Лотарингия¹

Территории, уступленные Германии в силу предварительного (предварительного. — В. М.) мира, подписанного в Версале 26 февраля 1871 г., и Франкфуртского договора от 10 мая 1871 г., возвращаются под французский суверенитет со дня перемирия 11 ноября 1918 г. Постановления договоров, устанавливающих начертание границы до 1871 г., снова войдут в силу.

* * *

Франция вступит во владение всякими имуществами и собственностью Германской империи или германских государств, расположенными на территориях, указанных в статье 51, без какой-либо уплаты или кредитования за это какого-либо из уступающих государств.

Это постановление имеет в виду все имущества движимые и недвижимые, составляющие публичное или частное достояние, вместе со всякого рода правами, которые принадлежали Германской империи или германским государствам или их административным округам.

(Версаль, 51, 56).

Эта глава в договоре — одна из самых подробных, с особенно тщательной проработкой финансовых и имущественных вопросов.

Эльзас и Лотарингия вошли в состав Германской империи по условиям Франкфуртского «мира» 10 мая 1871 г., который Франции пришлось подписать после поражения в войне с Пруссией. Поражение было полным: создание Германской империи было провозглашено 18 января 1871 г. не где-нибудь, а в Зеркальном зале Трианонского дворца в Версале — том самом, где будет подписан «мирный» договор 1919 г. Франция не примирилась с Франкфуртским «миром»: ни один французский политик не рискнул бы признать его окончательным и отказаться от претензий на Эльзас и Лотарингию. В свою очередь ни один герман-

¹ Встречается также написание через дефис «Эльзас-Лотарингия».

ский император не мог бы отдать эти провинции Франции. Максимум, на что могли пойти французы, — не настаивать на их возвращении «здесь и сейчас», одновременно требуя уступок в другой сфере. Максимум, на что могли пойти немцы, — предоставить французскому населению широкую автономию: в 1874 г. здесь была создана региональная ассамблея, а в 1911 г. провинции получили конституцию. Примирить эти две позиции было невозможно.

«Плоть от плоти нашей страны, две провинции Франции, наиболее французские», — темпераментно писал Тардьё. Эльзас со столицей в Страсбурге восемь столетий входил в состав Священной Римской империи германской нации, в которой царствовали Габсбурги, и перешёл под власть французской короны по тяжкому для немцев Вестфальскому «миру» 1648 г., а потому оставался более немецким по языку и культуре. Герцогство Лотарингия с центром в Меце было частью той же империи до 1766 г., но здесь намного сильнее оказалось французское влияние — с далёких времён, когда эта земля находилась в центре державы Карла Великого.

«Железного канцлера» Отто фон Бисмарка интересовала не история, а стратегия: без включения Эльзаса и Лотарингии в состав Германской империи он считал невозможным прочно объединить южногерманские земли и создать заслон против Франции. Новые хозяева старались «германизировать» провинции, население и язык которых оставались смешанными. Однако далеко не все местные жители чувствовали себя «порабощёнными», получив лучшие экономические условия и более высокий уровень жизни. Провинции развивались вместе с Германией, которая переживала подъём. Только 50 тыс. французов (3% населения обеих провинций в 1871 г.), в основном из Лотарингии, не захотели жить «под немцами» и покинули родные места, но не оставили надежду, что их малая родина снова станет частью великого Отечества. Одним из них был главный идеолог реванша Раймон Пуанкаре. Эту мечту легко понять и трудно осудить. За пределами Франции

название стало нарицательным для обозначения утраченных территорий, за которые надо бороться. После аннексии в 1908 г. Австро-Венгрией турецких провинций Боснии и Герцеговины, населённых славянами, министр иностранных дел России Александр Извольский советовал сербам «считать их своей Эльзас-Лотарингией». Результатом стало убийство наследника австрийского престола, открывшее путь к Первой мировой войне.

Возвращение Эльзаса и Лотарингии было главной целью Франции, о чём она открыто заявляла. «Как большинство моих соотечественников, — писал Тардье, — я был склонен думать, что наши требования, касающиеся Эльзас-Лотарингии, не должны повлечь за собой дебатов и что решение напрашивается само собой». В Берлине понимали, что сохранить провинции в составе империи удастся только в случае разгрома Франции, а при компромиссном мире с ними придётся расстаться. Уже в первой программной речи в качестве министра иностранных дел 14 февраля 1919 г. Брокдорф-Ранцау заявил, что Берлин готов отказаться от суверенитета над Эльзасом и Лотарингией, а их дальнейшую судьбу пусть решит плебисцит — общенародное голосование — под контролем нейтральных держав. Районы переходят к той стране, в пользу которой выскажется население, а несогласному меньшинству должны быть гарантированы или переселение, или полное соблюдение прав, как предполагает международная практика. Тот же пункт содержался в инструкции германским делегатам, которым предстояло ехать в Версаль.

Германию упрекали в том, что в 1871 г. она присоединила земли, не выслушав мнение населения. Теперь она решила «исправить несправедливость», как требовал Вильсон. «Народ Эльзаса и Лотарингии должен иметь право голоса, без нажима военной оккупации, в решении своей будущей судьбы», — говорилось в меморандуме германского МИД. Французы выступили против плебисцита, исключая возможность оставления за Германией любой части провинций. Затем Тардье, главный автор соответствующей главы «мира», добился, несмотря на сопротив-

ление Кейнса и других экономистов, многочисленных имущественных выгод и уступок в пользу Франции, которые противоречили принципам других статей договора. Вот что он с гордостью рассказывал:

«Статья 256 предусматривала, что державы, принимающие уступку германских территорий, приобретают и всё имущество или владения империи, на этих территориях расположенные, а стоимость всего этого имущества и владений относится Репарационной комиссией на кредит Германии. Я потребовал и добился, чтобы, несмотря на эту вполне определённую статью, несмотря на огромное развитие в Эльзас-Лотарингии некоторых видов государственных имуществ, как, например, сети железных дорог, строившихся после 1871 г., Франции ничего не пришлось платить. Путём таких же законных, но и таких же исключительных постановлений мы заставили признать за собою право секвестровать (т. е. отбирать. — В. М.) и ликвидировать в Эльзас-Лотарингии всё имущество, принадлежащее выходцам из Германии, а также право запрещать немцам впредь принимать участие в частных предприятиях общественного значения. Такими полными и смелыми ограничениями права Франции были целиком восстановлены: это было для нас не менее важно, чем материальное преимущество. В таком виде, как она есть, глава договора, относящаяся к Эльзас-Лотарингии, — заключил её автор, — служит примером безупречной справедливости и демонстрирует умение извлечь из войны один из самых возвышенных выводов». Он лишь забыл добавить — за него это сделал Джордан — что «возвращение Эльзас-Лотарингии явилось крупным стратегическим приобретением не столько ввиду значения эльзасской части Рейна как военного барьера, сколько в силу изгнания из Эльзаса германских войск, представлявших до 1914 г. постоянную угрозу для Франции».

«Присоединение Эльзас-Лотарингии дало Франции, — отметил М. Павлович, — область с богатейшими железными рудниками, дававшими около $\frac{3}{4}$ всей добываемой в Германии железной руды (21 млн тонн руды из 29 млн

тонн, добывавшихся во всей Германии в 1913 г.). С присоединением Эльзас-Лотарингии Франция приобрела 66 доменных печей и 52 крупных металлургических предприятия, оборудованных по последнему слову немецкой и американской техники, между тем как во французской Лотарингии было всего 25 металлургических заводов, во всей Франции лишь 68 крупных металлургических заводов». Хозяева металлургических концернов считались наиболее влиятельной лоббистской группировкой не только в экономике, но и в политике Франции. «Помимо того, — писал Павлович, — присоединение Эльзас-Лотарингии с её развитой хлопчатобумажной промышленностью, составлявшей около $\frac{1}{6}$ всей хлопчатобумажной промышленности Германии, значительно усилило текстильную индустрию Франции».

Принадлежность Эльзаса и Лотарингии была подтверждена в Рейнском пакте, подписанном 16 октября 1925 г. в швейцарском городе Локарно, поэтому его чаще называют Локарнским. Германия, Франция и Бельгия обязались не прибегать к нападению, вторжению или войне друг против друга и решать споры мирным путём, что закрепили в дополнительных договорах об арбитраже. Германия окончательно признала свои западные «версальские» границы, хотя и пыталась сделать оговорку о возможности решения территориального спора с Бельгией мирным путём, через посредничество Лиги Наций. Англия и Италия стали гарантами границ и демилитаризованной Рейнской зоны, вступление в которую войск одной стороны рассматривалось как акт агрессии против другой. Остановимся на этом договоре подробнее, поскольку он имеет отношение не только к Эльзасу и Лотарингии, но и ко всей германской ирреденте на западе.

Предложение о пакте исходило от Германии, которая рассчитывала таким образом покончить с положением изгоя, вернуться в европейскую политику и добиться членства в Лиге Наций. Впервые с такой инициативой выступил 31 декабря 1922 г. рейхсканцлер Куно, но Пуанкаре, возглавлявший французское правительство, отверг её.

В конце декабря 1924 г. британский посол в Берлине лорд д'Абернон, главный советник министра иностранных дел Штреземана, занимавшего этот пост в 1923—1929 гг., посоветовал возобновить предложение. Когда оно было озвучено, газета «Таймс» 30 марта 1925 г. писала, что такой пакт «несомненно, даёт основания для великих надежд относительно будущего беспокойной Европы. Это самый радостный факт со времени заключения мира. В первую очередь, он будет означать крупный шаг вперёд в деле ликвидации ирредентизма — этой величайшей опасности для европейского мира, особенно ирредентизма на франко-германской границе».

Локарнский пакт и «план Дауэса» не означали демонтажа Версальского «мира», хотя несколько ослабили положение Франции и сделали Великобританию арбитром Европы. Они облегчили участь Германии, но не изменили её статуса. «Локарно сохранило для нас Рейнскую область и возможность вернуть германские земли на востоке», — подытожил Штреземан. Историк И. М. Лемин позже отметил: «Франция добилась от Германии того, чего Бисмарк после 1871 г. не мог добиться от Франции: добровольного отказа от Эльзас-Лотарингии. Но «добровольность» этого отказа вместе с английскими «гарантиями» как бы заключала в себе известную дискредитацию версальской системы в целом. Иначе зачем было вновь подтверждать одно из положений этой системы, которая только 5—6 лет назад была торжественно установлена державами-победительницами?»

6 июня 1933 г. в Риме представители Великобритании, Франции, Италии и Германии подписали по инициативе итальянского премьер-министра Бенито Муссолини «Пакт четырёх», подтверждавший Локарнские соглашения, однако он не был ратифицирован французским парламентом и не вступил в силу. 14 октября того же года Германия вышла из Лиги Наций, которая отказала ей в равных с другими странами правах на вооружение. 25 мая 1935 г. Берлин заявил, что заключённый 2 мая того же года советско-французский договор о взаимной помощи,

дополненный 16 мая аналогичным договором между СССР и Чехословакией, представляет прямую угрозу для страны и несовместим с Локарнским пактом. Остальные участники не согласились с подобной интерпретацией. 27 февраля 1936 г. французская палата депутатов ратифицировала договор с Москвой. На рассвете 7 марта две дивизии Вермахта вступили в демилитаризованную Рейнскую область, что являлось *casus belli* — основанием для начала войны против агрессора.

В тот же день Гитлер произнёс в Рейхстаге большую речь, помянув «злосчастный Версальский договор», и зачитал меморандум, посланный локарнским державам. Заявив о восстановлении суверенитета над Рейнской областью, Германия предложила Франции, Бельгии и Нидерландам заключить договор о ненападении с признанием совершившихся изменений сроком на 25 лет под гарантии Лондона и Рима. 10 марта французское и бельгийское правительства осудили действия Берлина, а представители локарнских держав собрались в британской столице. В ответ Гитлер снова призвал их к диалогу, но на своих условиях, дав понять, что изменение статуса Рейнской области является окончательным. Несмотря на официальные протесты, многие, особенно в Англии, считали, что немцы просто «взяли своё».

14 марта Совет Лиги Наций решил предоставить Германии слово для оправдания, хотя она вышла из этой организации. В качестве полномочного представителя в Лондон отправился Иоахим фон Риббентроп, внешнеполитический советник Гитлера. Напомнив о «великом плане фюрера» от 7 марта, он чётко обозначил максимум компромисса: до окончания переговоров Третий рейх не будет увеличивать численность войск в Рейнской области и выдвигать их к границам Франции и Бельгии. На последнем заседании 19 марта Риббентроп повторил прежние аргументы и предложения. Прений не было. Затем состоялось голосование по резолюции, осудившей Германию как нарушителя Локарнских соглашений: 13 за, 1 против (Германия), 1 воздержался (Чили), 1 не голосовал (Эквадор).

Дальнейшие попытки договориться не дали результатов. 29 марта в Германии прошли выборы в «Рейхстаг свободы и мира» и плебисцит по вопросу о ремилитаризации Рейнской области: 98,8% избирателей одобрили политику фюрера. «С ликвидацией демилитаризованной зоны и устранением одной из несправедливостей Версальского договора, — отметил Джордан, — последний не мог долго существовать. Было бы лучше без дальнейшей канители реконструировать его на основе предложений, выдвинутых на этот случай германским канцлером».

Выйдя из Локарнских соглашений и отказавшись от Версальского «мира», Германия как бы открыла вопрос о западных границах. Слово «как бы» здесь не случайно — официальных демаршей Берлин не предпринимал. 6 декабря 1938 г. министр иностранных дел Риббентроп, назначенный на эту должность в феврале 1938 г., и его французский коллега Жорж Боннэ подписали декларацию о том, что «мирные и добрососедские отношения между Францией и Германией представляют собой один из существеннейших элементов упрочения положения в Европе и поддержания всеобщего мира». Боннэ гордился констатацией, что «между странами не имеется более никаких неразрешённых вопросов территориального характера» и что они «торжественно признают в качестве окончательной границу между их странами, как она существует в настоящее время». После подписания Риббентроп заявил: «Франция и Германия решили положить конец давнему пограничному конфликту и, взаимно признавая территорию друг друга, облегчить путь к обоюдному признанию своих жизненных национальных интересов. Они убеждены, что между ними нет никаких важных противоречий, которые могли бы оправдать серьёзный конфликт».

Действие декларации прекратилось 3 сентября 1939 г., когда Франция объявила войну Германии. Оккупированные в мае—июне 1940 г., Эльзас и Лотарингия были объявлены территорией Рейха декретом Гитлера от 18 октября того же года. В начале 1945 г. они были освобождены

армиями антигитлеровской коалиции и вернулись в состав Франции, где пребывают по сей день.

СААР

В качестве компенсации за разрушение угольных копей на севере Франции и в счёт суммы репараций за военные убытки, причитающейся с Германии, последняя уступает Франции в полную и неограниченную собственность, свободными и чистыми от всяких долгов или повинностей и с исключительным правом эксплуатации, угольные копи, расположенные в Саарском бассейне¹.

* * *

Германия отказывается в пользу Лиги Наций от управления определённой выше (подробное описание в статье 48. — В. М.) территорией. По истечении пятнадцатилетнего срока со дня вступления в силу настоящего договора население названной территории будет призвано высказаться относительно суверенитета, под который оно желало бы быть поставленным.

(Версаль, 45, 49)

Голосование будет касаться трёх следующих альтернатив: а) сохранение режима, установленного настоящим договором и настоящим приложением; б) присоединение к Франции; в) присоединение к Германии.

* * *

В случае, если Лига Наций постановит о присоединении к Германии всей или части территории Саарского бассейна, то права собственности Франции на копи, расположенные в этой части территории, будут целиком выкуплены Германией за цену, уплачиваемую в золоте².

(Приложение, параграфы 34, 36).

¹ Со всем их имуществом, подробно перечисленным в приложении.

² Позднее «союзники» согласились не требовать плату именно в золоте.

Претензии на Саарскую область не фигурировали ни в одной из официальных деклараций Парижа о военных целях: заявления правительства от 31 декабря 1916 г. и 10 января 1917 г., резолюции парламента от 5 и 6 июня 1917 г. Впервые они были отражены в секретном франко-русском соглашении (в виде обмена нотами от 14 февраля и 11 марта 1917 г.) о взаимной поддержке территориальных притязаний, однако оно так и не вступило в силу из-за революции в России. Соглашение было заключено без ведома Англии¹, внешнеполитическое ведомство которой считало необходимым «по мере возможности возражать против всяких попыток Франции присоединить по стратегическим соображениям какие-либо значительные участки германской территории», кроме Эльзаса и Лотарингии.

В ходе конференции Тардье прибег к излюбленному аргументу о том, что «население большей части этой территории по своей расовой принадлежности, по своим традициям и стремлениям было французским», и это рассердило даже Вильсона. «Никто не будет отрицать, что там проживает чисто германское население», — говорилось в ноте Брокдорфа-Ранцау от 13 мая. Итальянский премьер Нитти отметил, что «речь идёт о провинции с 650 тысячами населения, в которой нет даже ста французов, провинции, бывшей целое тысячелетие германской и занятой Францией лишь временно, благодаря обстоятельствам войны». Откуда Тардье взял «150 тысяч жителей Саара, которые по убеждениям и внутренним склонностям такие же французы, как эльзасцы и лотарингцы» и тем более, просто «150 тысяч французов», осталось загадкой.

Вильсона поддержал Ллойд Джордж: «Никогда ни в одном официальном документе Франция не требовала границы 1814 г. (включавшей часть Саара. — *В. М.*). Принятые ею основы мира говорят о возмещении той неспра-

¹ Ллойд Джордж утверждал, что «впервые узнал об этой тайной сделке» из публикаций документов МИД царского и Временного правительств, предпринятых большевиками в конце 1917 г.

ведливости, которой она подверглась в 1871 г., а никак не в 1815 г.». Граница 1814 г., в основном совпадавшая со старой французской границей 1792 г., была установлена после победы коалиции России, Англии, Австрии, Пруссии и других держав над Наполеоном и восстановления подержанной ими династии Бурбонов. Однако в составе Франции остался Саарбрюкен, захваченный в 1793 г., во время революционных войн. Граница 1815 г. была проведена после Ста дней Наполеона и предназначалась для предотвращения будущих «неожиданностей». По словам Джордана, «Пруссии позволили перейти через Рейн, чтобы создать германский крепостной вал против Франции».

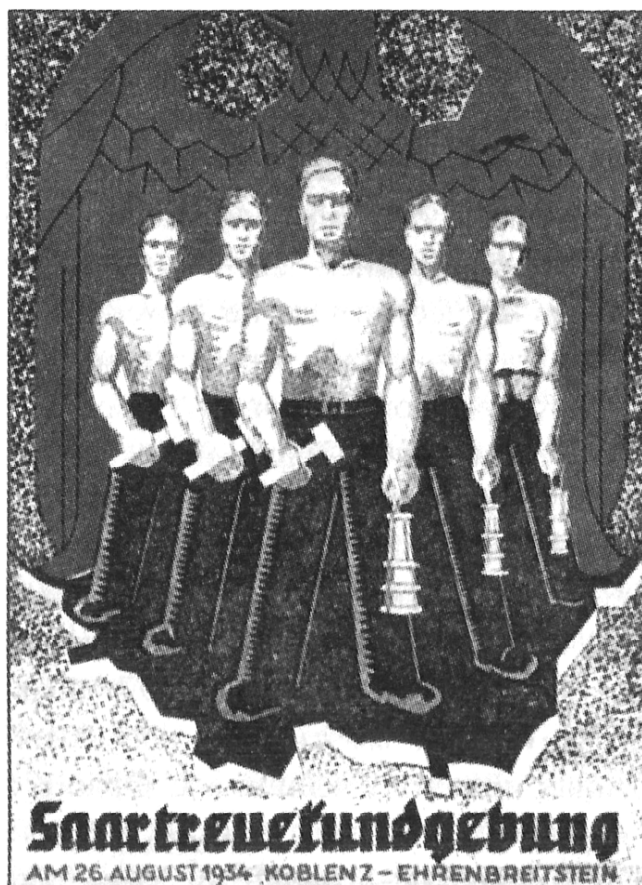
Требования Парижа были изложены в записке Тардье от 29 марта 1919 г. «Вечного права собственности на все саарские угольные копи» было мало, поскольку даже восстановление границы 1814 г. оставило бы основную часть угольного бассейна вне пределов Франции. «Мы требуем большего, потому что Саарская земля когда-то была землёй французов. Она была отторгнута от Франции против воли её жителей. Это было первым проявлением военного и экономического империализма Пруссии. Правда, на земле, в течение 100 лет подвергавшейся германизации, население сейчас в большинстве немецкое, поскольку оно иммигрировало. Этот факт мы признаём, не требуя аннексии. Зато мы настаиваем на таком решении, которое хотя бы частично признало незыблемые права Франции на землю, ставшую французской в силу освящённого веками обычая и воли её жителей. Эта земля была французской, и это создаёт предпосылку к тому, что она снова охотно станет французской. Доказательством может служить пример Эльзас-Лотарингии. Уже сейчас мы знаем, что большинство жителей Саарского округа готово просить о слиянии с Францией. Чтобы предоставить времени по всей справедливости исправить то, что было сделано грубой силой 100 лет назад, справедливо не решать вопроса о суверенитете над этой областью сейчас».

Принято считать речи Гитлера и Геббельса образцом бессовестной лжи, демагогии и жонглирования историчес-

кими фактами, однако Тардьё оставил их далеко позади. Трудно сказать, чего больше в его заявлениях — издевательства над фактами, наглости или презрения к логике. Саар был захвачен Францией в ходе революционных, а затем Наполеоновских войн, которые позднее никто в Европе не признавал основанием для перекройки границ. Он был «отторгнут» от неё отнюдь не Пруссией, у которой в 1815 г. не было для этого сил, а решением Венского конгресса, на котором доминировали Россия, Англия и Австрия. Если население Саара «в большинстве немецкое», то почему оно «готово просить о слиянии с Францией»? Никаких доказательств Тардьё не привёл, зато в другом месте проговорился, что включение Саара в состав французской территории привело бы к риску «увидеть в наших палатах (парламенте. — *В. М.*) большое число враждебных нам народных избранников». Опять же, если саарцы «готовы просить о слиянии с Францией», почему не пойти им навстречу и не провести немедленный плебисцит? Пример Эльзас-Лотарингии здесь неприменим в силу принципиальных различий как в истории этих земель, так и в их положении на 1919 г. И так далее...

Записка Тардьё интересна как пример выдвижения явно завышенных требований, от которых Париж периодически отказывался, демонстрируя «уступчивость». Острая реакция Вильсона на французские притязания показала, что частью Франции Саар не станет, а немедленный плебисцит с предсказуемым результатом в пользу Германии лишал её малейших шансов на контроль, необходимый для эксплуатации копей. Тогда Тардьё придумал комбинацию, отражённую в договоре.

Саар на 15 лет переходил под управление Лиги Наций, которая передавала это право Франции, гарантировав ей монопольную эксплуатацию копей. Жители Саара могли сразу получить французское гражданство, причём «в тот день, когда в каждом из главных административных округов большинство избирателей уже получит французское гражданство, или в тот день, когда окружное собрание потребует присоединения к Франции, это присоединение

Призыв выйти на митинг за присоединение Саара к Германии

получит силу по одобрении Лиги Наций. Ни одна просьба о присоединении вновь к Германии не должна быть рассматриваема» до истечения 15-летнего срока, который «предусмотрен именно для того, чтобы истекло известное время и чтобы население могло по справедливости и свободно решить вопрос о суверенитете» (записка Тардьё). Что касается плебисцита, то, по замечанию Нитти, «никто не мог бы объяснить его необходимость для немецкого населения, которое никогда не изъявляло желания переменить национальность (т. е. подданство. — В. М.)». По той же причине Германия принципиально выступала против плебисцита, как и против любого ограничения своего суверенитета. Возместить убытки Франции саарским углём она не отказывалась.

На приведённые условия согласился сначала Ллойд Джордж, убеждённый докладом группы экспертов (во главе с... правильно — Тардьё!), а затем и Вильсон, чуть было

не покинувший из-за этого Париж. Настойчивость Клемансо и Тардье была вознаграждена. Продолжая идти по пути политического вмешательства и экономического проникновения, Франция, по характеристике М. Павловича, за несколько лет «подчинила своему прямому или косвенному влиянию все важнейшие угольные бассейны Европы: Саарский, Рурский, Верхнесилезский, Бельгийский». «Само собой, — добавил он в 1925 г., — французские империалисты стремятся к полной аннексии Саарского района и надеются, что им удастся этот план окончательно осуществить по истечении 15 лет с момента подписания Версальского договора».

Однако, несмотря на все усилия новой администрации, французское «по убеждениям и внутренним склонностям» население Саара так и не потребовало «слияния». В результате плебисцита, проведённого под контролем Лиги Наций 13 января 1935 г., 477 тыс. (90,73%) из 528 тыс. голосовавших высказались за присоединение к Германии и всего 0,41% — за присоединение к Франции. 17 января Совет Лиги утвердил итоги плебисцита, и 1 марта Саар официально вернулся в состав Германии, где пребывает до сих пор. Это одно из немногих ключевых положений Версальского «мира», которое удалось пересмотреть без войны и даже без угрозы применения силы с какой-либо стороны.

*Скульптура
«Освобождение»
работы Р. Шайбе,
посвящённая
вхождению Саара в
состав Германии*

ЭЙПЕН-МАЛЬМЕДИ И МОРЭНЭ

Германия отказывается в пользу Бельгии от всяких прав и правооснований на территорию Прусского Морэнэ, расположенную на запад от дороги из Льежа в Аахен.

* * *

Германия отказывается в пользу Бельгии от всяких прав и правооснований на территории, заключающие в себе целиком уезды Эйпен и Мальмеди.

(Версаль, 33—34)

«Германия готова полностью возместить Бельгии нанесённый ей ущерб, но не видит причин, по которым она должна отдать ей Прусское Морэнэ и районы Эйпен и Мальмеди. Невозможно доказать, что они населены бесспорно не-германским населением», — говорилось в ноте Ранцау от 13 мая. Германские контрпредложения от 29 мая подробно излагали историю этой территории, которая с 1815 г. входила в состав Пруссии, «никогда не принадлежала Бельгии или какому-либо из политических образований, каковые можно считать предшественниками современной Бельгии» и более 80% населения которой составляли немцы.

Германия была против плебисцита, но затем решила согласиться на него, если часть местного населения захочет войти в состав Бельгии. Плебисцит был проведён 24 июля 1920 г. в форме открытого письменного голосования — в присутствии и под давлением бельгийской администрации — и подтвердил версальский вердикт. В результате оккупации Бельгии Третьим рейхом в 1940 г. территории были включены в состав Германии, а в 1945 г. возвращены Бельгии. После войны там проводилась политика дегерманизации, однако в 1960 г. в составе страны были официально выделены три территориально-языковых сообщества, включая немецкоязычное с центром в Эйпене. Мальмеди, известный в истории Второй мировой войны как место разгрома американских танкистов войсками СС в декабре 1944 г. или их же предполагаемой расправы с пленными (историки до сих

пор спорят об этом), входит во франкоязычное сообщество.

Левый берег Рейна

Германии запрещается содержать или сооружать укрепления как на левом берегу Рейна, так и на правом берегу Рейна к западу от линии, начерченной в 50 километрах восточнее этой реки.

* * *

Равным образом запрещается в зоне, определённой в статье 42, содержание или сосредоточение вооружённых сил, как постоянное, так и временное, так же как и всякие военные манёвры, какого бы рода они ни были, и сохранение всяких материальных средств для мобилизации.

* * *

В случае, если бы Германия каким бы то ни было образом нарушила постановления статей 42 и 43, она стала бы рассматриваться как совершившая враждебный акт по отношению к державам, подписавшим настоящий договор, и как стремящаяся поколебать всеобщий мир.

(Версаль, 42—44)

В качестве гарантии исполнения Германией настоящего договора, германские территории, расположенные на запад от Рейна, вместе с предмостными укреплениями будут оккупированы войсками Союзных и объединившихся держав в течение пятнадцатилетнего периода, считая со вступления в силу настоящего договора.

* * *

Если условия настоящего договора будут точно соблюдаться Германией, то оккупация, предусмотренная в статье 428, будет последовательно сокращаться, как сказано ниже:

1. По истечении пяти лет будут эвакуированы: предмостное укрепление Кёльна и территории (следует подробное описание. — *В. М.*).
2. По истечении десяти лет будут эвакуированы: предмостное укрепление Кобленца и территории (следует подробное описание. — *В. М.*).
3. По истечении пятнадцати лет будут эвакуированы:

предмостное укрепление Майнца, предмостное укрепление Келя и остаток германских оккупированных территорий.

Если к этому моменту гарантии против невызванного (т. е. неспровоцированного. — *В. М.*) нападения со стороны Германии не будут рассматриваться Союзными и объединившимися правительствами достаточными, то эвакуация оккупационных войск может быть задержана в той мере, какая будет сочтена необходимой для получения названных гарантий.

* * *

В том случае, когда либо во время оккупации, либо по истечении предусмотренных выше пятнадцати лет Репарационная комиссия признала бы, что Германия отказывается соблюдать целиком или в части обязательства, вытекающие для неё из настоящего договора в отношении репараций, то зоны, определённые в статье 429, будут немедленно целиком или в части вновь оккупированы Союзными и объединившимися силами.

* * *

Если до истечения пятнадцатилетнего периода Германия удовлетворит все обязательства, вытекающие для неё из настоящего договора, то оккупационные войска будут немедленно выведены.

(Версаль, 428—431).

Оккупация левого берега Рейна и мостов через него в качестве «гарантии исполнения» договора относятся к числу тех положений «мира», которые вызвали наибольшие споры среди его авторов. Чтобы понять «цену вопроса», процитируем вслед за М. Павловичем британский журнал «Экономист»:

«Долина Рейна не имеет ничего себе равного по богатству во всём мире. Есть реки больше Рейна, но нет ни одной реки, которая владела бы такими громадными и разнообразными богатствами. Вблизи левого берега реки находятся самые обширные и самые богатые залежи руды в Европе, знаменитые железные рудники Лотарингии и Люксембурга. А в непосредственном соседстве правого берега Рейна находятся гигантские угольные копи Рурского

бассейна, глубоко проникающие в Голландию и заключающие в себе гораздо больше угля, чем во всём Соединённом Королевстве (Великобритании и Северной Ирландии. — *В. М.*). В верхнем течении Рейна в горах, пока ещё редкоселённых, находятся богатейшие в Европе ресурсы гидравлической силы, которая может быть превращена в дешёвую электрическую силу. Отсюда следует, что величайшим промышленным центром в Европе и, быть может, во всём мире будет сравнительно незначительная область, в которой сосредоточены одновременно громадные ресурсы гидравлической силы и неисчислимы богатства сырого материала (руда и уголь). Долина Рейна — самая богатая и густонаселённая область в Европе. Это величайший муравейник человеческой деятельности в мире, хотя развитие её безграничных богатств только ещё началось».

Франция впервые осторожно заявила о своих претензиях на левый берег Рейна в январе 1917 г., когда премьер-министр Аристид Бриан поручил послу в Лондоне Полю Камбону провести необходимый зондаж, пояснив: «С нашей точки зрения, Германия не должна иметь впредь ни одного метра земли за Рейном». Посол «с его мудрым пониманием особенностей английского мышления не сообщил сразу содержания этой депеши нашему правительству, — свидетельствовал Ллойд Джордж. — Бальфур (министр иностранных дел. — *В. М.*), по-видимому, не придавал особого значения этому сообщению. Во всяком случае он не доложил об этом ни мне, ни военному кабинету». Позже Бальфур официально заявил: «Мы никогда не желали и никогда не поощряли мысли о том, что хотя бы небольшая часть Германии была отделена от неё и превращена в своего рода независимую республику на левом берегу Рейна, для того чтобы образовать новое буферное государство между Францией и Германией. Это никогда не входило в политику правительства его величества».

Притязания Франции поддержала Россия в секретном соглашении 1917 г.: «Остальные территории, расположен-

ные на левом берегу Рейна, которые ныне составляют часть Германской империи (кроме Эльзаса, Лотарингии и Саара. — *В. М.*), должны быть окончательно отделены от Германии и освобождены от всякой политической и экономической зависимости от неё. Территории на левом берегу Рейна — вне французской территории — должны образовать автономное и нейтральное государство и должны быть заняты французскими войсками до того момента, пока неприятельские государства не выполнят целиком всех условий и гарантий, указанных в мирном договоре». Как уже говорилось, из-за русской революции соглашение осталось на бумаге, но позиция Франции не изменилась.

Согласно условиям перемирия, к 26 ноября 1918 г. германские войска Западного фронта были отведены за Рейн, а в первой декаде декабря «союзные» армии оккупировали главные прирейнские города Кёльн (Великобритания), Кобленц (США) и Майнц (Франция). Первое официальное заявление Парижа о намерении поставить под свой контроль левый берег Рейна и мосты через него прозвучало 30 ноября 1918 г. в Лондоне из уст главнокомандующего маршала Фердинанда Фоша, настроенного ещё более антигермански, чем Клемансо. Воспользовавшись какой-то отговоркой, французский премьер на переговоры с «союзниками» не явился. «Узнав, каким именно вопросом нам предстояло заняться на этом заседании, — вспоминал Ллойд Джордж, — я понял причину его отсутствия. Лукавый старик и политик, Клемансо, зная наше расположение к Фошу и чувство благодарности, которое мы к нему питали, счёл благоразумным, чтобы первый шаг по ознакомлению нас с французскими планами в отношении Рейнской области был сделан именно Фошем». Каковы же были эти планы?

Маршал сформулировал их в меморандумах от 27 ноября 1918 г. и 10 января 1919 г. Приведу наиболее важную часть второго из них:

«1) Категорически запретить Германии военный доступ в прирейнские области левого берега и политичес-

кую пропаганду в этих областях; возможно даже защитить эти области нейтральной зоной на правом берегу Рейна.

2) Обеспечить военную оккупацию прирейнских областей левого берега военными силами союзников.

3) Гарантировать прирейнским областям левого берега рынки, необходимые для их экономической активности, подчинив их общему с другими западными государствами таможенному режиму».

Последний пункт был связан с вопросом Ллойд Джорджа о том, «какое создастся положение, если население левого берега Рейна не будет сочувствовать этому проекту и заявит о своём желании быть присоединённым к Германии». Маршал ответил совсем не воинственно: «Надо будет привлечь его на нашу сторону посредством экономических связей. Есть также притягательная сила в том, — добавил он, — что лучше быть с победителями, чем в стане побеждённых». Не эта ли «притягательная сила» так подействовала на его соотечественников в 1940 г. перед лицом победоносного Вермахта, а в 1944 г. — «союзных» армий?..

Ллойд Джордж также спросил, «не боится ли маршал Фош, что так будет создана новая Эльзас-Лотарингия, которая с течением времени может привести к новой войне во имя реванша». Маршал не боялся. Он хотел, чтобы, по точному определению Джордана, «следующая война развёртывалась уже на германской, а не на французской территории». В первом меморандуме Фош даже предложил включить германское население левого берега Рейна во французскую военную систему, заявив, что там «не может быть нейтральных государств».

Это пожелание оказалось чрезмерным даже для Клемансо, который 23 февраля 1919 г. заявил полномочному представителю Вильсона «полковнику»¹ Эдварду Хаузу,

¹ Никогда не служивший в армии, Хауз получил звание «почётного полковника» тexasской милиции (аналог народного ополчения) от губернатора штата, избирательной кампанией которого успешно руководил.

что «настаивает на образовании Рейнской республики», поскольку «таким путём удастся собрать (и оторвать от Германии. — *В. М.*) около четырёх миллионов немцев». Численное превосходство немцев над французами вкупе с падением рождаемости, распространением туберкулёза, сифилиса и алкоголизма во Франции были источником постоянной тревоги для её государственных мужей. «В Европе имеется двадцать миллионов лишних немцев», — без обиняков говорил Пуанкаре. Выход из ситуации националисты видели в расчленении Германии и «приручении» её непрусской части, а также в создании «цветной» колониальной армии для использования в Европе. Неизбежная «метисизация» Франции их не пугала. «Марианна, Марианна, ты будешь кофе с молоком!» — пелось в популярной песенке тех лет о будущем поколении французов с примесью арабской и африканской крови. Это позволяет нам правильное понять непростую национально-демографическую ситуацию в сегодняшней Франции.

Вернёмся в кулуары «мирной» конференции. В той же беседе 23 февраля Клемансо предложил Хаузу, «чтобы эта республика была освобождена от уплаты какого бы то ни было возмещения (репараций. — *В. М.*); чтобы у неё не было никакой вооружённой силы; чтобы всячески помогали её процветанию и благополучию, для того чтобы она не пожелала присоединиться к Германской федерации. Если же она этого и пожелает, то чтобы ей этого не позволили». Через два дня Тардье составил подробную записку. Развивая идею Фоша о том, что Германия угрожает «всем» и что необходимо «обеспечение для всех надёжной защиты», он предложил:

«1) Западная граница Германии должна быть установлена по Рейну.

2) Мосты через Рейн должны быть оккупированы межсоюзнической вооружённой силой.

3) Вышеизложенные меры не должны повести к аннексии территории к выгоде какой-либо державы».

«Мир в Европе требовал, чтобы левый берег Рейна стал независимым», — заявил Тардье. И привел следую-

щие выкладки: «Утрата левого берега Рейна и Эльзас-Лотарингии лишила бы Германию 8% её территории. Это означало бы потери, которые могут быть выражены: 11% населения, 15% железнодорожного и речного транспорта, 67% вина, 12% каменного угля, 80% руды, 35% производства стали, 30% текстиля». Это справедливый мир?

Аргументы не подействовали на англичан. Они отказались от участия в оккупации левого берега Рейна и дали понять, что не поддержат французов. 12 марта 1919 г. неутомимый Тардье представил новый проект:

«1) В интересах всеобщего мира и для того, чтобы обеспечить проведение в жизнь основных условий Лиги Наций, западная граница Германии установлена по Рейну. В связи с этим Германия отказывается от всякого суверенитета над территориями бывшей Германской империи, находящимися на левом берегу Рейна, равно как и от всякого таможенного союза с этими территориями.

2) Линия Рейна будет оккупирована в силу мандата Лиги Наций межсоюзнической вооружённой силой (следует описание. — *В. М.*). В 50-километровой зоне от своей западной границы (т. е. от Рейна. — *В. М.*) Германия не может ни сохранять, ни создавать укреплений.

3) На территории левого берега Рейна (за исключением Эльзас-Лотарингии) будут созданы одно или несколько независимых государств, находящихся под протекторатом Лиги Наций. Их западные и южные границы устанавливаются мирным договором. Германия обязуется не предпринимать ничего такого, что могло бы помешать упомянутому государству или государствам выполнять обязательства или пользоваться правами, проистекающими из причин и условий возникновения этих государств».

План создания «независимого» государства на левом берегу Рейна не реализовался, но я счёл нужным остановиться на нём. Он отлично показывает суть «тактики салями» (позднее взятой на вооружение Коминтерном), когда от какого-то государства по кусочкам отрезается территория и ставится под контроль враждебных сил, особенно если к тому есть предпосылки в виде сепаратистского дви-

жения. После Первой мировой войны и революции такая судьба постигла западные окраины Российской империи, из которых по инициативе Клемансо был создан «санитарный кордон» против большевизма, а недавно — Советский Союз и Югославию. В случае Германии это оказалось невозможным не только из-за несогласия «союзников», но прежде всего из-за отсутствия межнациональных проблем и искусственного — точнее, опереточного — характера «рейнского сепаратизма», который тщетно пытались организовать французские генералы¹.

Берлин быстро распознал опасность. В инструкции делегатам прямо говорилось: «Отделение этих регионов от Германии есть начало её расчленения и должно быть отвергнуто в принципе. Мы должны также отклонить любые условия, которые создадут возможность для постепенной изоляции и последующего отделения этих территорий от Рейха. Прежде всего мы настаиваем на идентичности таможенной и государственной границ».

Взамен оккупации левого берега Рейна Ллойд Джордж и Вильсон предложили Франции договоры, гарантирующие ей немедленную военную помощь в случае германской агрессии. Если бы речь шла только о безопасности, Парижу следовало бы немедленно согласиться, но приведённые выше данные показывают, что на кон были поставлены большие экономические интересы. После нового обмена памятными записками Клемансо снова выдвинул вперёд Фоша, заявившего: «Рейн остаётся преградой, необходимой для спасения народов Западной Европы и, следовательно, цивилизации». Вильсон согла-

¹ 31 мая 1919 г. судейский чиновник Г.-А. Дортен (по словам Тардье, «человек без политического прошлого и авторитета») при поддержке генерала Ш. Манжена провозгласил себя президентом Рейнской республики, что вызвало протесты как Ллойд Джорджа и Вильсона, так и Ранцау (нота от 3 июня). Тардье преуменьшал значение этого инцидента и французского участия в нём, поскольку сепаратисты потерпели крах из-за отсутствия поддержки среди местного населения. Подобные попытки, при поддержке Франции и Бельгии, продолжались до конца 1923 г.

сился на 15-летнюю оккупацию с условием, что участие США в ней будет символическим. Клемансо, по свидетельству Хауза, расплатился с президентом тем, что парижская пресса — как по мановению волшебной палочки — прекратила грубые нападки на «апостола мира» и снова начала прославлять его.

Французский премьер был доволен 15-летним сроком оккупации, не надеясь дожить до его завершения (ему было 78 лет), и внесенным в договор правом на повторную оккупацию, если Германия не будет выполнять его условия. Это вызвало протест президента Пуанкаре, который 28 апреля писал ему:

«Трудно понять, как такая оккупация может быть менее продолжительной, чем срок, установленный для уплаты ежегодных взносов (по репарациям. — *В. М.*). Представим себе, что уже прошло шестнадцать или семнадцать лет. Германия в течение пятнадцати лет исправно платила взносы. Мы эвакуировали уже весь левый берег Рейна и вернулись к нашим исходным политическим границам, которые в военном отношении нас не обеспечивают. Вообразим, что Германия снова охвачена империалистическими стремлениями или что она попросту нарушила свои обещания. Она прекращает уплату взносов, и мы вынуждены возобновить оккупацию. Мы отдаём необходимые приказания. Но кто поручится, что мы сможем провести эти приказания в жизнь без затруднений? Прежде всего, Германия, пользуясь своими обычными методами пропаганды, несомненно, исказит факты и представит дело так, будто агрессоры — мы, а поскольку наши войска действительно возвратятся на германскую территорию, совсем не трудно будет изобразить это как вторжение. И далее, есть ли у нас уверенность, что левый берег Рейна будет свободен от германских войск? Немцы без труда смогут в одну ночь сделать прыжок к Рейну и занять этот естественный военный рубеж раньше, чем это сделаем мы».

«Как прозорлив оказался французский президент, предвидевший гитлеровскую агрессию!» — может вос-

кликнуть читатель, знающий последующие события. Если судить только по последствиям, это верно, но историк обязан искать причины. Нацистов привело к власти недовольство немцев положением, в котором они оказались благодаря Версальскому «миру», и усилиями веймарских правительств по исправлению этой ситуации. Неблагодарность соотечественников по отношению к Штреземану обернулась кредитом доверия Гитлеру. В основе этого — пружина, сжатая Клемансо. Пуанкаре и Фош предлагали сжать её ещё сильнее. В итоге Франция согласилась на приведённые выше статьи и на договоры с США и Англией. Однако они так и не вступили в силу, поскольку были обусловлены друг другом, а Конгресс полностью отказал Вильсону в поддержке.

О «союзной» — в основном французской — оккупации левого берега Рейна можно говорить долго и с обилием цитат. Защитников и апологетов у неё нашлось немного. Большинство соглашалось со словами Нитти:

«Беззащитная и разоружённая Германия принуждена ныне содержать на свой счёт французскую оккупационную армию, состоящую между прочим из представителей низших рас (в то время подобные выражения были «политически корректными». — *В. М.*). Наиболее культурные города Европы подвергаются, таким образом, оскорблениям и насилиям со стороны цветных войск Франции¹. Без всякой необходимости, просто в целях издевательства германское население подвергнуто моральной и физической пытке, которой не знали прошлые века. В апреле 1921 г. на Рейне находились ещё от 14 до 15 полков цветных войск: 9—10 алжирских, 2 из Туниса, 3 из Марокко и 1 из Мадагаскара. Кроме этих полков на Рейне находятся ещё отряды негров (2 полка сенегальских негров были оттуда отозваны). Всем известно из опубликованных документальных данных, какие насилия и преступления были со-

¹ «Цветные войска не должны стать частью оккупационной армии», — гласила инструкция германским делегатам.

вершены неграми на германской территории, и теперь всякому ясно, что оккупация Германии имела лишь одну цель: довести Германию до полного морального истощения, убить в германском народе национальное чувство, сломить его политическое единство. Никогда в прошлом ни Германия, ни другие победившие страны не совершали в час победы ни одного из тех абсурдных и преступных деяний, которые окончательно подорвали моральный авторитет победителей».

В 1938 г. Ллойд Джорджу пришлось признать: «Оккупация германских городов иностранными войсками (в том числе цветными), которая сопровождалась многими досадными, а подчас и возмутительными инцидентами, имеет прямое отношение к тому взрыву патриотических чувств, который впоследствии нашёл своё выражение в нацизме». Французские вторжения в Рур в 1921 и 1923 гг. усугубили ситуацию, которую позднее несколько разрядили «план Дауэса» и Локарнские соглашения. В августе 1929 г. на Гаагской конференции по репарациям «союзники» обещали вывести войска из Рейнской области к июню 1930 г. и сдержали обещание. Французским премьер-министром, подписавшим указ о выводе последнего контингента, по иронии судьбы оказался Андре Тардье.

18 декабря 1933 г., после того как Германия покинула Лигу Наций и международную конференцию по разоружению, рейхсканцлер Гитлер потребовал отмены военных статей Версальского договора и ремилитаризации Рейнской области. «Союзники» не могли помешать вооружению Рейха, но предупредили, что положения Локарнских соглашений об ответственности за переход войск через Рейн остаются в силе. Германия рискнула пойти на такой шаг лишь в марте 1936 г., о чём уже говорилось. По мнению Джордана, «захват этой зоны по своим последствиям был самым решающим инцидентом за все годы, прошедшие между двумя войнами». Обычно с него начинают отсчёт «гитлеровской агрессии», приведшей ко Второй мировой войне.

СЕВЕРНЫЙ ШЛЕЗВИГ

Граница между Германией и Данией будет установлена согласно с чаяниями населения. С этой целью население, живущее на территориях бывшей Германской империи (следует детальное описание. — *В. М.*), будет призвано высказаться путём голосования.

(Версаль, 109)

Выдвижение «союзниками» требования об исправлении границы с Данией стало для Германии неожиданностью, поскольку эти страны не только не воевали, но поддерживали друг с другом дипломатические отношения. Понимая, что после поражения претензии могут появиться и у тех, кто не воевал, Берлин был готов решить вопрос полюбовно, но Копенгаген предпочёл заручиться гарантией со стороны победителей.

Герцогства Шлезвиг и Гольштейн, находившиеся в личной унии¹ с датским королём, стали причиной двух войн между Пруссией и Данией — в 1848—1850 и 1864 гг. После первой войны, закончившейся «вничью», статус герцогств был подтверждён, но в 1863 г. Дания решила официально присоединить Шлезвиг. В результате короткой войны Пруссия и её союзница Австрия оккупировали оба герцогства и сделали их совместным владением. Такой режим просуществовал до победы Пруссии в войне с Австрией в 1866 г., после которой они стали прусской провинцией Шлезвиг-Гольштейн. По договору 1866 г. с Данией Берлин обещал провести плебисцит в северной части Шлезвига, населённой в основном датчанами, но так и не сделал этого.

По Версальскому договору, в котором Дания не участвовала, Германия согласилась на проведение раздельного голосования в северной и южной частях Шлезвига, хотя

¹ Политическое объединение двух или более самостоятельных государств в союз с одним главой, который становится, таким образом, главой каждого государства—члена союза.

попыталась оспорить линию границы между ними. По итогам плебисцита северный Шлезвиг (10 февраля 1920 г.) отошёл к Дании, а южный (14 марта 1920 г.) остался в составе Германии. «Находились некоторые, желавшие, — вспоминал Черчилль, — чтобы весь Шлезвиг целиком был отделён от Германии, с целью провести такую границу, при которой Кильский канал уже не весь проходил бы по германской территории. Но осторожное датское правительство отказалось от подобных планов».

После оккупации Дании Третьим рейхом в 1940 г. шлезвигские нацисты потребовали восстановления довоенной границы, но Гитлер категорически отказался сделать это, не желая осложнять отношений с датчанами. Это была единственная «версальская» граница, которую он не «исправил». Она не претерпела изменений и после Второй мировой войны.

Австрия

Особое место в германской ирреденте занимала «немецкая Австрия» — населённая немцами часть распавшейся империи Габсбургов. Штреземан включал её воссоединение (аншлюс) с Германией в число своих внешнеполитических приоритетов наряду с восстановлением суверенитета в Рейнской области, мирным возвращением Саара и Эйпен-Мальмеди и получением мандата Лиги Наций на колонию в Африке. Родившийся в Австрии Гитлер, которому из-за политической деятельности был закрыт въезд на родину, тоже не переставал мечтать о её «возвращении». Победители решили по-иному.

Германия признаёт и будет строго уважать независимость Австрии в границах, которые будут установлены договором, заключённым между этим государством и главными Союзными и объединившимися державами; она признаёт, что эта независимость будет неотчуждаема, разве только последует согласие Совета Лиги наций.

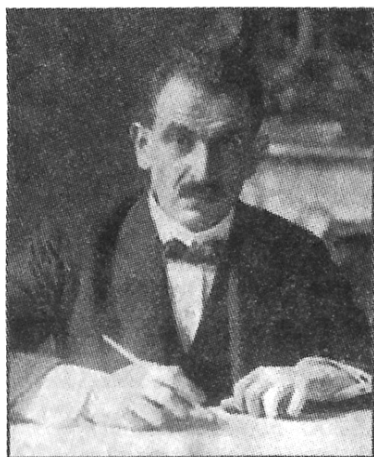
(Версаль, 80)

Независимость Австрии неотчуждаема, разве только последует согласие Совета Лиги Наций. Вследствие этого Австрия обязуется воздержаться без согласия названного Совета от всякого акта, способного прямо или косвенно нарушить её независимость каким бы то ни было путём, а в особенности и до её допущения в качестве члена Лиги Наций, путём участия в делах какой-либо другой державы.

(Сен-Жермен, 88)

Поначалу «союзники» имели в виду не расчленение Австро-Венгрии, но лишь предоставление автономии её народам, однако с течением времени перспектива распада империи стала реальной. В комментарии к «Четырнадцать пунктов» Вильсона, составленным в октябре 1918 г. Хаузом, о немецкой Австрии говорилось: «Эту территорию по праву следует разрешить присоединить к Германии, но против этого сильно возражают во Франции ввиду связанного с этим увеличения населения Германии».

В результате краха Австро-Венгрии 30 октября 1918 г. в Вене было созвано Временное Национальное собрание, состоявшее из немецких депутатов имперского парламента. 12 ноября оно абсолютным большинством голосов провозгласило Австрию республикой в составе объединённого германского государства. Днём позже лидер социалистов Отто Бауэр, назначенный министром иностранных дел, известил берлинский Совет народных уполномоченных, как стало называться правительство, об этом ре-

Отто Бауэр

шении и предложил приступить к переговорам об условиях объединения. Пропагандист «социалистического аншлюса», Бауэр, как отметил историк С. В. Кретинин, «выдвинул тезис об экономической нежизнеспособности австрийского государства. Только в едином с Германией экономическом пространстве Бауэр видел перспективы для выхода

из послевоенного кризиса и проведения социалистических преобразований». При торжественном открытии Национального собрания Германии в Веймаре 6 февраля 1919 г. Эберт выразил надежду на скорое объединение.

Начавшее работу 4 марта 1919 г. в Вене Национальное собрание, избранное уже после революции, приняло в качестве части основного закона следующее положение: «Немецкая Австрия является составной частью германского государства». 21 марта Национальное собрание в Веймаре заявило, что «с живым удовлетворением принимает к сведению постановление, посредством которого представители родственных австрийских немцев заявили о своей принадлежности к общему немецкому народу. Оно подтверждает братьям австрийским немцам, что, устранив прежние границы, немцы в Австрии образуют нераздельное единство, и высказывает твёрдую надежду на то, что переговоры, которые будут начаты между обоими правительствами, весьма скоро приведут к созданию твёрдых государственных форм, а общая принадлежность найдёт своё выражение признанным державами всего мира образом». Однако ещё 23 февраля Клемансо сказал Хаузу: «Немецкая Австрия не присоединится к Германской федерации, если намекнуть ей, что союзники этого не желают».

2 мая победители пригласили Австрию на переговоры, но только через месяц вручили ей текст договора. Несколькими днями ранее они дали понять, что «решили признать новую республику под названием «Австрийская Республика», а не «Немецкая Австрия», как хотела Вена. Дальнейшие события легко представить себе по истории Версальского договора. 6 сентября парламент большинством голосов (97 против 23) санкционировал подписание «мирного» договора и одновременно принял декларацию протеста против его постановлений, навязанных силой: «Национальное собрание должно, к сожалению, учитывать это принуждение, хотя оно и рассматривает Сен-Жерменский мир как несправедливый с национальной точки зрения, пагубный политически и невыполнимый в экономическом отношении».

Протест вызвали прежде всего те положения, которые «под предлогом защиты независимости Немецкой Австрии лишают австрийский немецкий народ его права на самоопределение, отказывают ему в осуществлении его пламенного желания соединиться с материнской землёй Германии — желания, составляющего необходимость жизненную, экономическую, культурную и политическую». Канцлер Карл Реннер (будущий первый президент Австрии после Второй мировой войны) заявил: «Немецкая Австрия никогда не откажется от цели добиться мирным путём объединения с Германией».

По замечанию американского госсекретаря Лансинга, «трудно найти более открытое отрицание заявленного права наций на самоопределение, чем запрещение Австрии объединиться с Германией при единодушной воле австрийского народа к такому союзу». Ему вторил Черчилль, которого трудно заподозрить в умеренности или симпатии к побеждённым: «В своём отчаянном положении Австрия обратилась к Германии. Объединение с громадной массой германцев придало бы Австрии как новые жизненные силы, так и средства к существованию, которые были у неё отняты питавшими к ней особенно недобрые чувства соседями. Новое австрийское правительство, основываясь одновременно на принципе самоопределения и национальности, требовало включения Австрии в состав Германской республики. Теоретически на основании принципов, провозглашённых Вильсоном, противиться такому требованию, известному под именем «аншлюса», было трудно».

«Для Австрии Сен-Жерменский мир оказался по своим итогам гораздо большим злом, чем мир Версальский для Германии, — писал в 1925 г. Ключников. — Он превратил большую страну в маленького уродца с искусственными границами, со столицей, заключающей в себе целую треть всего её населения. Мечтою австрийцев после военного разгрома было остаться в национальных территориальных границах, в которых немецкое большинство населения оказалось бы абсолютным и все области которой были бы

взаимно связаны экономически». Альфред Грюнбергер, бывший в 1922—1924 гг. министром иностранных дел Австрии, говорил, что она «похожа на человека, которому отрубили руки и ноги, но от которого требуют всё же, чтобы он ходил и работал».

В 1921 г. Австрия рискнула провести референдум, дипломатично поставив вопрос: «Следует ли федеральному правительству испросить разрешение Совета Лиги наций на союз Австрийской республики с Германией?» 24 апреля голосование состоялось только в одной провинции (Тироль), но результат говорил сам за себя: «да» — 145 302 человека, «нет» — 1805 человек, или почти в сто раз меньше. Под давлением победителей от продолжения пришлось отказаться. 4 октября 1922 г. правительство, в котором Грюнбергер возглавлял МИД, приняло Женевский протокол: жизненно необходимый для страны международный заём в обмен на обещание никогда не отказываться от своей независимости.

Энгельберт Дольфус

В стране боролись две тенденции — за и против «аншлюса». Активными сторонниками воссоединения были социалисты и... монархисты. 19 марта 1931 г. Берлин и Вена заключили договор о таможенном союзе, но он был аннулирован Советом Лиги Наций по настоянию Франции. Наиболее влиятельным противником «аншлюса» был Энгельберт Дольфус — канцлер в 1932—1934 гг. и лидер Христианско-социальной партии, режим которой называли «австрофашизмом» или «католическим фашизмом». Считавший Муссолини союзником и примером для подражания, Дольфус объединил своих сторонников в Отечественный фронт, запретил все остальные партии, включая нацистов и коммунистов, ликвидировал парламент и свободу печати, но не смог справиться с экономическим кризисом и массовым недовольством. В феврале

Курт Шушниг

1934 г. в стране развернулась настоящая гражданская война правительства с левыми, выступления которых были жестоко подавлены. 25 июля того же года путч устроили нацисты, но его единственным результатом оказалось убийство Дольфуса. Муссолини немедленно выдвинул войска к австрийской границе и заявил, что пересечёт её при малейшей попытке Третьего рейха осуществить «аншлюс». Новый канцлер Курт Шушниг, бывший правой рукой Дольфуса, 11 июля 1936 г. заключил соглашение с Германией, которая признала суверенитет Австрии, а та подтвердила, что является «германским государством». В 1937 г. последовал новый обмен заявлениями о готовности восстановить дружественные отношения в полном объёме, но Гитлер уже сделал выбор и склонил Муссолини на свою сторону.

12 февраля 1938 г. Гитлер дал понять Шушнигу, что «аншлюс» неизбежен, потребовал прекратить преследование нацистов и передать пост министра внутренних дел ставленнику Берлина Артуру Зейсс-Инкварту. Канцлер согласился, но 9 марта неожиданно назначил на 13 марта плебисцит по вопросу о «свободной, германской, независимой, социальной, христианской и единой Австрии», т. е. против «аншлюса». В бюллетенях стояло только «да», а возрастной ценз для голосования был поднят до 24 лет вместо полагавшегося по закону 21 года. Эта мера — её автором считали французского посланника в Вене, к которому Шушниг прислушивался, — была направлена против нацистов, опиравшихся на молодёжь. Германская пропаганда немедленно развернула кампанию против плебисцита, который должен был проводиться под контролем правительства и Отечественного фронта, чтобы исключить результат «нет». В Австрии начались беспорядки. 11 марта Шушниг отменил плебисцит и оставил пост

канцлера. Обратившись по радио к согражданам, он заявил, что делает это в силу ультиматума из Берлина, подчиняясь грубой силе.

В ночь с 11 на 12 марта президент Вильгельм Миклас назначил канцлером Зейсс-Инкварта, который немедленно обратился к Рейху с просьбой о «помощи». Ответом стало заявление Гитлера о «воссоединении» и вводе в Австрию войск, которым местные власти приказали не оказывать сопротивления. 13 марта Зейсс-Инкварт подписал закон о вхождении Австрии в состав Германии, сложил свои полномочия и вступил в нацистскую партию. Плебисцит всё-таки состоялся: 10 апреля 99,74 % голосовавшего населения Австрии (из которого были исключены евреи) и 99,02 % населения Германии одобрили «аншлюс»; 452 тыс. человек высказались против. На международной арене с осуждением выступил только Советский Союз. После Второй мировой войны Австрия была восстановлена в «сен-жерменских» границах.

Наложенные на Германию репарации и её западные границы создали много проблем, чреватых серьёзным конфликтом и даже войной, а отказ Лондона и Парижа пересмотреть положения «мира» увеличивал эту опасность. Германская ирредента на западе не вызвала новую войну лишь потому, что Великобритания придерживалась тактики мелких уступок Берлину, не меняя сути договора, и не поощряла агрессивные действия со стороны Франции, а Соединённые Штаты дистанцировались от европейских проблем. Германия — веймарская и нацистская — была верна тактике поэтапного пересмотра «мира», хотя Штрессман полагался на дипломатию, а Гитлер сочетал её с перевооружением и угрозами применить силу. «Гитлеровская агрессия» на западе, выразившаяся в восстановлении суверенитета над Рейнской областью и «аншлюсе» Австрии, была предопределена «мирными» договорами. Точнее, теми их статьями, на опасность которых проницательные люди указывали ещё тогда, когда сторонники будущего фюрера, собиравшиеся в мюнхенских пивных, исчислялись десятками.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Пороховой погреб: Польша

Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 г. с нападения Германии на Польшу, которую в межвоенные десятилетия не раз называли «пороховым заводом» и «пороховым погребом» Старого Света. Немецкая ирредента на востоке оказалась опаснее для мира, чем на западе. Ллойд Джордж ещё 25 марта 1919 г. в «Некоторых соображениях для мирной конференции до того, как она окончательно сформулирует свои условия», известных как «Меморандум из Фонтенбло», предупреждал:

«Я не могу представить себе более серьёзной причины будущей войны, чем то обстоятельство, что германский народ, который, несомненно, показал себя одной из самых энергичных и могущественных наций мира, будет окружён целым рядом маленьких государств, составленных из народов, в прошлом никогда не создававших устойчивого самостоятельного государственного строя и наделённых теперь многочисленным германским населением, которое мечтает о воссоединении со своей родиной. Предложение Польской комиссии, чтобы мы передали 2100 тыс. немцев под управление народа, исповедующего другую религию и ещё ни разу не доказавшего в течение всей своей истории, что он способен создать устойчивое самоуправление, должно, по моему мнению, рано или поздно привести к новой войне на востоке Европы».

Слова о народах, «никогда не создававших устойчивого самостоятельного государственного строя» и «ни разу не доказавших, что они способны создать устойчивое самоуправление», сегодня звучат «неполиткорректно», но британский премьер не привык стесняться в выражениях. Важно другое — правильность поставленного им диагноза об опасности передачи германских территорий и населения другим странам.

Германия признаёт, как это уже сделали Союзные и объединившиеся державы, полную независимость Польши и отказывается в пользу Польши от всяких прав и правооснований на территории (следует детальное описание. — *В. М.*). Границы Польши, не обозначенные настоящим договором, будут установлены впоследствии главными Союзными и объединившимися державами.

(Версаль, 87)

С началом войны Германия и Россия соревновались в разыгрывании «польской карты». 14 августа¹ 1914 г. за подписью главнокомандующего великого князя Николая Николаевича появилось «Воззвание к полякам», в котором говорилось о «возрождении Польши, свободной в своей вере, в языке, в самоуправлении под скипетром русского царя». Ведущим сторонником русской ориентации среди поляков стал лидер национал-демократов Роман Дмовский, который позже сформулировал основы внешней политики нового государства и представлял его в Париже вместе с премьер-министром — знаменитым пианистом Игнацы Падеревским.

Роман Дмовский

Однако до провозглашения самостоятельности — ещё не независимости! — дело дошло лишь через два года. 5 ноября 1916 г. Центральные державы в манифесте от имени императоров Вильгельма II и Франца-Иосифа I объявили о создании Польского королевства на землях, отвоёванных у России. О судьбе прусской и австрийской частей исторической Польши не было сказано ни слова;

¹ Все даты российской истории до 14 (1) февраля 1918 г. даны по новому стилю.

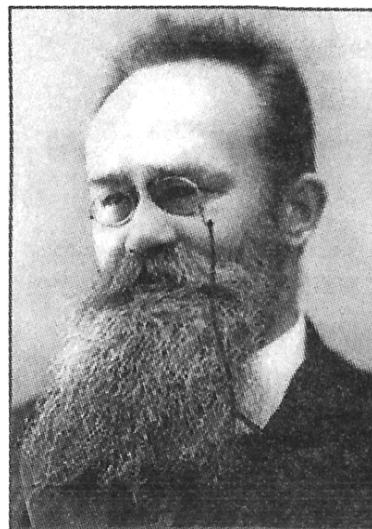
Игнацы Падеревский

более того, Германия по стратегическим соображениям планировала аннексировать некоторые районы Царства Польского как составной части империи Романовых. Решение вопроса о будущем монархе и границах королевства отложили до конца войны. Манифест был оглашён в Варшаве германским и австро-венгерским генерал-губернаторами Гансом фон Безелером и Карлом фон Куком, при этом немецкий военный оркестр играл гимн «Еще Польша не сгинела». 6 декабря там же был создан Временный Государственный совет, получивший часть функций гражданского управления. В ответ Николай II в рождественском приказе по армии и флоту, в канун нового, 1917 г., назвал в числе главных целей войны отвоевание польских земель у Германии и Австро-Венгрии и их объединение с Царством Польским в составе России на правах широкой автономии. Но ему оставалось править совсем немного — впереди была Февральская революция.

27 марта 1917 г. Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов провозгласил право наций на самоопределение, распространив его на Польшу. Через два дня аналогичное заявление сделало Временное правительство — с оговоркой, что независимая Польша должна быть в «свободном военном союзе» с Россией и что практическое решение откладывается до созыва Учредительного собрания. 6 апреля Временный Государственный совет одобрил заявление, но со своей оговоркой, что новая граница будет определена совместно, а не по решению Петрограда, и промолчал о военном союзе, поскольку Варшава ещё была «под немцами». Созданный 12 сентября Регентский совет Польши подтвердил эту позицию.

Картину осложнил украинский фактор. 17 марта в Киеве образовалась Центральная рада во главе с историком

Михаилом Грушевским, требовавшая автономии для Украины в составе федеративной России и чёткого определения границ её территории, которая пересекалась с польской. После прихода к власти большевиков и обнародования ими 15 ноября «Декларации прав народов России» Центральная рада 20 ноября провозгласила себя правительством Украинской народной республики (УНР). 24 декабря

Михаил Грушевский

Первый всеукраинский съезд Советов в Харькове, который уже месяц находился в руках большевиков, объявил о создании Украинской советской республики для борьбы с «буржуазной» Центральной радой, которая 4 февраля 1918 г. объявила о государственной независимости УНР. 9 февраля её представители подписали в Брест-Литовске (ныне Брест) мирный договор с Центральными державами, войска которых уже через три дня вступили на территорию Украины и к концу апреля полностью оккупировали её. 28 апреля они разогнали Центральную раду и на следующий день провозгласили своего ставленника Павла Скоропадского, генерал-лейтенанта русской армии, гетманом. Однако его режим продержался лишь до ухода немецких войск в середине декабря 1918 г. и был сменён столь же недолговечной националистической Директорией во главе с Владимиром Винниченко и Симоном Петлюрой.

В ходе распада империи Габсбургов на сцене появились новые участники. 7 октября Регентский совет обнародовал план создания польского государства, включавшего Восточную Галицию. В ответ собрание украинских депутатов в Австрии постановило созвать Украинскую национальную раду, которая 18—19 октября в Лемберге (ныне Львов) провозгласила Западно-Украинскую Народную Республику (ЗУНР) с включением той же территории. Как отметил историк С. А. Скляр, «два образовавших-

Юзеф Пилсудский

ся на развалинах Австро-Венгрии государства официально заявили претензии на одни и те же территории». 23 октября Регентский совет сообщил о создании военного и внешнеполитического ведомств во главе с лидером националистов Юзефом Пилсудским¹, который в то время находился под арестом в германской крепости Магдебург. Это говорило о намерении воевать до победного конца.

«Поляки, — писал Ллойд Джордж, — нашли себе вождя, который очень хорошо подходил для предъявления требований, основанных не на справедливости, а на силе, и для которого патриотизм был единственным критерием права. Пилсудский был поляк, родившийся в русской Польше, но из ненависти к русским, угнетателям его страны, он набрал для австрийской армии контингент поляков и во главе их дрался во время войны против русских. Когда Пилсудский впоследствии обнаружил, что Центральные державы вовсе не намерены предоставить Польше независимость, он стал причинять немцам беспокойство, и они бросили его в тюрьму (в июле 1917 г. — *В. М.*). Он, таким образом, вдвойне вызывал симпатию поляков: он боролся и против русских, и против немцев».

27 октября Регентский совет, объявив о начале формирования польской армии, попросил немцев освободить Пилсудского. 10 ноября он прибыл в Варшаву, 14 ноября получил от Регентского совета всю полноту власти, 16 ноября уведомил все страны — кроме РСФСР — о создании независимого польского государства, а 22 ноября назначил себя его «начальником». С этой силой предстояло

¹ Подробнее о нём можно прочитать в информативной биографии: Матвеев Г. Пилсудский. — М., 2008. — (Жизнь замечательных людей).

иметь дело победителям, которые пытались погасить полыхавшие на границах Польши вооружённые конфликты. Кроме поляков, в них принимали участие отводившиеся домой германские войска, наступавшие вслед за ними и провозглашавшие «власть рабочих и крестьян» части Красной армии, силы объединившихся 3 января 1919 г. УНР и ЗУНР, а также отряды различных «батек» и «атаманов».

«Союзников» волновали две вещи: скорейший отвод немецких частей в пределы Германии, где их можно разоружить, и недопущение «большевистской заразы» на запад. В Париже, где бывшему «боевику» и стороннику Центральных держав Пилсудскому были не рады, Падечевский и Дмовский изложили программу территориальной экспансии, распространив её на Восточную Галицию. «Конференция очень считается со свершившимися фактами», — заметил в узком кругу премьер-пианист. 29 января 1919 г. Дмовский публично заявил: «При определении границ Польши не может быть целиком принят принцип, по которому к ней отходят только территории с преобладающим польским населением». Не случайно в одной из германских нот прямо говорилось, что её земли отторгаются «только для того, чтобы дать Польше благоприятные в военном отношении границы».

«Два обстоятельства поощряли агрессивность Пилсудского, — суммировал Ллойд Джордж. — Первое заключалось в том, что создание великой Польши соответствовало французской политике, — и чем больше она будет, тем лучше. Французская внешняя политика всегда вдохновлялась одной основной целью — ослабить Германию и усилить её потенциальных противников. Второе обстоятельство заключалось в том, что поляки имели очень большое влияние на американскую делегацию. Президент приехал в Европу горячим сторонником Польши. Ему не нравилось, конечно, что поляки бесцеремонно попирают его принципы, и он мягко возражал против этого, но Пилсудский, поддерживаемый французами, не обращал никакого внимания на эти увещевания и неизменно добивался

победы». Таков был результат умелых действий поляков, которые восторгались вильсоновской «программой мира» и убедили его в важности голосов избирателей польского происхождения.

Западная граница Польши была определена Версальским договором так, как это предложила комиссия во главе с бывшим французским послом в Берлине Жюлем Камбоном в соответствии с программой Дмовского. Возражения Ллойд Джорджа приняты не были, за исключением вопросов о Верхней Силезии и Данциге, которые не стали безоговорочно польскими. Германия подписала договор, но отказалась признать границу окончательной, в чём были едины все её политические силы. Провести восточный рубеж оказалось намного сложнее.

22 апреля 1919 г. комиссия Камбона представила проект границы, кроме части Восточной Галиции, где продолжались боевые действия. 23 мая польский Сейм принял закон об автономии этой провинции, рассчитывая поставить «союзников» перед фактом и склонить их к компромиссу. 25 июня Антанта уполномочила поляков временно оккупировать Восточную Галицию до реки Збруч, т. е. до старой границы между Россией и Австро-Венгрией; к 12 июля последние украинские отряды были отброшены за реку. 20 августа комиссия передала исправленный проект синклиту первых лиц, но решение по нему было принято только через три месяца. Провинция была на 25 лет передана в управление Варшаве, которая по-прежнему отвергала любой вариант, кроме присоединения. Тогда 8 декабря «союзники» приняли Декларацию о временных восточных границах Польши по линии этнографического преобладания поляков от Восточной Пруссии до бывшей русско-австрийской границы на Буге, отложив окончательный вердикт на неопределённое будущее. Позднее этот рубеж получил известность как «линия Керзона» по фамилии британского министра иностранных дел, который требовал от Советской России соблюдать его.

В результате советско-польской войны 1920 г., закон-

чившейся поражением Красной армии под Варшавой («чудо на Висле») и подписанием 18 марта 1921 г. в Риге мирного договора, новая граница отодвинулась далеко на Восток. Британский историк Г. Тимперли писал: «Оккупация Польшей этой территории означает враждебность со стороны любой России — большевистской, монархической, либеральной или реакционной. В конце концов, это должно привести к союзу между Россией и Германией против Польши¹. Совершенно невозможно предположить, что Польша может продержаться против такого союза. Если бы она была крепко объединённой и однородной по своему национальному составу страной, она, быть может, при благоприятных обстоятельствах могла бы сохраниться. Но те же самые факторы, которые являются источником русской враждебности, являются источником польской слабости. Постоянная оккупация этих территорий означает, что миллионы людей другой национальности, другого языка и другой культуры будут составлять часть пёстрого польского государства. Если же поляки захотят управлять ими при помощи грубой силы, они смогут достичь этим увеличения численности своей армии, но за счёт того, что они проведут врага через собственные ворота».

Окончательное — и давно ожидаемое — решение пришло в сентябре 1939 г. при разделе Польши, в соответствии с советско-германским пактом о ненападении, и воссоединении Западной Украины и Западной Белоруссии с СССР. Одновременно Советский Союз присоединил Галицию, не входившую в состав Российской империи. В это же время был развязан и узел конфликта вокруг Вильно (ныне Вильнюс): Москва вернула город независимой Литве, у которой Польша отобрала его в 1920 г., несмотря на протесты Лиги Наций.

¹ В 1919 г. Ж. Бенвиль предупреждал: «Когда Россия проснётся и снова будет способна вести внешнюю политику, она автоматически объединится с Германией против государств, созданных за их счёт. Как и в прошлом, Польша, к её несчастью, окажется под перекрёстным огнём».

К концу 1921 г. польское государство окончательно сформировалось, получило международное признание и чётко очерченные границы. Однако никакие договоры не могли избавить его от внутренней нестабильности и острых межнациональных противоречий: 70 % населения страны составляли поляки, 15 % — украинцы, 7 % — евреи, 4 % — белорусы, 4 % — немцы. Послушаем Нитти, стороннего и объективного наблюдателя:

«Вся система Версальского договора покоится на ошибке, допущенной при создании Польши. Польша возникла отнюдь не в соответствии с благородным принципом национального самоопределения, не как национальное государство, а как новая великая держава, существование которой в настоящем виде недолговечно. Она не только включает целые слои национальных меньшинств, но представляет собой конгломерат различных народов, неспособных к длительному совместному существованию. Польша, обременённая уже слишком значительным еврейским населением, никогда не будет способна ассимилировать немцев, русских, украинцев, присоединённых к ней по Версальскому договору, вопреки обещанию Вильсона.

Затратив все свои силы на сопротивление с помощью Антанты большевистским армиям, Польша находится ныне в состоянии перманентной анархии. При значительных размерах потребления её производство ничтожно. Она расходует фантастические суммы и не умеет организовать рационального поступления доходов. Ни одна страна в мире никогда не злоупотребляла в такой мере бумажными деньгами: нет более обесцененных денег на земле, чем польские бумажные знаки. Неспособная организовать собственное производство, Польша стремится к дезорганизации экономической жизни у своих соседей.

Версальский договор исходит из факта существования сильной Польши. Беззащитная Германия, не имеющая возможности связать свою судьбу с ещё более беззащитной Австрией, контролируется на западе Францией и Бельгией, а на Востоке — Польшей. Отделяя Германию от России, более того, разрезая живое тело Германии своим

коридором, Польша лишает эту страну возможности развития и экспансии на восток.

Польша обязана своим существованием непредвиденному никем, одновременному падению Центральных империй и России, т. е. политическому чуду, явившемуся, конечно, справедливым вознаграждением за долгие страдания этого народа. Когда-то польские границы достигали на севере Балтийского моря, на юге — Карпат и Днестра, доходя на востоке почти до Смоленска, а на западе — со стороны Германии — до Бранденбурга и Померании. Новые польские патриоты грезят ныне о Польше грандиозных размеров, о воссоздании традиционного исторического королевства «от моря до моря». Они воодушевлены желанием захвата целых обширных областей Украины и стремятся к господству над всё новой и новой территорией.

Нетрудно предсказать, что в один прекрасный день Россия станет на ноги. Германия, несмотря на все попытки расчленить её и сломить её единство, будет представлять собой через тридцать—сорок лет сильнейшую этническую единицу континентальной Европы. Что станет тогда с Польшей, имеющей претензии разделить эти два народа, представляющие по численности их населения (и не только по этому) главнейшие силы континентальной Европы завтрашнего дня?»

Ответ на это дала «сентябрьская катастрофа» 1939 г. — трагедия польского народа и закономерный итог политики руководства страны. Как это произошло?

В части Верхней Силезии, заключённой в описанные ниже границы, жители будут призваны указать путём голосования, желают ли они быть присоединёнными к Германии или к Польше (следует детальное описание. — *В. М.*)... Германия заявляет отныне об отказе в пользу Польши от всяких прав и правооснований на часть Верхней Силезии, расположенную по ту сторону пограничной черты, установленной в итоге плебисцита главными Союзными и объединившимися державами.

(Версаль, 88)

Зона плебисцита будет немедленно поставлена под власть международной комиссии из четырёх членов, назначенных Соединёнными Штатами Америки, Францией, Британской империей и Италией. Она будет оккупирована войсками Союзных и объединившихся держав. Германское правительство обязуется облегчить перевозку этих войск в Верхнюю Силезию.

(Приложение, параграф 2)

«С 1163 г. Верхняя Силезия не имела никаких политических отношений с польским государством, — отвечала германская делегация на первоначальный текст договора, который предусматривал передачу этой территории Польше. — Здешние жители ничего не знают ни о прошлом, ни об истории Польши. Они не принимали участие в борьбе поляков за свободу, а, напротив, наблюдали за ней со стороны. В районах Верхней Силезии, которые требует Польша, нет бесспорно польского населения (следуют статистические данные. — В. М.). Всем интеллектуальным и материальным развитием Верхняя Силезия обязана деятельности немцев. Германия не может обойтись без Верхней Силезии, в то время как Польша не нуждается в ней».

Далее шли выкладки о силезском угле, который составлял 23 % всех германских запасов (а также 57 % свинца и 72 % цинка). Но в этом-то и было дело! Ещё во время войны польские политики выдвинули тезис, что богатства Верхней Силезии являются материальной базой «прусского милитаризма», а потому их надо отторгнуть от Германии. Идея — вкупе с объяснением, что эти земли не немецкие, а лишь «германизированные», — понравилась французам и Вильсону, но перед лицом фактов победителям пришлось признать, что у Польши нет законных прав на Верхнюю Силезию. По настоянию Ллойд Джорджа они сделали единственное серьёзное исправление в тексте договора, назначив плебисцит вместо передачи территории.

В Верхней Силезии не прекращались боевые действия, поэтому «союзники» в 1920 г. ввели туда войска и добились ухода из зоны плебисцита регулярных частей немецкой и польской армий. Итог голосования, состоявшегося

20 марта 1921 г., был однозначным: из 1136 тыс. участников 707 тыс. высказались за то, чтобы остаться в составе Германии. Тогда в ночь на 3 мая в Верхнюю Силезию, при поддержке части местного населения и попустительстве французов, вступили хорошо организованные польские «нерегулярные отряды» во главе с Войцехом Корфанты, который провозгласил себя диктатором (в 1997 г. посмертно удостоен польского ордена Белого орла). Берлинское правительство, опасаясь интервенции на западе, ничего не предприняло, но закрыло глаза на то, что добровольческие корпуса «фрайкор» и «чёрный рейхсвер» (воинские части, продолжавшие существовать в обход «мирных» договоров) разгромили поляков. Антанта потребовала от обеих сторон очистить территорию, что и было сделано к 5 июля.

При поддержке Парижа Варшава добилась аннулирования результатов плебисцита и передачи вопроса в Совет Лиги Наций. «Это был первый случай, — вспоминал Черчилль, — когда спор между двумя могущественными державами передавался на суд новой организации. Но совет, в свою очередь смущённый разногласиями между Англией и Францией, передал это дело в специальную комиссию, состоявшую из представителей малых стран, которые, будучи членами Совета Лиги, не были членами Верховного совета Антанты. Представителям Бельгии, Испании, Бразилии и Китая была поручена тонкая и трудная задача. Под оказываемым на неё со всех сторон давлением комиссия нашла выход в компромиссе. Её решение было встречено негодованием со стороны Германии, но как Англией, так и Францией было принято без всяких возражений». В итоге Германия получила две трети Верхней Силезии, Польша — треть. На польской трети остались 256 тыс. немцев, 95 % запасов силезского угля, 23 из 37 доменных печей и т. д. Взаимные обязательства сторон, связанные с разделом территории, были оформлены соглашением сроком на 15 лет, подписанным в Женеве 15 мая 1922 г.

Германия соглашалась уступить Польше провинцию

Позен (Познань) и часть Западной Пруссии при условии проведения плебисцита, признавая их население смешанным, но категорически возражала против принципа «коридора», который, соединяя Польшу с Балтийским морем, отрезал Восточную Пруссию с центром в Кёнигсберге (ныне Калининград) от остальной части страны. Ещё во время войны польские претензии на выход к морю удивляли «союзников». «Если ваша страна выйдет, как вы говорите, на побережье Балтийского моря, это будет чудо», — сказал в 1918 г. Дмовскому «высокопоставленный французский дипломат, посвящённый в польские дела». Дмовский ответил: «Это чудо произойдёт, если вы захотите, чтобы мы существовали как независимое государство».

«Интерес, который немцы Восточной Пруссии, численностью не более двух миллионов, имеют в связи с Германией по суше, — говорилось в ответе «союзников» на германский протест, — является куда менее жизненным, чем интерес всей польской нации в обеспечении прямого доступа к морю. Неудобствами, причиняемыми Восточной Пруссии новой границей, можно пренебречь в сравнении с тем, что причинит Польше любое другое решение».

Запомним эти слова и будем держать их в памяти, анализируя дальнейший ход трений между Германией и Польшей.

Германия отказывается в пользу главных Союзных и объединившихся держав от всяких прав и правооснований на территорию (следует подробное описание Данцига и окрестностей. — *В. М.*)¹.

¹ С такой же формулировкой (Версаль, 99) от Германии был отторгнут порт Мемель (ныне Клайпеда), основанный рыцарями Ливонского ордена в 1252 г., а позднее принадлежавший Тевтонскому ордену и Пруссии (за исключением 1629—1635 и 1757—1762 гг.). 13—15 января 1923 г. литовские «ополченцы» заняли город и объявили о его присоединении к Литве. 16 февраля Антанта санкционировала захват, несмотря на протесты Польши. На выборах в местные органы власти в декабре 1938 г. прогерманские партии получили 87 % голосов. 20 марта 1939 г. Германия потребовала от Литвы «вернуть» Мемель, что два дня спустя было оформлено двусторонним соглашением.

* * *

Главные Союзные и объединившиеся державы обязуются образовать из города Данцига, с указанной в статье 100 территорией, Вольный город¹. Он будет поставлен под защиту Лиги Наций.

* * *

Конституция Вольного города Данцига будет выработана, по соглашению с верховным комиссаром Лиги Наций, представителями Вольного города, правильным образом назначенными. Она будет поставлена под гарантию Лиги Наций (вступила в силу 14 июня 1922 г. — *В. М.*).

* * *

Конвенция, содержание которой главные Союзные и объединившиеся державы обязуются выработать и которая вступит в силу одновременно с образованием Вольного города Данцига, будет заключена между польским правительством и названным Вольным городом (подписана в Париже 9 ноября 1920 г. — *В. М.*), чтобы:

- 1) Включить Вольный город Данциг в пределы таможенной границы Польши и принять меры к установлению в порту свободной зоны;
- 2) Обеспечить Польше без всяких ограничений свободное пользование и работу всех водных путей, доков, бассейнов, набережных и иных сооружений на территории Вольного города, необходимых для ввоза и вывоза Польши;
- 3) Обеспечить Польше контроль и управление в отношении Вислы и всей полностью железнодорожной сети в пределах Вольного города, кроме трамваев и других рельсовых путей, служащих главным образом для нужд Вольного города, а также контроль и управление в отношении почтовых, телеграфных и телефонных сообщений между Польшей и Данцигским портом;
- 4) Обеспечить Польше право развивать и улучшать водные пути, доки, бассейны, набережные, рельсовые пути и иные сооружения и средства сообще-

¹ Самостоятельное территориально-политическое нейтральное и демилитаризованное образование, правовой режим которого устанавливается международными договорами и гарантируется государствами или международными организациями.

ния, указанные выше, и право арендовать и покупать на подходящих условиях необходимые в этих целях земельные участки и другую собственность;

- 5) Следить за тем, чтобы никакое умаление прав не производилось в Вольном городе Данциге во вред польским гражданам и другим лицам, полякам по происхождению и по языку;
- 6) Обеспечить через польское правительство ведение внешних сношений Вольного города Данцига, а также защиту его граждан в чужих странах.

* * *

Все имущества, принадлежащие Германской империи или германским государствам и находящиеся на территории Вольного города Данцига, будут переданы главным Союзным и объединившимся державам для переуступки их или Вольному городу, или польскому государству, смотря по тому, что они сочтут справедливым решить.

(Версаль, 100, 102—104, 107)

28 апреля 1917 г. в Лондоне Бальфур и Хауз обсуждали новые границы Польши. «Камнем преткновения был выход к морю, — записал американский гость. — Таким выходом может быть только Данциг. Это создало бы новые Эльзас и Лотарингию, т. е. новый предлог для мучений, раздражений и беспокойства. Бальфур полагает, что возможно превратить Данциг в открытый порт и таким путём удовлетворить Польшу. В данный момент я (Хауз. — В. М.) не смотрю на это с одобрением, особенно по той причине, что немцы и поляки стали бы врагами и были бы готовы при малейшем раздражении жаловаться друг на друга. Тем не менее я горячо защищал восстановленную и обновлённую Польшу, достаточно большую и достаточно мощную, чтобы служить буферным государством между Германией и Россией».

Выступая 14 февраля 1919 г. в Рейхстаге, Брокдорф-Ранцау обещал Польше экономический выход к морю через интернационализацию реки Висла и портов Кёнигсберг, Мемель и Данциг, но без передачи ей территории, населённой немцами. Комиссия Камбона решила, что

«торговые, экономические и военные соображения оправдывают передачу Данцига полякам», но вмешательство Англии сделало его «вольным городом». Мнением Германии никто не интересовался.

В итоге Польша получила немецкую ирреденту в два с лишним миллиона человек и постоянную головную боль в виде «коридора». Здесь тоже можно заполнить много страниц убедительными цитатами — не из немецких источников! — но ограничимся двумя. Первая — из речи Черчилля, в то время находившегося в оппозиции, в Палате общин 24 ноября 1932 г.: «Если британское правительство действительно желает работать ради укрепления мира, оно должно взять на себя решение вопроса Данцига и «коридора», пока превосходство остаётся за странами-победительницами. Если эти вопросы не будут решены, невозможно надеяться на продолжительный мир». Вторая — из воспоминаний поэтессы Зинаиды Гиппиус, симпатизировавшей полякам больше, чем немцам, о событиях 1920 г.: «Проезжали знаменитый «коридор», при котором, как и при всех других условиях Версальского мира, Европа была нежизнеспособна. Данциг и тогда был городом совершенно немецким».

Версальский «мир» не устраивал не только немцев. Став в ноябре 1932 г. министром иностранных дел Польши, полковник Юзеф Бек — ключевая фигура последующих событий — заявил, что его страна «не может быть удовлетворена статус-кво». Со страниц польской печати постоянно раздавались неофициальные — но, как считают историки, инспирированные сверху — призывы к аннексии Данцига и части Восточной Пруссии вкупе с претензиями на Украину и выход к Чёрному морю. «Мы знаем, что война между Польшей и Германией неизбежна, — пи-

Юзеф Бек

сал в 1930 г. влиятельный варшавский журнал. — Мы должны систематически и энергично готовиться к этой войне». В том же году министр иностранных дел Август Залесский в частной беседе заметил, что проблему Данцига может решить только польский армейский корпус. «Конечно, эти угрозы, — пояснял в 1939 г. британский аналитик Б. де Колонна, — не исходят от всего польского народа. Напротив, обычные люди выступают против войны из-за новой границы и всей душой стоят за мир. Но некоторые требуют раздела Германии».

Проблемы, созданные в Версале, на протяжении двадцати лет отравляли отношения между Берлином и Варшавой и в конечном счёте толкнули Гитлера на путь агрессии. Неужели их нельзя было разрешить миром? Попробуем хотя бы коротко проследить ход германо-польских отношений, о которых можно написать целую книгу — увлекательную, грустную и поучительную.

В германских контрпредложениях от 29 мая 1919 г. говорилось, что «поляки до настоящего времени не проявили себя как заслуживающие доверия защитники национальных или религиозных меньшинств». 28 июня Польша подписала с главными Союзными и объединившимися державами договор о гарантиях «защиты интересов жителей, отличающихся от большинства населения по расе, языку или религии», как предусматривал Версальский «мир» (статья 86). Аналогичные договоры были позднее заключены с Чехословакией и Сербо-хорватско-словенским государством (оба 10 сентября 1919 г.), Румынией (9 декабря 1919 г.) и Грецией (10 августа 1920 г.). В качестве ответной гарантии в Сен-Жерменском «мире» с Австрией появился раздел «Защита меньшинств», повторённый в других договорах, кроме ранее подписанного Версальского.

Посылая Падеревскому проект договора, Клемансо напомнил, что Польша обрела независимость только благодаря усилиям и жертвам «союзников», поддержка которых является залогом её существования, а потому должна «обеспечить гарантии основных прав, которые дадут жителям (присоединённых территорий. — В. М.) необходимую

защиту, какие бы изменения ни произошли во внутреннем устройстве польского государства». Польша обязалась «осуществлять полную и всеобъемлющую защиту жизни и свободы всех жителей без различия происхождения, национальности, языка, расы и религии» и признала право любого члена Совета Лиги Наций «привлечь внимание Совета» к «нарушению или опасности нарушения» любого из этих обязательств.

Согласившись с требованиями победителей, Варшава не спешила их выполнять. «Польша — один из злейших правонарушителей, — констатировал в 1938 г. Ллойд Джордж. — Она прямо отвергла договор о национальных меньшинствах в Женеве в 1934 г. путём односторонней декларации, что положения договора отныне не могут считаться применимыми к Польше, поскольку другие державы (имелись в виду великие державы) отказываются применять их у себя»¹.

Стремление позиционировать себя как великую державу стало в 1930-е гг. главной чертой польской дипломатии, вплоть до требования колоний в Африке, но не подкреплялось ни экономическим положением страны, ни её международным авторитетом.

«Одним из грубейших поступков Польши, — указал Ллойд Джордж, — было её отношение к притязанию украинцев на местную автономию хотя бы в Восточной Галиции. Польша была связана условиями договора о национальных меньшинствах и тем не менее пустила в ход самые жестокие меры угнетения, чтобы ополечить украинцев. Преследования еврейского меньшинства в Польше до экономического кризиса 1929 г. на время приостанавливались и не принимали особенно резких

¹ Польша ссылалась на то, что не позволит СССР вмешиваться в свои внутренние дела, связанные с правами меньшинств, как это допускал договор 1919 г.; в это время завершалась подготовка к принятию СССР в Лигу Наций, где ему было обещано место постоянного члена Совета. По словам Бека, Пилсудский принял принципиальное решение об отказе от договора ещё в конце 1931 г. и лишь выжидал удобный момент.

форм. Но начиная с 1929 г. эти преследования непрерывно усиливались, пока польское правительство не заявило совершенно открыто в Женеве, что оно должно избавиться по крайней мере от 2,5 млн из общего числа 3,25 млн евреев, живущих на территории Польши. В то же время польское правительство утверждало, что оно не поддерживает, а, наоборот, подавляет всякие насилия против евреев. Но если не центральное правительство, то местные власти снисходительно допускали, если не поощряли травлю евреев, переходившую в открытое насилие». Дискриминация привела к тому, что в 1930-е гг. из Польши ежегодно эмигрировали порядка 100 тыс. евреев (из Германии — 25—28 тыс.). Некоторые бежали даже в Третий рейх, незаконно переходя границу.

Положение немцев в Польше было лучше, чем положение украинцев, белорусов или евреев, но не соответствовало версальским обещаниям. Уже 20 ноября 1920 г. Берлин представил Варшаве меморандум о преследованиях немцев в процессе оптации (выбора подданства) на разделяемой территории. К 1926 г. не менее 820 тыс. человек, не принявших польское гражданство, покинули землю своих предков и переселились в Германию. С 1919 по 1929 г. в ходе аграрной реформы у немцев было конфисковано более 1 млн акров «излишков» земли, причём «изъятия» продолжались и в следующем десятилетии. Немецкие депутаты в Сейме протестовали против «дегерманизации», которую провозгласили и проводили польские власти, но их количество непрерывно сокращалось: 21 мандат в 1928 г., 5 — в 1930 г., ни одного — в 1935 г. Впрочем, такой же «зачистке» подверглась и местная оппозиция.

Анализируя результаты переписи населения 1931 г., показавшей наличие в Польше 727 тыс. немцев, независимые демографы сделали вывод, что эта цифра занижена примерно на 400 тыс. человек. В том же году германский генеральный консул сообщал из Познани, что последние польские данные говорят об эмиграции из страны не менее 1 млн немцев. «Поляки, — писал он, — признают, что

процесс дегерманизации за последние годы достиг больших успехов».

Действия польских властей в отношении национальных меньшинств, включая карательную экспедицию по «замирению» украинцев в 1930 г., не раз рассматривались Советом Лиги и Международным судом.

Штреземан считал одной из главных целей своей политики принятие Германии в Лигу Наций и вхождение в её Совет в качестве постоянного члена — это произошло в 1926 г. — именно для более успешного отстаивания прав соотечественников за рубежом. Данцигу он уделял сравнительно мало внимания, хотя поляки в 1921 г. создали по соседству с ним порт Гдыня, который со временем должен был перевести на себя пассажиро- и грузопотоки, чтобы экономически задушить не-совсем-польский «вольный город».

Бек назвал статус Данцига «самым причудливым творением Версальского договора», «созданным исключительно для того, чтобы сохранять постоянный источник конфликта между Германией и Польшей, или как предмет торга, в котором интересы Польши принесены в жертву к выгоде Германии». Для него вопрос был ясен: город должен быть польским.

Ситуация изменилась с приходом Гитлера к власти. Уже 12 февраля 1933 г. рейхсканцлер заявил, что статус-кво в «коридоре» неприемлем и должен быть изменён. Дипломаты подготовили отчёты о преследованиях немцев в Польше. Данцигский сенат вручил германскому генеральному консулу записку об экономических и административных мерах Варшавы в отношении «вольного города», которые вышли далеко за пределы имеющихся договорённостей, попутно отметив бессилие Лиги Наций. Сам Бек признал, что «верховному комиссару подчинялись только секретарь и машинистка».

В ответ на заявления городского сената, занявшего жёсткую позицию по частному, но болезненному вопросу о несении полицейской службы в порту, польский десант 6 марта высадился на полуострове Вестерплатте, у самого

входа в порт, для охраны военных складов¹. Пилсудский распорядился ввести в «коридор» дополнительные войска. Последовал обмен протестами, но тревога быстро улеглась. Военный министр Вернер фон Бломберг сказал Гитлеру, что сейчас о войне не может быть и речи. Британский министр иностранных дел сэр Джон Саймон подверг действия Варшавы критике в Совете Лиги Наций, куда пожаловался верховный комиссар. Это означало, что Лондон не поддержит Пилсудского в превентивной войне против Германии; отказал в помощи и Париж. 14 марта Бек, которого считали инициатором десанта на Вестерплатте, объявил о возвращении войск. Инцидент разрешился, но на выборах в данцигский сенат 28 мая убедительную победу одержали нацисты.

5 августа 1933 г. сенат заключил с польским правительством соглашение, по которому Варшава обязалась не чинить препятствий грузопотоку через порт. Стороны договорились решать имеющиеся проблемы напрямую, без участия Лиги Наций, но Пилсудский в Варшаве назидательно сказал председателю сената Герману Раушнингу: «Не советую вам приезжать сюда в качестве врагов, поскольку это может плохо кончиться, намного хуже, чем вы думаете». Через год, 8 августа 1934 г., соглашение было дополнено взаимовыгодным экономическим пактом.

На основании документов польский историк С. Дембски сделал вывод, что Гитлер «хотя и не отказывался от притязаний в отношении Польши, но, в противоположность своим предшественникам, не отвергал возможности решения германско-польских проблем путём переговоров, а не с помощью вооружённого конфликта. Он не стремился к безусловному уничтожению Польши и по этой причине считался в Варшаве умеренным и рассу-

¹ 14 марта 1924 г. Лига Наций разрешила Польше создать на Вестерплатте транзитный военный склад, 7 декабря — разместить там небольшой гарнизон, точно определив его численность. 22 октября 1925 г., несмотря на протест данцигского сената, весь полуостров перешёл под контроль Польши.

дительным политиком. Фюрер первоначально отводил Польше роль «форпоста», «бастиона цивилизации на Востоке», предохраняющего Германию прежде всего от большевистской опасности, но косвенным образом также и от потенциальных попыток давления со стороны Франции. В дальнейшей перспективе Гитлер рассчитывал на более тесные отношения с Варшавой и на подчинение её немецким интересам на международной арене».

30 мая 1933 г. польским посланником в Берлин был назначен Юзеф Липский, считавшийся сторонником улучшения двусторонних отношений. 15 ноября Гитлер предложил ему приступить к переговорам по всем спорным вопросам, добавив, что «было бы безумием начинать войну из-за мелких исправлений границы». Немцы подготовили проект двусторонней декларации, фактически означавшей пакт о ненападении, и 28 ноября посланник Гельмут фон Мольтке вручил его Пилсудскому. 9 января 1934 г. Варшава дала положительный ответ. 26 января декларация была подписана Липским и министром иностранных дел Константином фон Нейратом. Статус дипломатических миссий в обеих столицах был повышен до уровня посольств.

Гитлер нуждался в перемирии на востоке для достижения более насущных целей на западе, а польское руководство — для решения внутренних проблем. По мнению историка Д. Хогтана, «трудно сказать, какая сторона получила большую выгоду. Поляки не хотели нападать на Германию без помощи Франции, которая была им недоступна. Германия не могла пересмотреть Версальский договор силой. Сотрудничество немцев с русскими могло причинить ущерб Польше, сотрудничество поляков с чехами — Германии. Такие альтернативы обсуждались, но тогда их было трудно реализовать».

Москва была заранее проинформирована о предстоящем соглашении: в начале января 1934 г. посол Юлиуш Лукасевич сообщил о нём народному комиссару по иностранным делам Максиму Литвинову. 13 февраля в советскую столицу с официальным визитом — впервые за пос-

лереволюционные годы — прибыл польский министр иностранных дел, стремившийся показать, что Варшава верна политике паритета в отношениях с соседями. Добавим, что СССР в 1932 г. заключил аналогичный договор с Польшей, а с 1926 г. имел пакт о нейтралитете с Германией.

Декларация разрядила отношения на правительственном уровне, хотя на местах положение немцев в Польше не улучшилось. 24 февраля 1934 г. она была дополнена соглашением о прессе, чтобы предотвратить взаимное разжигание страстей, но в условиях польского авторитарного режима газетчики — по крайней мере в вопросах внешней политики — чувствовали себя свободнее, чем при нацистском тоталитаризме, и давали волю антигерманским настроениям. Берлин с тревогой встретил озвученный Бек в Лиге Наций 13 сентября отказ от договора о правах меньшинств, которые теперь не гарантировались и не регулировались никаким международным соглашением, хотя такие гарантии были одним из условий передачи Польше немецких земель. Липский заявил, что права германского меньшинства будут защищены польскими законами, но это никого не убедило.

14 ноября 1934 г. Нейрат поручил Мольтке заявить, что Германия готова приступить к двусторонним переговорам, поскольку не желает иметь дела с международными организациями, доказавшими свою беспомощность, но не оставит соотечественников без защиты. Бек твердил о глубоком уважении к Гитлеру и о стремлении улучшить отношения с Берлином (эти речи сильно испортили его позднейшую репутацию), обещал предпринять «энергичные шаги» для наведения порядка на местах, но ничего не менялось. Антинемецкие выступления переходили в погромы, Германия протестовала, Варшава отписывалась... и всё начиналось заново.

В Третьем рейхе также было польское меньшинство. Поляки имели все основания жаловаться, что их считают «гражданами второго сорта» и подвергают германизации, но в целом их материальное положение было лучше, чем

на родине: Германия переживала экономический подъём, а Польша — кризис. Жизнь польских немцев была тяжелее жизни немецких поляков, поскольку их увольняли с работы в первую очередь. Именно это, наряду с фактами насилия и погромов, служило главным поводом для регулярных протестов Берлина. Политика Варшавы ставила под удар и поляков в Германии, которые становились её заложниками.

15 июля 1937 г. истекал срок двустороннего соглашения 1922 г. по Верхней Силезии. Уже в январе Нейрат напомнил об этом Беку, указав на необходимость «решить ряд технических вопросов в экономической области», связанных с положением немцев. Варшава повторяла, что польская конституция в равной мере защищает всех граждан. Берлин настаивал на особом соглашении, гарантирующем права меньшинств в обеих странах, дав понять, что улучшение отношений возможно лишь таким путём. 19 апреля Бек заявил Мольтке, что соглашение невозможно как нарушающее суверенитет Польши, а «поляки исключительно чувствительны ко всем вопросам, затрагивающим суверенные права государства». Посол парировал, что Рейх не менее «чувствителен» к вопросам суверенитета, но не считает его нарушением двустороннее соглашение с равными правами и обязанностями.

Проволочки продолжались. 1 июня Мольтке вручил Беку меморандум от имени Нейрата, особо подчеркнув, что он составлен по указаниям Гитлера. Объёмный, но конкретный и лишённый «воды» документ не только чётко излагал намерения Берлина, но и содержал подсказку для Варшавы: соглашение можно заменить одновременными идентичными декларациями обоих правительств. Бек ухватился за этот вариант. 24 июня посол передал ему германский проект, но получил ответ только через месяц с лишним, когда соглашение 1922 г. перестало действовать, а польский парламент принял новые законы, осложнившие положение силезских немцев. Только 26 августа Бек окончательно согласился, однако по ряду причин декларации были обнародованы лишь 5 ноября.

Документ провозглашал «взаимное уважение национальных чувств» и отказ «от любых попыток насильственной ассимиляции меньшинств», свободу в использовании родного языка, в создании организаций и школ. Отдельная статья давала гарантии против профессиональной или экономической дискриминации по национальному признаку. В день оглашения декларации Гитлер принял представителей германских поляков, а президент Игнацы Мосьцицкий — польских немцев. Липский получил от Нейрата «напоминалку» с перечнем конкретных пожеланий, но она, как показали события ближайших месяцев, если не недель, разделила судьбу прочих документов такого рода, то есть была проигнорирована. В ответ Гитлер велел развернуть пропагандистскую кампанию за «возвращение Данцига в Рейх».

Декларации оказались ещё менее действенными, чем соглашение 1934 г. Мольтке уже 11 декабря 1937 г. сказал Беку, что Германия разочарована. То же самое ему повторили Нейрат и Гитлер 13 и 14 января 1938 г., когда польский министр проезжал через Берлин. 3 марта Гитлер заявил британскому послу Невиллю Гендерсону, что «в урегулирование своих отношений с родственными странами или со странами с большим количеством немецкого населения Германия не позволит вмешиваться третьим державам» и что «если немцев в Центральной Европе будут и в дальнейшем угнетать, то Германия должна вмешаться, и она вмешается».

Главными событиями 1938 г. стали «аншлюс» Австрии, о котором говорилось в предыдущей главе, и Мюнхенское соглашение, которое мы рассмотрим в следующей. После них Германия вернулась к проблемам Данцига и «коридора». 24 октября Риббентроп, уже в качестве министра иностранных дел, сделал Липскому следующие предложения:

- «1. Вольный город Данциг возвращается в Германский Рейх.
2. Через «коридор» прокладываются экстерриториаль-

- ная автострада и экстерриториальная многоколейная железная дорога, принадлежащие Германии¹.
3. Польша получает в Данцигской области экстерриториальную автостраду, железную дорогу и свободный порт.
 4. Польша получает гарантию сбыта своих товаров в Данцигской области.
 5. Обе страны признают свои общие границы; при необходимости можно договориться о гарантии территорий.
 6. Германско-польский договор пролонгируется с 10 до 25 лет.
 7. Польша присоединяется к Антикоминтерновскому пакту.
 8. Обе страны включают в договор пункт о взаимных консультациях».

Разговор показал, что Германия намерена решить накопившиеся проблемы «здесь и сейчас» путём переговоров. 19 ноября Липский сообщил ответ: «удивившись» выдвинутым требованиям, Бек дал понять, что о возвращении Данцига в Рейх де-юре не может быть и речи. Облечённый в пышные фразы о дружбе, отказ сопровождался предложением заключить двусторонний договор, гарантирующий «свободу национальной и культурной жизни германского большинства» населения Данцига и польские экономические интересы. Вопрос экстерриториальной автострады и железной дороги Бек проигнорировал, зато позже сообщил германскому послу, что хотел бы встретиться с фюрером для личной беседы.

Встреча состоялась 5 января 1939 г. Гитлер заявил гостю, что «при всех обстоятельствах Германия будет заинтересована в сохранении сильной национальной Польши» и что «с чисто военной точки зрения наличие силь-

¹ Для этого Германия просила выделить ей участок земли шириной $\frac{5}{8}$ мили и длиной 53 мили; при пересечении с существующими транспортными артериями предлагалось построить подземные туннели или надземные эстакады.

Эдвард Рыдз-Смиглы

ной польской армии снимает с Германии значительное бремя», имея в виду оборону против СССР. Повторив предложения насчёт «коридора» и Данцига, который «рано или поздно отойдёт к Германии», и отметив, что признаёт связь Польши с морем «абсолютно необходимой», фюрер изъявил готовность гарантировать нынешнюю границу, включая Верхнюю Силезию, хотя его предшественники ничего подобного не предлагали. Бек ответил, что принимает услышанное

к сведению, ничего не добавив по существу.

Ответный визит Риббентропа в Варшаву 25—26 января, приуроченный к пятилетию соглашения 1934 г., был обставлен очень торжественно, но гость остался недоволен, поскольку ничего не добился. Бек ответил категорическим отказом на предложения по Антикоминтерновскому пакту и экстерриториальной автостраде, не говоря уже о Данциге. Генеральный инспектор вооружённых сил и фактический правитель страны маршал Эдвард Рыдз-Смиглы дал понять, что считает Германию таким же врагом, как и СССР. 30 января Гитлер в Рейхстаге с уважением отозвался о Пилсудском и заявил о приверженности соглашению 1934 г. Бек не отреагировал, а 26 февраля объявил, что в конце марта отправится с визитом в Англию.

Цель вояжа угадать нетрудно: он ехал нормализовывать отношения, ухудшившиеся после участия Польши в разделе Чехословакии, и искать поддержки против Германии. Одновременно польская пресса вспомнила о важности союзнических отношений с Францией. 21 марта, после немецкой оккупации Праги, Риббентроп сделал Липскому «внушение» относительно очередных инцидентов и попросил передать шефу приглашение приехать в Берлин. Вспомнив, что судьба Чехословакии окончательно реши-

лась в ночь на 15 марта именно после такого «визита», Бек отказался ехать, а Рыдз-Смиглы 23 марта отдал приказ о частичной мобилизации и усилении военного присутствия в «коридоре». 26 марта Липский вручил Риббентропу отрицательный ответ на предложение об экстерриториальных магистральных. Рейхсминистр заявил, что так к соглашению не прийти и что Берлин видит в польских «посягательствах» на Данциг *casus belli* — повод для объявления войны. Через два дня Бек сообщил Молтке, что Варшава считает *casus belli* любую попытку изменения статуса Данцига, в том числе через постановление контролируемого нацистами сената «вольного города».

31 марта британский премьер Невиль Чемберлен огласил в Палате общин принятое двумя днями ранее решение правительства о том, что «в случае любой акции, которая будет явно угрожать независимости Польши и которой польское правительство сочтёт необходимым оказать сопротивление своими национальными вооружёнными силами, правительство его величества считает себя обязанным немедленно оказать польскому правительству всю поддержку, которая в его силах». Париж присоединился к гарантиям. Неясным оставалось одно: как именно они могут помочь Польше в случае нападения на неё.

2 апреля Бек отправился в Лондон, где выразил признательность за гарантии, заявил, что Варшава как равноправный партнёр поддержит Англию в случае немецкого нападения, но не принял предложение распространить союз против Рейха на всю сферу британских интересов в Европе и высказался против сотрудничества с Москвой. В опубликованном 6 апреля двустороннем коммюнике говорилось, что стороны не только «находятся в полном согласии относительно общих принципов», но и «готовы заключить соглашение постоянного и взаимного характера», которое должно заменить односторонние британские гарантии.

Не дожидаясь итогов визита, Гитлер 3 апреля приказал планировать наступательную кампанию против Польши, которая получила кодовое название «Вайс» («Белый») и

включала «освобождение» Данцига. 19 апреля он сказал румынскому министру иностранных дел Григоре Гафенку: «Ошибкой г-на Бека был поворот в сторону Лондона. Он сам решил свою судьбу». 28 апреля в Рейхстаге фюрер объявил о разрыве договора 1934 г. и подтвердил претензии на Данциг. Отвечая ему 5 мая в Сейме, Бек разъяснил, что лондонское коммюнике «должно рассматриваться как полноценное соглашение двух правительств», что «уважающее себя государство не делает односторонних уступок» и что «для нас, поляков, мир любой ценой не существует». Это означало, что разрядки в отношениях не будет. С конца марта ситуация в Верхней Силезии и «коридоре» накалилась до предела, всё чаще выливаясь во вспышки насилия. В мае начались инциденты на границе «вольного города» и Польши. Пресса обеих стран подливала масла в огонь.

4 мая 1939 г. известный французский политик Марсель Дэа опубликовал на шумевшую статью «Умирать за Данциг?». Четырьмя годами раньше патриарх французского консерватизма Шарль Моррас задал аналогичный вопрос относительно поддержки Абиссинии (ныне Эфиопия) против Италии, а в сентябре 1938 г. популярный писатель и публицист Анри Бериш напечатал статью «Умирать за Судеты?». Во всех трёх случаях вопросы были риторическими, а ответы — отрицательными. Однако через полмесяца после выступления Дэа, 19 мая начальник генерального штаба Морис Гамелен и польский военный министр Тадеуш Каспржицкий дополнили секретную военную конвенцию от 19 февраля 1921 г. протоколом, по которому Франция обязалась начать наступление против Германии в случае её нападения на Польшу на пятнадцатый день после объявления мобилизации. Стороны условились рассматривать «угрозу жизненным интересам» Польши в Данциге как агрессию против неё со всеми вытекающими последствиями. Добавлю, что после вступления Вермахта в Рейнскую область 7 марта 1936 г. Бек и Рыдз-Смиглы сообщили в Париж, что поддержат Францию, если та начнёт боевые действия. Французы поблагодарили, но воевать не

собирались, хотя в сентябре того же года заключили с Польшей соглашение о предоставлении ей военных кредитов.

Весна и лето 1939 г. расписаны историками по дням и часам, так что можно не повторяться и сразу переходить к финалу. 23 августа в Москве был подписан советско-германский пакт о ненападении, решивший судьбу Польши. Ответом стал заключённый в Лондоне два дня спустя англо-польский пакт о взаимопомощи, направленный против Германии, о чём прямо говорилось в приложенном к нему секретном протоколе. Аналогичное польско-французское соглашение датируется 4 сентября, когда война уже шла. Британский карт-бланш, выданный Беку в начале апреля, не предотвратил и не отсрочил европейский конфликт. Польские вожди отвергли и компромисс с Германией, согласившись только на британское посредничество, и сотрудничество с Москвой, попав под «перекрёстный огонь», предсказанный ещё во время Версаля.

Чем руководствовалась Варшава: уверенностью в своей непобедимости и в эффективной помощи англичан? Чем руководствовался Лондон: искал повод для удара по Германии? Париж следовал за Англией, хотя министр иностранных дел Боннэ до последнего пытался предотвратить новую войну. Пакты имели смысл только при возможности оказать Польше реальную военную помощь, ибо никакой договор не мог удержать Гитлера от присоединения Данцига и «коридора». Однако именно такую помощь союзники не могли (а по мнению поляков, и не хотели) оказать. Единственный вариант — атака на Германию на западе, которая заставила бы Рейх воевать на два фронта. Только после войны, из трофейных документов, стало ясно, что к такому варианту Берлин в 1939 г. не был готов.

30 августа Польша объявила всеобщую мобилизацию. Вечером того же дня Риббентроп зачитал британскому послу — по словам Гендерсона, быстро и невнятно; по словам переводчика Пауля Шмидта, медленно и с комментариями — «Предложения по урегулированию проблемы Данцигского коридора и вопроса о немецком

меньшинстве в Польше», или «16 пунктов», продиктованные Гитлером. В них не было ничего нового, кроме решения судьбы «коридора» и Верхней Силезии путём плебисцита. Германия требовала прислать в Берлин полномочного представителя для немедленных переговоров, но Польша ничего не предприняла — с одобрения британского посла Говарда Кеннарда, проявившего в эти дни удивительную пассивность¹. Бек сообщил ему, что сам в Берлин не поедет и не даст Липскому полномочий. «Нет никаких сомнений, — утверждал позже Риббентроп, — что Англия в оба последних дня августа имела возможность одним лишь кивком головы в Варшаве ликвидировать кризис, а тем самым устранить опасность войны. Для этого надо было всего лишь, чтобы Варшава уполномочила своего посла Липского принять для передачи польскому правительству германские предложения. Но именно этого и не произошло».

Вечером 31 августа «16 пунктов» прозвучали по берлинскому радио — для истории. «Опубликованием своих предложений, — оправдывался Риббентроп, — германское правительство ещё раз дало Польше возможность согласиться на обещанные переговоры. События ещё могли быть скорректированы, если бы польское правительство подхватило брошенный ему мяч и по радио выразило своё положительное отношение. Действительно, варшавская радиостанция ответила ещё 31 августа в 23 часа. Но этот ответ говорил лишь о германском «бесстыдном предложении» и с возмущением отвергал переговоры». Варшава вынесла вердикт: «Слова более не могут скрыть агрессивные планы новых гуннов. Германия стремится господствовать в Европе и подавлять права народов с неслыханным доселе цинизмом».

¹ Некоторые историки считают, что британский министр иностранных дел лорд Галифакс и посол Кеннард весной и летом 1939 г. сознательно провоцировали германо-польскую войну. Это утверждение слишком категорично, хотя надо признать, что английская дипломатия не способствовала мирному разрешению конфликта.

1 сентября Берлин показал, что не блефует. На рассвете Вермахт ворвался в Польшу (намеченное на 26 августа вторжение было отменено в последний момент из-за новостей об англо-польском договоре), а через несколько часов Гитлер выступил в Рейхстаге. В Лондоне и Париже тоже не блефовали. Послы Невиль Гендерсон и Робер Кулондр зачитали Риббентропу послания своих правительств, звучавшие как ультиматум, но без срока действия: немедленно остановите агрессию против Польши, или мы вступим в войну. Утром 3 сентября они же представили формальные ультиматумы. Получив отрицательный ответ, Англия и Франция объявили Германии войну.

Гафенку, один из умнейших европейских дипломатов, которого нельзя заподозрить в симпатиях к нацистам, пришёл к выводу, что «подлинная ответственность ложится на Польшу. Бек сделал всё, чтобы вызвать всеобщее раздражение, и его дипломатические действия умышленно имели негативное значение. Жёсткость, резкость и более всего гордость привели к тому, что он с преступным упрямством подыгрывал Германии». «Любой историк, внимательно прочитав английскую «Белую книгу» (сборник документов о предвоенных событиях. — В. М.), — писал 15 мая 1940 г. Френсис Нейлсон, бывший депутат британского парламента, отказавшийся от мандата в знак протеста против вступления его страны в Первую мировую войну, — назовёт Бека величайшим идиотом, когда-либо занимавшим официальный пост. Он должен нести всю ответственность за крах Польши». Апологеты Бека напоминают, что его как дипломата высоко оценил в послевоенных мемуарах французский посол в Варшаве Леон Ноэль. Однако тот же самый Ноэль в 1936 г. прилагал усилия к смещению Бека, уговаривая Париж сделать условием большого военного кредита Польше замену министра иностранных дел на менее «прогерманскую» фигуру.

Несмотря на героическое сопротивление Польша, считавшаяся сильной военной державой, за две с половиной

недели рухнула как карточный домик. В передовой статье¹ «Правды» от 14 сентября «О внутренних причинах поражения Польши» говорилось: «Трудно объяснить такое быстрое поражение одним лишь превосходством военной техники и военной организации Германии и отсутствием эффективной помощи Польше со стороны Англии и Франции. Все данные о положении в Польше говорят о том, что польское государство оказалось настолько немоощным и недееспособным, что при первых же военных неудачах стало рассыпаться. Национальная политика правящих кругов Польши характеризуется подавлением и угнетением национальных меньшинств. Национальные меньшинства Польши не стали и не могли стать надёжным оплотом государственного режима. Многонациональное государство, не скреплённое узами дружбы и равенства населяющих его народов, а, наоборот, основанное на угнетении и неравноправии национальных меньшинств, не может представлять крепкой военной силы. В этом корень слабости польского государства и внутренняя причина его военного поражения».

Для Москвы эта слабость не была секретом. В апреле 1938 г. заместитель наркома иностранных дел Борис Стомоняков информировал полпреда² в Китае Ивана Луганца-Орельского: «Ни одна страна в Европе не имеет в настоящее время такого неустойчивого внутреннего положения, как Польша. В этой ситуации вовлечение Польши в военные авантюры могло бы привести к революционным восстаниям и развалу этого государства».

После разгрома и оккупации Польши немецкие территории, переданные ей в Версале, вошли в состав Третьего рейха. В 1945 г. они снова стали польскими, причём к ним

¹ Текст готовили В. М. Молотов и А. А. Жданов; местами он почти дословно совпадает с речью Молотова по радио 17 сентября по случаю вступления советских войск в Польшу.

² Сокращение от «полномочный представитель». Так до мая 1941 г. именовались все главы советских дипломатических представительств за рубежом.

прибавились земли, которые Версальский «мир» оставил Германии — в качестве компенсации за Западную Украину и Западную Белоруссию, включённые осенью 1939 г. в состав СССР. Новая германо-польская граница по рекам Одер и Нейссе была в 1950 г. признана Германской Демократической Республикой, а в ноябре 1990 г. — Объединённой Федеративной Республикой Германией. Чтобы не допустить новой ирреденты, немцев сразу после Второй мировой войны выселили с этих территорий. Ещё 15 декабря 1944 г. британский премьер-министр Уинстон Черчилль назвал изгнание национальных меньшинств наиболее удовлетворительным и целесообразным решением. Как говорится, «нет человека — нет проблемы».

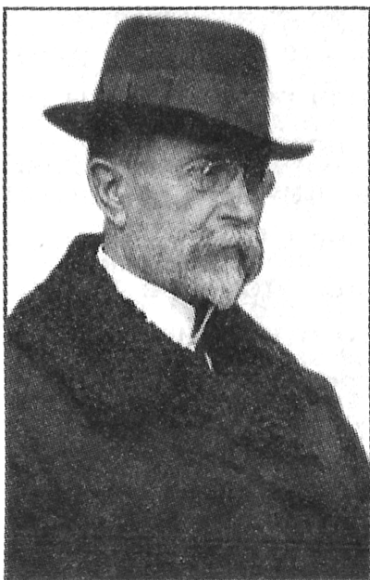
Сегодня Варшава считает себя наследницей Второй Речи Посполитой, Польской республики 1918—1939 гг., и дистанцируется от социалистической Польской Народной Республики. Избранный в 1990 г. президентом Лех Валенса пригласил на инаугурацию не своего предшественника Войцеха Ярузельского, а лондонского «президента в изгнании» Рышарда Качоровского (погиб в авиакатастрофе под Смоленском 10 апреля 2010 г. вместе с высшим руководством Польши), от которого принял регалии главы государства. В этом качестве Варшава претендует на статус «первой жертвы гитлеровской агрессии» и предъявляет претензии к России — правопреемнице СССР — за «пакт Молотова—Риббентропа». Однако при этом она должна нести ответственность за то, от чего отреклась социалистическая Польша, — за агрессивные действия Пилсудского, преследования национальных меньшинств и авантюристическую политику Бека сотоварищи, которые толкали страну и всю Европу к новой мировой войне.

У Польши была своя «ирредента» — Тешинская область, которую осенью 1918 г. заняли чешские войска. Она двадцать лет оставалась камнем преткновения между Варшавой и Прагой, пока поляки не решили проблему в духе Третьего рейха и одновременно с ним. Этот сюжет мы рассмотрим в следующей главе.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Пороховой погреб: Чехословакия

Чехословацкая республика (ЧСР), которую лорд Ротермир в 1927 г. назвал «пороховым погребом Европы», появилась на свет при необычных обстоятельствах. 30 мая 1918 г. в американском городе Питтсбург группа представителей чешской и словацкой эмиграции, в том числе имевших американское гражданство, подписала соглашение об образовании нового государства Чехо-Словакия¹. Идеолог чешского национального движения Томаш Масарик смог привлечь на свою сторону Вильсона, на память цитируя страницы сочинений американского президента и говоря, что за всю свою жизнь не читал ничего более глубокого и мудрого. «Апостол мира» стал горячим сторонником единства чехов и словаков, хотя и путал последних со словенцами — одним из народов будущей Югославии.

Томаш Масарик

Питтсбургское соглашение сравнивают с Декларацией независимости США, хотя многие сомневались, что подписавшие имеют право говорить от имени целых народов. Летом 1918 г. Чехословацкий национальный совет во главе с Масариком и Эдуардом Бенешем, созданный в Париже в феврале 1916 г., был признан США, Великобританией и Францией как будущее правительство союзной державы, а осенью — как правительство де-

¹ До принятия конституции ЧСР 29 февраля 1920 г. официальное название страны обычно писалось через дефис. Это написание было восстановлено в октябре 1938 г. и использовалось до нацистской оккупации в марте 1939 г.

факто. Формальное провозглашение независимости ЧСР состоялось 18 октября в Филадельфии и десять дней спустя в Праге.

После распада империи Габсбургов существование Чехословакии стало реальностью. Новому государству осталось получить международно признанные границы. Но вместе с границами, определёнными в «мирных» договорах, ЧСР получила германскую, венгерскую, украинскую и польскую ирреденту, существование которой — вкупе с неравноправием чехов и словаков — взорвало государство изнутри и привело к его исчезновению с карты Европы. Восстановленная в 1945 г. Чехословакия вторично прекратила своё существование в 1992 г., распавшись на Чехию и Словакию. Это послужило окончательным доказательством нежизнеспособности её «версальских границ», которые, по замечанию Б. де Колонны, «не были оправданы ни исторически, ни географически, будучи результатом произвольной демаркации».

Германия признаёт, как это уже сделали Союзные и объединившиеся державы, полную независимость Чехо-Словацкого (так везде в Версальском договоре. — *В. М.*) государства, которое включит в себя автономную территорию русин к югу от Карпат. Она заявляет о согласии на границы этого государства, как они будут определены главными Союзными и объединившимися государствами.

* * *

Граница между Германией и Чехо-Словацким государством будет определяться бывшей границей между Австро-Венгрией и Германской империей, как она существовала к 3 августа 1914 г.

* * *

Германия отказывается в пользу Чехо-Словацкого государства от всех своих прав и правооснований на часть Силезской территории (следует детальное описание. — *В. М.*).

(*Версаль, 81—83*)

Австрия признаёт, как это уже сделали Союзные и объединившиеся державы, полную независимость Че-

хословацкого государства, которое включит в себя автономную территорию русин к югу от Карпат.

* * *

Австрия отказывается, поскольку то её касается, в пользу Чехословацкого государства от всяких прав и правооснований на территории бывшей австро-венгерской монархии, расположенные по ту сторону границы Австрии, как они установлены в статье 27 (где дано детальное описание. — *В. М.*) и признаны в соответствии с настоящим договором как входящие в состав Чехословацкого государства.

(Сен-Жермен, 53—54)

Услышав о трёх с половиной миллионах немцев, ставших гражданами ЧСР, Вильсон растерянно произнёс: «Масарик никогда не говорил мне об этом». Сведения о национальном составе «версальской» Чехословакии варьируются, но в целом показывают одну и ту же картину. Примем официальные пражские данные: 51 % чехов, 16 % словаков, более 22 % немцев, 5 % венгров, 2 % русинов (называвшихся также карпаторуссами), 4 % поляков, евреев и цыган. Чехи, де-факто получившие статус титульной нации, составляли не более половины населения страны. Британский дипломат Гарольд Никольсон, участвовавший в проведении её границ, 7 марта 1919 г. записал в дневнике: «Меня волнует будущее политическое состояние чешского государства: удастся ли ему переварить блок враждебных избирателей плюс своего рода ирландцев в лице словаков, плюс всякого рода красных в лице украинцев, не говоря уже о своих собственных и крайних социалистах?»

5 февраля перед синклитом победителей предстал златоуст Бенеш. Чехословакия, говорил он, «сражалась не за обладание территорией, но за те же принципы, что и союзные государства», добавив: «Чехи глубоко верили, что защищают демократию от германизма и что постоянная борьба с немцами — их долг». Масарик называл этот идеал «не-немецкой, анти-немецкой, европейской Центральной Европой» в противоположность концепции Средней Европы (*Mittleuropa*) с немецким доминированием, которая была популярна в Германии.

«Когда Бенеш требовал, — вспоминал Ллойд Джордж, — включения в состав Чехословацкой республики населения, которое по принципу самоопределения народов предпочло бы присоединиться к другому государству, он оставлял факты в стороне или преуменьшал их значение». «Наиболее сильным доводом в пользу чехов была экономическая сторона вопроса», — признал бывший британский премьер, пояснив: «Богемия была самой развитой индустриальной областью Австро-Венгрии». Если немцы составляли 22—23 % населения ЧСР, то доля районов их компактного проживания в хозяйстве страны доходила до 40 %.

Здесь необходимо пояснение. Понятия «Богемия» и «Чехия» были синонимами: первое, более древнее, имело латинское происхождение и служило официальным названием данной территории в составе империи Габсбургов с 1526 г.; второе — славянское. Территорию современной Чешской Республики составляют три исторические области: Чехия (Богемия), Моравия и Чешская Силезия (известна также как Судетская, или Моравская, Силезия), население которых с древних времён было смешанным. Историческая Чехия с 962 по 1806 г. входила в состав Священной Римской империи германской нации, оставшись под скипетром Габсбургов и после её распада.

29—30 октября 1918 г., сразу после провозглашения ЧСР в Праге, представители немецкого населения объявили о создании самостоятельных провинций Немецкая Богемия и Судетская земля в составе Австрийской Республики. Обе просуществовали всего полтора месяца и к середине декабря были оккупированы чехословацкими войсками. Митинги, организованные немцами 4 марта 1919 г., в день открытия Национального собрания Австрии, были разогнаны силой. С учётом того, на чьей стороне были победители, ни Вена, ни Берлин не могли прийти им на помощь. Ещё 16 декабря 1918 г. Масарик подвёл итог: «Районы, где немцы перемешаны с нашим народом, являются нашей территорией и останутся нашими». Позже он откровенно сказал: «Мы никогда не позво-

лим нашему этнически смешанному северу отделиться. Немцам придётся удовлетвориться самоопределением второго сорта».

Против новых границ выступила Австрия. 7 июня 1919 г. министр иностранных дел Бауэр заявил в Национальном собрании:

«Десять миллионов немцев жили в бывшей Австрии на одной территории с другими народами. Когда прежняя Австрия рухнула и на развалинах Австро-Венгерской монархии выросла молодая республика, мы намеревались объединить эти 10 миллионов немцев в нашем новом государстве. Но условия мира, которые теперь нам навязывают, отрывают от нашей республики немецкие земли, где живёт более 4 миллионов немцев¹. Не менее двух пятых нашего народа окажется под иноземной властью без всякого плебисцита и вопреки их неоспоримой воле. Они лишены, таким образом, права на самоопределение. Но победители не считают себя более связанными теми демократическими принципами, которые они провозглашали до того, как достигли успеха».

Штресеман ничего подобного не говорил, потому что мыслил масштабами империи Гогенцоллернов даже после её распада. Слова Бауэра похожи на слова другого австрийца — Адольфа Гитлера, хотя мало кто ненавидел социал-демократов так, как он. Продолжим цитату:

«Чехи, немцы, словаки, венгры, поляки, украинцы — разве это не новая Австрия (т. е. Австро-Венгрия. — *В. М.*), возникающая теперь под чешским стягом, новое многоязычное государство, в котором окажутся стиснуты шесть национальностей, преисполненных ненависти друг к другу. Их экономическое и социальное развитие, весь прогресс их цивилизации будет скован взаимной нена-

¹ Включая переданные Италии части провинций Крайна и Каринтия, Кюстенланд (Австрийское Приморье) и Южный Тироль (Сен-Жермен, 27, 36). В 1939 г. Германия окончательно отказалась от претензий на Южный Тироль, вопреки желанию проживавших там немцев.

вистью и национальными распрями, а распри будут разжигаться тиранией, отравляющей всю государственную и общественную жизнь страны! В своём падении старое многоязычное государство увлекло в гибельную стремнину весь мир. Не вовлечёт ли падение нового многоязычного государства, которое в конечном счёте обречено на уничтожение в результате стремления наций к свободе, в новое бедствие весь континент?»

«Подчинённая нация никогда не примирится с таким господством, — говорилось в петиции судетских немцев, представленной 15 июня 1919 г. «мирной» конференции, — а нация господствующая (чехи. — *В. М.*) никогда не справится с ставшей перед ней задачей. Обе они обречены на губительную борьбу друг с другом». Можно отвергнуть эти аргументы как исходящие от немцев, но трудно не согласиться с Ллойд Джорджем, который в 1938 г. назвал Чехословакию «плохо спаянным государством, в которое были включены сотни тысяч протестующих мадьяр и несколько миллионов озлобленных немцев. Чем больше они озлоблялись, — продолжал экс-премьер, — тем меньше с ними считалось чешское правительство. Отсюда и теперешние затруднения». «Затруднения», о которых он говорил, — Судетский кризис, закончившийся крахом «версальской» Чехословакии.

Британский политик и газетный магнат лорд Ротермир, в годы войны пропагандировавший создание чехословацкого государства, писал 12 февраля 1937 г. в статье «Пленники Чехо-Словакии»¹: «В этой жизни за многие ошибки надо платить. Ошибка, выразившаяся в создании искусственного и фальшивого государства, именуемого Чехо-Словакией, может стоить Европе новой войны. Из всех опрометчивых решений, принятых «миротворцами» в Париже, это худшее. Однако наихудший грабёж в истории дипломатии так и прошёл незамеченным. Чехи и про-чешские интриганы легко обыграли делегатов конферен-

¹ Так в оригинале.

Андрей Глинка

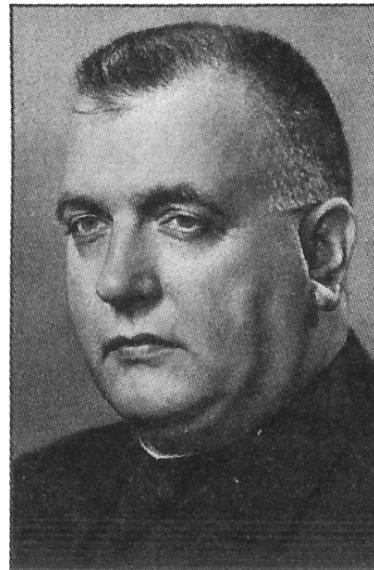
ции. Тёплая компания предприимчивых «экспертов на час» забросала их односторонними меморандумами, протоколами, резюме, проектами и картами. В результате они навязали им решение исключительно в интересах чехов».

Рассмотрим эти проблемы по очереди, начиная со словацкого вопроса.

Знаменем словацких патриотов стал католический священник Андрей Глинка, лидер созданной в 1906 г. Словацкой народной партии. Ещё до Первой мировой войны он отсидел за свою деятельность два года в венгерской тюрьме (Словакия входила в венгерскую часть Австро-Венгрии). Глинка поддержал Питтсбургское соглашение, по которому Словакия должна была стать автономной частью нового государства с собственным парламентом, администрацией, судебной системой и словацким языком в качестве официального. Он был среди инициаторов Мартинской декларации о вхождении на правах автономии в новое чехословацкое государство, принятой 30 октября 1918 г. Словацким национальным советом. Тогда Глинка заявил: «Нам нужно окончательно решить, будем ли мы жить с венграми или с чехами. Поскольку этого вопроса не избежать, заявим во всеуслышание, что мы за чехословацкую ориентацию. Тысячелетний брак с венграми оказался неудачным. Мы должны расторгнуть его».

Ко времени «мирной» конференции стало ясно, что Масарик и Бенеш не спешат с выполнением обещаний. Глинку попытались не пустить в Париж и даже не выпустить из страны, но он добрался до французской столицы нелегально и кружным путём, найдя приют в католическом монастыре. Имея при себе письмо от министра обороны Милана Штефаника, получившего генеральский чин

во французской армии и погибшего 4 мая 1919 г. при загадочных обстоятельствах, за которыми современники подозревали руку Бенеша, Глинка хотел встретиться с Вильсоном и напомнить ему о праве наций на самоопределение, но был вынужден довольствоваться общением с одним из его помощников. Полиция проявила бдительность, выследив священника и выслав его из Франции. Бенеш решительно выступил против обсуждения вопроса о независимости Словакии. Его поддержал Тардьё, призвавший не плодить далёкие от европейской культуры государства с сомнительной способностью к самоуправлению.

Йозеф Тисо

По возвращении домой Глинка оказался в тюрьме и вышел на свободу в 1920 г., когда был избран депутатом чехословацкого парламента. Сплотившаяся вокруг него партия, которая с 1925 г. стала называться Глинкова словацкая народная партия или просто «глинковцы», легальными методами вела борьбу за автономию. В 1927—1929 гг. её представители входили в правящую коалицию, а священник Йозеф Тисо был министром здравоохранения и спорта. Радикальное крыло партии выступало за государственную независимость, что вызвало репрессии: его лидер профессор Войтех Тука провёл восемь лет за решёткой как «венгерский шпион». Словацкие лидеры действительно искали помощи в Польше (по «католической линии») и в Венгрии, играя на конфликтах этих стран с ЧСР. Глинка, помнивший венгерскую тюрьму, негативно относился к сотрудничеству с Будапештом, подозревая его в экспансионистских настроениях, но контактировал с поляками и со словацкой диаспорой в США, представители которой — к неудовольствию Праги — весной 1938 г. преподнесли ему оригинал Питтсбургского соглашения.

Войтех Тука

Далеко не все словаки были глинковцами, но многие солидаризовались с их манифестом: «Мы испокон веков были словацким народом, им мы и хотим оставаться. Мы заявляем, что никогда не будем чехословаками, ибо чехословацкого народа не существует». Именно за такие высказывания чешские и советские пропагандисты называли Глинку «фашистом». После Второй мировой войны Тисо и Тука были казнены как «государствен-

ные изменники»: первый был президентом, второй — премьер-министром формально независимой Словакии, существовавшей под «покровительством», т. е. контролем, Третьего рейха. В 2007 г. 16 % участников национального опроса общественного мнения в Словакии положительно оценили деятельность Тисо (Тука не вызывает симпатий как нацист и юдофоб), 48 % — отрицательно. Историк Я. Я. Гришин сделал вывод:

«Чехословацкое правительство не вело умелой политики в отношении национальных меньшинств. Что хуже, идеологической основой ЧСР в соответствии с Конституцией 1920 г. была фикция несуществующего «единого чехословацкого народа». Игнорировалась самобытность словацкой нации. На практике внедрялось превосходство чешского элемента, к недовольству большинства словаков, которые вместо чувства совладельца государства (в соответствии с названием) ощущали себя гражданами второго сорта. Чешский капитал эксплуатировал Словакию экономически, а требования политического равноправия, выдвигаемые словацкими сепаратистами, юридически преследовались.

Близорукая политика Праги привела к тому, что против чехословацкого государства выступали не только немцы, но и другие национальные меньшинства: венгры, по-

ляки (по крайней мере значительная часть их представителей), закарпатские украинцы, которым не было дано конституционно гарантированной автономии. Большинство словаков чехи также оттолкнули от идеи жить в одном государстве. Таким образом, едва половина либо чуть более населения ЧСР встала на защиту своего государства, в то время как другая половина занимала уже весной 1938 г. негативную позицию».

Конрад Генлейн

В середине 1930-х гг. пользовался популярностью такой анекдот. Иностранный дипломат спрашивает коллегу из Праги: «Ваша страна называется Чехословакия. Скажите, президент Бенеш — чехословак?» — «Нет, он чех». «А премьер Годжа¹ — чехословак?» — «Нет, он словак». — «Так кто же чехословак?» После некоторого раздумья дипломат из Праги говорит: «Есть у нас господин Генлейн. Вот, наверно, он — чехословак».

Конрад Генлейн был лидером судетских немцев. Но кто такие судетские немцы? В отечественной науке эта тема долгое время была запретной, пока в 2000 г. историк С. В. Кретинин не выпустил книгу «Судетские немцы: народ без родины. 1918—1945 гг.» (тираж, увы, 500 экземпляров). Воспользуемся результатами его исследования, которое я рекомендую прочитать целиком.

Термин «судетские немцы» появился в начале XX в. и вошёл в широкое употребление после Первой мировой войны. Их также называли «богемскими немцами», чтобы отличать, с одной стороны, от австрийских (или альпийских) немцев, а с другой — от карпатских, проживавших в Закарпатье и Словакии. Последние жили в небольших

¹ Милан Годжа 5 ноября 1935 г. стал первым словаком во главе правительства ЧСР.

анклавах, где не было единой системы образования на немецком языке, и привыкли к роли национального меньшинства, а потому к моменту провозглашения ЧСР почти утратили связь с исторической родиной и национальную самоидентификацию. Напротив, судетские немцы много столетий компактно проживали на своей земле и не считали себя *меньшинством*. «Как по численности, так и по значимости, — отметил С. В. Кретинин, — судетские немцы с полным правом могли называться «вторым народом в государстве». Однако на деле они были вынуждены мириться с второстепенной ролью».

Масарик и Бенеш сумели создать себе в западных столицах, от Парижа до Вашингтона, имидж демократов, а Чехословакии — репутацию одной из самых свободных стран Европы. Прага охотно принимала политических эмигрантов из Советской России, «пилсудской» Польши и нацистской Германии и не чинила препятствий их деятельности на своей территории, что, конечно, не улучшало отношений с соседями. Преследования своих несогласных на основании принятого в марте 1923 г. Закона об охране республики замалчивались. Полковник Бек, которого трудно назвать поборником политических свобод, писал: «Слишком хорошо известно, что либерализм был не более чем фасадом и что на деле Чехословакия была классическим полицейским государством».

Много спорили, какое из меньшинств подвергалось в ЧСР наибольшему притеснению. Не берусь судить однозначно, но политика «чехизации» во всех случаях была примерно одинакова и напоминала действия поляков в Верхней Силезии: конфискация «излишков земли» у представителей меньшинств, выдавливание их из бизнеса, массовые увольнения рабочих и служащих по национальному признаку, закрытие школ, введение ограничений на использование своего языка, преследование общественных организаций и религиозных общин — в сочетании с поощрением «освоения» этих земель «титულიйской нацией» и введением её языка в качестве единственного официального. Это противоречило договорам о защите прав мень-

шинств, поэтому правительства обеих стран отрицали, что ведут дискриминационную политику, одновременно закрывая глаза на действия местных властей. В работе С. В. Кретинина собран обширный материал по данному вопросу, который можно дополнить страницами книги Я. Я. Гришина о преследовании польского меньшинства в Чехословакии. Среди чехов против такой политики выступали только коммунисты.

Политический мир судетских немцев характеризовался пестротой — от коммунистов до крайних националистов — и неспособностью объединиться по этническому или этнокультурному признаку, что мешало им добиваться пропорционального участия в управлении страной и влиять на политику в общенациональном масштабе. Даже после прихода нацистов к власти в Германии, всколыхнувшего чувства немцев за её пределами, в Судетах объединительные тенденции оказались не слишком сильны. В начале 1933 г. деятельность немецких националистов и национал-социалистов в ЧСР была запрещена как экстремистская, а многие активисты оказались под арестом. Однако это привело совсем не к тем последствиям, на которые рассчитывали в Праге.

«Запретив партии, которые ориентировались в своей деятельности на Германию, — пишет С. В. Кретинин, — ограничив пропагандистское воздействие со стороны этого государства (в частности, в мае 1933 г. был наложен запрет на приём радиосигнала из Германии), правящие круги ЧСР спровоцировали рост напряжённости в чешско-немецких отношениях. Это создало благоприятную ситуацию для возрождения и развития правонационалистических настроений среди судетских немцев». Итогом стало создание 1 октября 1933 г. Судето-немецкого отечественного фронта, преобразованного в 1935 г. в Судето-немецкую партию (СНП). Ее возглавил учитель физкультуры Конрад Генлейн, сын немца и чешки. Этому совершенно обычному человеку было суждено сыграть важную роль в европейской истории XX в. Как и почему это получилось? Дадим слово исследователю:

«Резкому взлёту Генлейна способствовали его личные качества. Он не принадлежал ни к аристократии, ни к пролетарским слоям, был типичным представителем среднего слоя. Генлейн получил хорошее образование, но не претендовал на роль интеллектуала. Выходец из простой семьи, он легко находил общий язык с обычными людьми, в том числе с рабочими, которым импонировали его искренность и доступность. Хороший оратор, Генлейн говорил просто и чётко. Он был «человеком из толпы», средним, даже невзрачным, внешне ничем не выделявшимся, что импонировало многим судетским немцам, видевшим в нём ровню, «своего парня». Генлейн не стремился в политику, ему был чужд карьеризм. Но он любил славу, почитание; ему нравилось находиться в центре внимания, выступать в роли спасителя, мессии. Причины взлёта Генлейна состояли и в том, что это был хорошо известный и популярный среди судетских немцев человек, в то же время не запятнавший себя ни связями с чехословацкими правящими кругами, ни участием в национал-социалистическом движении (до 1933 г. — *В. М.*). Это делало кандидатуру Генлейна удобной в качестве судето-немецкого лидера, консолидирующей фигуры».

Поначалу генлейновцы, как их вскоре стали называть, демонстрировали законопослушность, готовность к компромиссам и не исключали возможность участия в правительстве, отрицая при этом связь с нацистами, чтобы привлечь на свою сторону остальные судето-немецкие силы, кроме социал-демократов и коммунистов. После выборов 19 мая 1935 г., на которые СНП шла под лозунгом объединения всех немцев¹ и борьбы за их права, она стала крупнейшей оппозиционной партией в чехословацком парламенте и начала искать поддержку за границей, причём не только в Германии, но и в Англии, где всегда находились желающие поддержать «право наций на самоопределение». «У меня, как и у всего нашего народа, — недо-

¹ Ее поддержала Карпато-немецкая партия, действовавшая в Словакии и Закарпатье.

вольно заметил чехословацкий посланник в Лондоне Ян Маса-рик, сын первого президента ЧСР, министру иностранных дел Галифаксу 12 марта 1938 г., — сложилось впечатление, что вы всегда поддерживаете Генлейна, был ли он прав или не прав, и мы это тяжело переживаем». Однако не все судетские немцы были на его стороне, а так называемые «активисты» выступали за сотрудничество с Прагой под лозунгом «за демократию, против фашизма».

Ян Масарик

Аншлюс Австрии в марте 1938 г. вызвал всплеск активности судетских немцев и одновременно антинемецких настроений среди чехов. 28—29 марта Гитлер и Риббентроп инструктировали Генлейна насчёт требований к Праге. 24 апреля судетский «фюрер» огласил их на партийном съезде в Карлсбаде (ныне Карловы Вары), поэтому они известны как «карлсбадская программа»:

- 1) полное равноправие немецкого и чешского народов;
- 2) признание судето-немецкой этнической группы юридическим лицом и соблюдение её соответствующего положения в государстве;
- 3) определение границ и признание области проживания немцев в ЧСР;
- 4) создание судето-немецкого самоуправления во всех областях общественной жизни там, где это отвечает интересам и положению немецкой этнической группы;
- 5) законодательная гарантия защиты прав граждан немецкой национальности, проживающих вне судето-немецкой области;
- 6) устранение несправедливости, допущенной в отношении судетских немцев в 1918 г., и компенсация понесённого ими вследствие этого ущерба;

- 7) признание и претворение в жизнь основополагающего принципа: немецкие чиновники на немецкой территории;
- 8) полная свобода для немецкой культуры и немецкого (т. е. нацистского. — *В. М.*) мировоззрения.

Проблема вышла на международный уровень. В разговоре с британским послом Риббентроп назвал приведённые требования «разумными и умеренными» и говорил о них как об «основе для переговоров, не квалифицируя их при этом как минимальные». Гендерсон передал это чехословацкому посланнику в Берлине Войтеху Мастному и посоветовал серьёзно отнестись к сказанному, считая, что, сделав уступки, можно обойтись без кровопролития. 28—29 апреля проблему рассматривали правительства Англии и Франции. «Нужно убедить Бенеша, что условия, при которых создавалась Чехословакия, сейчас радикально изменились», — сказал премьер Чемберлен главе французского МИД Боннэ. Прага обещала некие уступки, но категорически отказалась рассматривать вопрос об автономии Судетской области, не говоря уже о переустройстве страны на началах федерации. 7 мая британский посланник сэр Бэзил Ньютон обратил внимание чехословацкого министра иностранных дел Камиля Крофты «на серьёзную опасность войны в Средней Европе и на желательность избежать её в интересах всей Европы», пояснив, что «Англия в данное время не может вести европейскую войну». «Чехословакия будет оккупирована значительно раньше, чем получит помощь или чем разгорится общая европейская война», — выразительно сказал Ньютон. Воздержавшись от конкретных советов, которые могли быть расценены как вмешательство во внутренние дела, он всё же заметил: «Чехословакия должна привыкнуть к мысли о том, что она является не национальной страной, а страной национальностей». Но именно эта мысль была враждебна правящим кругам Праги. Французский посланник присоединился к этому заявлению, о чём было сразу же доведено до сведения Берлина.

12—14 мая Генлейн в очередной раз побывал в Англии, где встречался с главным дипломатическим советником МИД Ванситтартом и депутатами Синклером и Черчиллем (все трое были известными германофобами). «В Лондоне Генлейн изложил английским политикам свои требования более трезво, чем дома», — сделал вывод Крофта. 17 мая правительство ЧСР начало переговоры с судетскими немцами, но уже через два дня они прервались из-за слухов, оказавшихся ложными, о выдвижении Вермахта к границе. Поддержанная Францией, Прага в ночь с 20 на 21 мая объявила частичную мобилизацию, объяснив её необходимостью обеспечить порядок во время местных выборов, в том числе в Судетской области. Бенеш рассчитывал, что они лишат генлейновцев поддержки, но те получили 92,6 % голосов немецкого населения. После предупреждения о том, что в случае германской агрессии против ЧСР и выступления Франции на её стороне Англия «не может гарантировать, что обстоятельства не вынудят её вмешаться», Гитлер не пошёл на эскалацию конфликта, но 28 мая приказал разработать план кампании против Чехословакии. 30 мая — в двадцатую годовщину Питтсбургского соглашения — глинковцы категорически потребовали автономии для Словакии.

Европейские события лета-осени 1938 г., равно как и лета 1939 г., многократно описаны, поэтому ограничимся основными фактами. В конце июля лидеры судетских немцев в очередной раз встречались с Гитлером. 3 августа в ЧСР прибыла «независимая посредническая миссия» во главе с лордом Ренсименом, пытавшаяся примирить стороны и предложившая несколько компромиссных планов, включая плебисцит в районах смешанного проживания. «Бенеш ответил, что для него плебисцит — это война», — передал в Москву 7 сентября советский полпред Сергей Александровский содержание своего разговора с президентом. Судетские немцы отвергали любой вариант, исключаящий широкую автономию, — имея в виду перспективу аншлюса. 13 сентября, через день после античешской речи Гитлера на закрытии партийного съезда

в Нюрнберге, генлейновцы под лозунгом «Мы хотим домой в Рейх» призвали к открытому неповиновению, но их выступления были подавлены, а партия запрещена. 15 сентября Ренсимен уехал, а к Гитлеру в Берхтесгаден неожиданно прилетел Чемберлен с предложением созвать конференцию с участием Англии, Франции, Италии, Германии и Чехословакии.

19 сентября Лондон и Париж призвали Прагу передать Германии все районы, в которых немцы составляют более половины населения. 20 сентября Бенеш отказался, указав, что ЧСР является демократическим государством и такое решение может принять только парламент. Англия и Франция сразу же ответили, что в таком случае не смогут помочь Чехословакии, которой придётся «нести ответственность за развязывание войны». 22 сентября Бенеш принял отставку кабинета Годжи, которого через три дня сменил одноглазый генерал Ян Сыровы, гордившийся внешним сходством с героем чешского народа Яном Жижкой. Бравый генерал, командовавший чехословацкими легионерами в России в годы Гражданской войны, был готов к организации вооружённого сопротивления, но политики решили по-другому. 22 сентября во время встречи с Чемберленом Гитлер потребовал от Праги не только «возвращения» к 1 октября немецких земель, которые показал на карте, но и удовлетворения территориальных претензий Польши и Венгрии. 23 сентября Чехословакия объявила всеобщую мобилизацию, и в Судетской области начались вооружённые столкновения. 26 сентября Гитлер публично повторил свои требования. Тогда по подсказке из Берлина итальянский премьер Муссолини призвал Гитлера, Чемберлена и главу французского правительства Эдуарда Даладье за стол переговоров.

Мюнхенское соглашение¹, подписанное «четвёркой»

¹ Истории этого соглашения посвящена обширная литература на многих языках, включая русский, однако почти вся она имеет тенденциозный характер. С «антимюнхенской» версией можно ознакомиться, например, в книгах Вацлава Крала «План Зет» (М., 1978) и «Дни, которые потрясли Чехословакию» (М., 1980).

29 сентября, предусматривало поэтапную передачу Чехословакией Германии судето-немецких районов с 1 по 10 октября. Комиссия из представителей четырёх держав и ЧСР получила право провести плебисцит по образцу саарского в спорных районах и окончательно установить границы, но эти положения остались на бумаге. В итоге ЧСР уступила около 29 тыс. кв. км с населением 3,4 млн человек (включая примерно 300 тыс. чехов), но на её территории осталось ещё около 400 тыс. немцев, в основном в Словакии и Закарпатской Украине. Праге давалось три месяца для разрешения проблем польского и венгерского меньшинств, но Франция добилась того, что в Мюнхене они не рассматривались. На следующий день глава МИД Крофта от имени Бенеша ответил: «Мы подчиняемся решениям, принятым в Мюнхене без нас и против нас».

Если отвлечься от риторики о «сговоре» и «предательстве», то что же произошло по существу? По существу главные Союзные и объединившиеся державы, за исключением США и Японии, исправили несколько положений договоров, которые сами разработали; Вашингтон и Токио одобрили эти решения. «Как отметил мой distinguished friend¹ министр иностранных дел, — заявил Чемберлен в Палате общин 1 ноября 1938 г., — мы сейчас являемся свидетелями исправления границ, проведённых в Версале. Я не знаю, думали ли те господа, которые отвечали за них, что эти границы навек останутся такими, какими они их провели. Я очень сомневаюсь, что они так думали. Вероятно, они полагали, что время от времени границы придётся исправлять. Вопрос не в том, должны ли границы время от времени исправляться, а в том, делается это путём переговоров и обсуждения или путём войны».

Обличители «мюнхенского сговора» напоминают, что чехов поставили перед фактом, не допустив к обсуждению судьбы их страны. Ещё 19 сентября посланник Масарик

¹ Официальная форма упоминания другого депутата в британском парламенте вне зависимости от его партийной принадлежности и тем более личных отношений с оратором.

телеграфировал из Лондона: «Тот факт, что с нами вообще не говорили, является беспрецедентной в международных отношениях жёсткостью». Сын первого президента ЧСР ошибся, потому что именно так поступили победители с побеждёнными в Версале. Как отметил Нитти за 15 лет до Мюнхена, «в новейшей истории навсегда сохранится ужасный прецедент, что, вопреки всем традициям и обязательствам, германские представители не были выслушаны и что их лишь пригласили подписать готовый договор».

Мюнхенское соглашение принято клеймить позором как «умиротворение агрессора», однако в момент его подписания явно преобладали положительные оценки. Оно соответствовало воле абсолютного большинства судебных немцев, положение которых значительно улучшилось после «воссоединения» с Рейхом. Если бы соглашение не состоялось, война в Европе началась бы на год раньше и принесла бы большие жертвы, чем кампании 1939—1940 гг., так как ни одной из сторон не был гарантирован быстрый и однозначный успех. К такому заключению приходят историки, придерживающиеся прямо противоположных взглядов.

Обличитель «умиротворителей» В. Я. Сиполс писал: «Если бы СССР в одиночку пришёл на помощь Чехословакии, то он оказался бы в состоянии войны не только с Германией, а чуть ли не со всем остальным миром. Это означает, что Чехословакию спасти не удалось бы, а сам СССР в этой войне фактически был бы обречён на гибель». По мнению Дж. Чармли, одобрявшего политику Чемберлена, «то, что она (европейская война. — В. М.) могла «покончить с цивилизацией», казалось вполне вероятным, однако ещё более вероятным было то, что она не помогла бы чехам». Можно согласиться с выводом М. И. Мельтюхова: «Советское руководство посчитало себя обязанным подготовиться на случай возникновения войны в Европе, что, несмотря ни на какие сомнения, всё же служит решающим свидетельством его готовности поддержать своих союзников в войне с Германией. Вместе с тем в Кремле вовсе не собирались очертя голову бросаться

в войну без учёта общей политической ситуации. Одно дело участвовать в войне двух блоков европейских государств, а совершенно другое — воевать с Германией, пользующейся, как минимум, нейтралитетом Англии и Франции».

Документы свидетельствуют: СССР был готов оказать Чехословакии *реальную* военную помощь, о чём Сталин известил Бенеша через лидера коммунистов Клемента Готвальда, но к этому не стремились ни пражское руководство, ни европейские лидеры. Приведу лишь одно высказывание Бенеша в беседе с посланником Ньютоном: «Отношения Чехословакии с Россией всегда имели и будут иметь второстепенное значение, которое зависит от позиции Франции и Великобритании. Нынешний союз Чехословакии с Россией полностью зависит от франко-русского договора, однако если Западная Европа утратит интерес к России, то Чехословакия его тоже утратит. Любые связи с Россией будут осуществляться только через Западную Европу, и Чехословакия не будет орудием русской политики». Утверждения некоторых авторов о «про-советской» политике Бенеша опровергнуты документами¹. О многом говорит и фраза одного из чехословацких министров — жаль, неизвестно, кого именно, сказанная на заседании кабинета в ночь с 20 на 21 сентября: «Пусть лучше нас атакует Гитлер, чем защищает Ворошилов».

«Мюнхенский сговор» обычно сводят к передаче Германии Судетской области, хотя его результатами стали также изменение внутреннего устройства Чехо-Словакии (так теперь официально называлась страна) в сторону федерации и участие Польши и Венгрии в её территориальном разделе. 5 октября Бенеш вышел в отставку и уехал в Англию, затем в Америку, где проживал в качестве частного лица. «Денежки в карман, собрал чемодан и за океан», — говорили про него чешские коммунисты. Лишь в 1940 г. при поддержке Лондона Бенеш объявил себя

¹ Ценная подборка в книге: Внешняя политика Чехословакии. 1918—1939. — М., 1959.

«президентом в изгнании», а все изменения, произошедшие в Чехословакии после подписания Мюнхенского соглашения, недействительными. Тем не менее страна продолжала существовать и после его отъезда, хотя бывшие союзники утратили к ней интерес как к «германскому сателлиту». 30 ноября новым президентом был избран председатель Верховного административного суда Эмиль Гаха, который на следующий день назначил премьером лидера аграриев Рудольфа Берана.

6 октября словаки официально потребовали автономии и днём позже получили от премьера Сыровы (который, согласно конституции, исполнял обязанности президента) примерно то, что двадцатью годами ранее им обещало Питтсбургское соглашение. Премьером автономного правительства стал Йозеф Тисо, вождь глинковцев после кончины «апостола Словакии», последовавшей 16 августа того же года. 22 ноября закон о Словацкой автономии вступил в силу как дополнение к конституции ЧСР.

Одновременно автономию получила Карпатская Украина, называвшаяся в ЧСР «Подкарпатская Русь». Эта бывшая провинция Австро-Венгрии, она же *автономная территория русин к югу от Карпат*, упоминавшаяся в «мирных» договорах, стала частью ЧСР 8 мая 1919 г. по решению Центральной русской¹ народной рады, которому предшествовала долгая борьба различных групп и направлений. Пользовавшиеся большим влиянием в крае американские русины рекомендовали собратьям присоединиться к Праге, но она не предоставила им обещанную «наибольшую степень самоуправления, совместимую с единством чехословацкого государства» с собственным парламентом. «Большинство в правящих кругах Праги, — отметил историк А. И. Пушкаш, — считало местную интеллигенцию не подготовленной к самоуправлению, а население края — не заслуживающим доверия». Венгрия пыталась соблазнить русинов, как и словаков, перспекти-

¹ У русин было принято написание «руськой».

вой автономии, но многие понимали, что добиться уступок от диктаторского режима Миклоша Хорти труднее, чем от Масарика с Бенешем. Сторонники ориентации на Будапешт входили в Автономный земледельческий союз Ивана Куртяка и Андрея Бродия, который позднее возглавил Русский национальный совет. Им противостояли Русская национальная автономная партия пропольски настроенного грекокатолического (униатского) священника Степана Фенцика и Первый украинский национальный совет во главе с другим священником-униатом Августин-ом Волошиным.

Автономия была провозглашена 8 октября 1938 г., но при сохранении назначенного Прагой губернатора. Местное правительство возглавил Бродий, который 19 октября поставил вопрос о присоединении к Венгрии и об отправке делегации в Будапешт для переговоров. Такой вариант не устраивал ни Берлин, ни Прагу. 17 октября один из министров автономного правительства заявил главе чехословацкого МИД Франтишеку Хвалковскому, что премьер является платным венгерским агентом. 23 октября Бродий был смещён с поста и арестован, а его место занял Волошин, присягнувший на верность ЧСР и сформировавший однородное украинское правительство. Через четыре недели Венгрия попыталась захватить Закарпатье, но была остановлена окриком из Третьего рейха. Ей удалось осуществить задуманное лишь после распада ЧСР в середине марта 1939 г.

Более подробно конфликт между Прагой и Будапештом мы рассмотрим в следующей главе, а сейчас обратимся к отношениям между Прагой и Варшавой, которые, по словам В. Енджеевича, сподвижника и биографа Пилсудского, «на протяжении многих столетий были традиционно недружественными». Главной проблемой, стоявшей между ними в рассматриваемое время, была принадлежность богатой углём Тешинской Силезии. 5 ноября 1918 г. новые польские и чешские власти договорились о разделе области, но 23 января 1919 г. она была занята войсками ЧСР. Масарик откровенно заявил: «У нас не было иного выхо-

да, кроме как забрать угольные месторождения силой». 28 июля 1920 г. «союзники» по настоянию Франции оставили Тешинскую область за ЧСР, передав Польше в качестве компенсации немецкие земли в Верхней Силезии. Польский премьер Винценты Витос назвал это решение «ударом, который сыграет важную роль в наших отношениях с Чехословацкой республикой». Так и вышло: Прага и Варшава не могли объединиться даже перед лицом общего врага.

21 сентября 1938 г. Польша в ультимативной форме заявила претензии на Тешинскую область. Её требования шли параллельно с германскими, но с небольшим зазором во времени — сначала говорилось о равноправии, потом — об автономии, наконец, о передаче территорий. Логика Бека была проста: «Если пражское правительство решило сделать уступки другим странам, наши интересы должны быть удовлетворены таким же образом». 22 сентября французский посол в Берлине Кулондр писал своему шефу Боннэ: «Варшава и Будапешт не согласятся с тем, чтобы в отношении своих этнических меньшинств, включённых в чехословацкое государство, был применён менее благоприятный режим, чем тот, который будет предоставлен судетским немцам. Тот факт, что Польша высказала свои аппетиты в момент, когда она почувствовала, что близится час добычи, не может удивить тех, кто знал о помыслах Бека, который в последнее время проявлял всё большую осторожность в отношении Германии и был полностью информирован о замыслах гитлеровских руководителей. В течение нескольких месяцев польский министр иностранных дел считал, что раздел Чехословакии неминуем, что он произойдёт без войны и что это случится до истечения 1938 г. Бек не делал также тайны из своих намерений претендовать на Тешин и даже оккупировать его, если понадобится»¹.

¹ В середине января 1938 г. Бек проинформировал Гитлера и Геринга о территориальных претензиях Польши к ЧСР и намерении «решить» их.

Для Боннэ это не было новостью, поскольку ещё 27 мая польский посол Лукасевич заявил ему: «Вопрос о нашем меньшинстве в Чехословакии существует давно, и за это время пражское правительство ничего, кроме обещаний, не сделало для разрешения его. Ни в коем случае мы не можем допустить даже на один момент того, чтобы проблема польского меньшинства была разрешена после разрешения вопроса о судетских немцах. Эта проблема должна быть разрешена одновременно и в полной аналогии с разрешением вопроса о немцах. Количество населения здесь никакой роли не играет». Для справки: речь шла о 80 тыс. поляков в сравнении с 3,5 млн немцев. Об этом Лукасевич официально и неофициально напоминал министру чуть ли не при каждой встрече, а 22 сентября прямо заявил, что «доверие Польши к Франции не только поколеблено последними событиями, но и отягощено прошлым», напомнив об истории «Тешинской проблемы». Даже после этого Боннэ не проявил энтузиазма, поэтому Лукасевич после войны написал о нём с плохо скрываемой враждебностью.

Жорж Боннэ

26 сентября президент Мосьцицкий получил «сверхсрочное» послание Бенеша, датированное 22 сентября, где выражалась готовность к нормализации отношений, но не более. 27 сентября Варшава потребовала исправления границ, а через три дня, недовольная ответом на предыдущую ноту, предъявила ЧСР ультиматум о передаче территорий. У Праги не осталось выбора, и 1—2 октября польские войска заняли Тешинскую область. Оповестивший сограждан по радио, что «историческая справедливость восторжествовала — древние польские земли вернулись в лоно республики», Бек получил орден Белого орла и степени почётного доктора Варшавского и Львовского университетов. Однако Польша, отметил В. Я. Сиполс,

Игнацы Мосъицкий

«за свои агрессивные действия в период Мюнхена заслужила на международной арене самую дурную славу». Добавлю, что в Тешинской области немедленно началось угнетение не только чехов, но и немцев. Протесты Берлина привели к тому, что на тешинских немцев было распространено соглашение 1937 г., но от этого их положение не улучшилось. После оккупации Польши Вермахтом территория была переда-

на Словакии, но в 1945 г. Бенеш вернул её полякам. Между двумя странами была восстановлена граница 1920 г., подтверждённая новым договором в 1958 г.

Неприглашение на Мюнхенскую конференцию Бек воспринял как личное поражение. Оно показало, что Польшу не считают великой державой, способной участвовать в решении общеевропейских проблем. Москве тоже дали понять, что обойдутся без неё, однако неучастие в ревизии Версаля принесло нашей стране скорее пользу.

16 августа между Бенешем и полпредом Александровским состоялся примечательный обмен мнениями. Вот слова полпреда: «С момента обострения положения решать возникающие проблемы взялись Англия и Франция без нашего участия, полностью игнорируя нас даже в смысле информации. Бенеш быстро реагировал на это репликой, что СССР фактически один из главных участников в решении европейских вопросов, но что тактически было только выгодно для всех и для самого СССР не выдвигаться в данной обстановке на передний план. Я ответил, что Бенеш прав в том смысле, что борьба против постепенной ликвидации послевоенных мирных договоров является в первую очередь, конечно, делом создателей системы этих договоров, и главным образом Англии и Франции. Мы не являемся участниками этих договоров и непосредственно в них не заинтересованы.

Однако мы заинтересованы в сохранении мира и не раз доказывали, что готовы сотрудничать для этой цели. Но если нашего сотрудничества не ищут, то мы и не навязываемся. Бенеш несколько забеспокоился и заговорил о том, что заинтересованность СССР и его право на участие в решении вопросов европейского мира никем не подвергается сомнению».

История склонна повторяться. Крах Польши в 1939 г. стал аналогом краха Чехословакии в 1938 г. Определяющую роль в гибели обоих государств сыграл их общий «родитель» — Версальский договор и то «версальское» мышление, которое объединяло Масарика и Пилсудского, Бенеша и Бека. Как заметил историк А. Тэйлор, руководство Польши «забыло, что получило независимость в 1918 г. только потому, что и Россия, и Германия потерпели поражение». Сказанное применимо и к ЧСР. Антигерманская и антисоветская ориентация во внешней политике, жёсткая этнократия во внутренней политике, чрезмерная уверенность в своих силах, неспособность правильно оценивать силы других и происходящие вокруг перемены — всё это сыграло роль в судьбе обеих стран, способствуя германской агрессии.

В сентябре 1938 г. Бек заявил: «Чехословацкую Республику мы считаем образованием искусственным, удовлетворяющим некоторым доктринам и комбинациям, но не отвечающим действительным потребностям и здравым правам народов Центральной Европы». Через год аукнулось. «Польша не может быть сохранена Западом наперекор двум наиболее многочисленным народам Европы, коль скоро она проводила безумную самоубийственную политику между Востоком и Западом, а внутренний разлад вместо миролюбивого единства заполнил её пространство» — так считал знаменитый геополитик Карл Хаусхофер.

Открыто диктуя Праге свою волю, Германия продолжала относиться к ней с подозрением. Новая Чехо-Словакия оказалась ещё менее жизнеспособной, чем «версальская» ЧСР, прежде всего в политическом отношении. Те-

равшее власть центральное правительство 9 марта 1939 г. попыталось предотвратить «отпадение» Словакии, заняв её территорию чешскими войсками и отрешив Тисо от власти. Британский посол в Берлине предупредил своего чехословацкого коллегу, что действия Праги играют на руку нацистам. Опасаясь венгерской оккупации, перспектива которой стала реальной, Тисо срочно отправился в Германию. 13 марта Гитлер обещал ему поддержку и отправил в Будапешт Риббентропа, велев передать венграм: «Вы должны ограничиться Карпатской Украиной и не нападать на Словакию». 14 марта словацкий парламент провозгласил независимость и вернул к власти Тисо, который официально обратился за «покровительством» к Третьему рейху. На следующий день в «независимую» Словакию вступил Вермахт.

14 марта было объявлено о независимости Карпатской Украины под протекторатом Третьего рейха, но её самопровозглашённому президенту Волошину не удалось повторить успех Тисо. Берлин не ответил, поскольку ещё 11 марта конфиденциальной нотой санкционировал оккупацию области Венгрией, войска которой 16—18 марта заняли её территорию несмотря на сопротивление «карпатских сечевиков». Обещанной Будапештом автономии Карпатская Украина так и не получила, несмотря на усилия Бродия, ставшего депутатом венгерского парламента. В 1944 г. в Закарпатье была восстановлена чехословацкая власть, но 29 июня 1945 г. СССР и ЧСР подписали договор о вхождении Закарпатской Украины, как её называли в нашей стране, в состав Украинской ССР (ныне Украина). Бродий был арестован советской военной контрразведкой СМЕРШ в конце ноября 1945 г. и расстрелян в Ужгороде в июне 1946 г. Волошин, арестованный теми же смершевцами в Праге в мае 1945 г., через два месяца умер в московской Бутырской тюрьме. Обоих часто вспоминают в наши дни, когда проблема снова стала актуальной: несмотря на рекомендации ООН, Киев отказывает русинам в статусе национального меньшинства (который они имеют в Словакии, Польше, Венгрии, Чехии и Сербии),

объявив их этнографической группой украинцев. Сами русины считают по-другому и борются за своё национальное возрождение.

В условиях нараставшего хаоса Гаха и Хвалковский по совету британского посланника в ночь с 14 на 15 марта выехали в Берлин. Их встретили с необходимыми почестями, включая почётный караул, и предложили, не мешкая, отдать страну под германский контроль. Гаха упал в обморок, затем посовещался по телефону с министрами в Праге и подписал документ о том, что «он с полным доверием отдаёт судьбу чешского народа и страны в руки фюрера германского рейха». «Фюрер, — говорится далее, — принял это заявление и сообщил о своём решении взять чешский народ под защиту германского рейха и обеспечить ему автономное развитие, соответствующее его самобытности». Вермахт сразу же начал занимать чешские земли, которые получили название «протекторат Богемия и Моравия», с протектором фон Нейратом, бывшим министром иностранных дел, и президентом Гахой под полным контролем Рейха. Сопротивление немцам не оказывалось, как и при передаче Судетской области. 17 марта Гитлер приехал в Прагу вместе с Генлейном, которого считали потенциальным «протектором», но тот предпочёл остаться гауляйтером (высшим чиновником) области Судетенланд в составе Германии.

Оккупацию Праги негативно встретили все крупные державы, кроме ближайших союзников Гитлера, хотя практических действий никто не предпринял. Чемберлен негодовал на фюрера за нарушение Мюнхенского соглашения и за отказ от собственных слов о том, что, кроме Судетской области, у него нет территориальных претензий на этом направлении, но разъяснил в Палате общин, что Англия не обязывалась защищать Чехословакию или гарантировать её границы. Советское правительство направило в Берлин решительную ноту. Оправдать эту агрессию «ревизией Версаля» было невозможно: Германия откровенно взяла чужое.

Оккупационная политика Третьего рейха в Чехии была

не столь варварской, как в СССР и Польше, но её вполне хватило для того, чтобы слова «немец» и «нацист» стали для чехов синонимами. Окончание Второй мировой войны принесло с собой радикальное решение «судетской проблемы»: Потсдамская конференция глав государств антигитлеровской коалиции летом 1945 г. постановила выселить из Чехословакии 2,5 млн судетских немцев и 150 тыс. немцев, переселённых туда после Мюнхена. В это время уже полным ходом шли массовые депортации, спланированные эмигрантским правительством в годы войны и закреплённые декретами Бенеша, которые затрагивали также и венгров.

О том, как проходили депортации, свидетельствуют следующие факты. К августу 1999 г. были восстановлены имена 3 485 538 судетских немцев, живших в Чехословакии до 1945 г.; из них 225 136 человек всё ещё числились пропавшими без вести, а о 19 542 случаях гибели во время депортации имелись достоверные свидетельства. 132 529 немцев предстали перед чехословацкими судами; 21 469 из них были осуждены, в том числе 713 — к смертной казни. Приговоры были вынесены 250 тыс. чехов и словаков, включая Тисо, Туку, Сыровы, Берана и многих других довоенных политиков (Гаха и Хвалковский умерли в тюрьме, не дожив до суда). Генлейн покончил с собой 10 мая 1945 г. в американском плену. В июле—сентябре 1946 г. в Германию также были депортированы 120 тыс. из 160 тыс. карпатских немцев. Среди оставшихся чехословацкое гражданство получила лишь небольшая группа коммунистов, да и то многие из них предпочли перебраться в советскую зону оккупации Германии — будущую ГДР.

Чешский президент Вацлав Гавел принёс официальные извинения судетским немцам за депортации 1945—1946 гг. Мюнхенское соглашение было признано «ничтожным» в 1973 г. Договором о взаимных отношениях между ФРГ и социалистической Чехословакией. Казалось, наследие Версаля похоронено окончательно, но люди остались. «Выросло целое поколение их потомков, которые родились вне Судетской области, в других странах, — завер-

шил своё исследование в 2000 г. С. В. Кретинин. — Означает ли это, что судето-немецкая история закончилась? В современных условиях, когда происходит воскрешение принципа исторического права, когда обострились этноконфессиональные конфликты, когда в том же СНГ многие народы (русский, в первую очередь) неожиданно, как и судетские немцы более 80 лет назад, оказались на положении национальных меньшинств в районах исконного проживания, мы можем говорить о поразительной схожести этнополитических ситуаций: той, что сложилась в Европе после окончания Первой мировой войны, и той, что образовалась вследствие крушения советского блока. Всё это позволяет предположить, что судето-немецкий вопрос, так же как и другие национальные проблемы, возникшие после 1945 г. (проблема польских немцев, например), окончательно не закрыт. И закрыт он не будет до тех пор, пока живы люди, считающие себя судетскими немцами». Десять лет спустя сказанное звучит ещё более актуально — конечно, не только применительно к немцам.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Венгерская ирредента

Слово «Трианон» — название двух прекрасных дворцов в Версале — стало для Венгрии символом национальной трагедии. Если в количественном отношении самым разъединённым народом «версальской» Европы стали немцы, то в пропорциональном — венгры, поскольку не менее трети их оказалось за пределами собственной страны. Территориальные потери Венгрии как части бывшей Австро-Венгерской империи были неизмеримо больше.

В «Меморандуме из Фонтенбло» Ллойд Джордж предупреждал: «Никогда не добиться мира в Юго-Восточной Европе, если каждое из возникающих теперь маленьких государств будет иметь в своих пределах большую мадыарскую¹ ирреденту». Ему вторил Нитти: «Народ, находящийся на такой ступени развития, как венгерский, может временно покориться необходимости. Но разве можно сомневаться, что он будет искать путей, чтобы вернуть то, что у него несправедливо отняли? Не очутимся ли мы через несколько лет перед неизбежностью новых и ещё более ужасных войн?»

Сен-Жерменский и Трианонский договоры не просто завершили ликвидацию Австро-Венгрии, но образовали на её месте, как выразился Ключников, «целый улей средних и малых государств, враждебных друг другу или соперничающих друг с другом, а в некоторых отношениях сознательно натравленных друг на друга».

При разделе венгерской части империи Габсбургов другие страны получили:

¹ В то время слова «венгр» и «мадыар» (самоназвание венгров) иногда использовались как синонимы, а иногда противопоставлялись друг другу: Венгрией называли населённую различными народами часть Австро-Венгрии, а мадыарами — только этнических венгров.

- Чехословакия: 3,5 млн человек, включая 1 066 824 венгра, и 22 % её территории;
- Румыния: 5,25 млн человек, включая 1 663 576 венгров, и 36 % территории;
- Югославия: 1,5 млн человек, включая 571 735 венгров, и 7,5 % территории.
- Австрия: 300 тыс. человек, включая 26 225 венгров, и около 1% территории¹.

В сумме это почти 64% площади королевства Венгрия в составе двуединой монархии. На этих территориях проживало около 10 млн человек, включая 3 328 360 венгров. Каждый третий представитель этого народа оказался за пределами своего национального государства, хотя сравнительно небольшие изменения границ могли, по подсчётам специалистов, оставить на родине до 2 млн венгров. Добавлю, что только в 1918—1924 гг. около 426 тыс. человек покинули родные места на «отсоединённых территориях» и переселились в Венгрию: 147 тыс. из Чехословакии, 222 тыс. из Румынии, 55 тыс. из будущей Югославии и 2 тыс. из Австрии.

Неудивительно, что венгры считали Трианонский «мир» куда более жестоким, чем Версальский. «Даже пылкая фантазия, — писал Нитти, — может с трудом представить себе, что Австрия и Венгрия будут существовать в подобных условиях и исполнять, хотя бы в самой ничтожной мере, предписания договоров. Парадокс заключается в том, что они должны не только сами существовать, но ещё выплачивать победителям вознаграждение за ущерб. Венгрия страдает от того, что у неё отнята значительная территория и крупные богатства».

Ключников перевёл это на язык цифр и фактов: «Венгрия отрезана от моря². Из 21 000 км её железных до-

¹ Без учёта города Шопрон и его окрестностей, предназначенных Австрии; единственный разрешённый Венгрии плебисцит 4 декабря 1921 г. оставил эту территорию за ней.

² Взамен ей предоставлялась свобода транзита к Адриатическому морю (Трианон, 294).

рог у неё осталось только 8000. Она лишилась почти всех бумажных и целлюлозных фабрик (98,8 %), 65 % химической промышленности, большей части текстильного производства (72,5 %), 80 % металлургии и т. д. Оставшись на положении чисто сельскохозяйственной страны, она вместе с тем потеряла все свои заводы по изготовлению удобрений, вывозившихся ею прежде за границу. Богатая до войны лесами, она теперь почти вовсе не имеет их, её лесное производство не достигает и одной десятой части довоенного. В финансовом отношении Трианонский мир поставил Венгрию в совершенно безвыходное положение. До войны она имела 8287 млн австрийских крон государственного долга, что уже тогда представлялось как непосильное бремя. Совершенно разорённая, она вынуждена искать средства для покрытия долга в 54 млрд золотых крон. Между тем одно из позднейших постановлений Репарационной комиссии обязывало её к уплате ровно половины австро-венгерских довоенных долгов, совершенно не считаясь ни с долей ответственности Венгрии за военные убытки «союзников», ни с уменьшением её территории, ни с потерей ею ряда важнейших источников доходов». Позволю себе опустить дальнейшую историю венгерских репараций и долгов — она очень похожа на то, что «бош заплатит».

Почему с Венгрией обошлись так, как будто она главный виновник войны? Почему договор с ней был подписан только 4 июня 1920 г., почти через год после Версальского?

В 1867 г. австрийский император Франц-Иосиф I принял венгерскую корону. В стране, получившей название Австро-Венгрия, появились два премьера и два парламента, но сохранились единая армия и флот, внешнеполитическое, военное и финансовое ведомства. 16 октября 1918 г., когда крах империи стал очевидным, венгерское правительство заявило, что более не связано системой двуединой монархии, хотя и признаёт королём императора Карла I, преемника Франца-Иосифа. 30—31 октября Будапешт охватило восстание солдат и рабочих. Чтобы не

допустить переворота по большевистскому образцу, либералы спешно объявили высшим органом власти Национальный совет, в котором ведущую роль играл граф Михай Каройи, землевладелец и политик, известный антигерманскими и проантантовскими взглядами. 31 октября император назначил его главой венгерского правительства. Каройи присягнул монарху, но уже на следующий день попросил освободить его от присяги и начал переговоры о перемирии. Подписанное 13 ноября в Белграде, оно давало «союзникам» право занять значительную часть территории Венгрии. В тот же день Карл I объявил, что «устраняется от управления государством», не отрекаясь формально от престола, и эмигрировал в Швейцарию.

16 ноября Национальный совет провозгласил Венгрию республикой и через два месяца избрал Каройи президентом, но пределы его власти непрерывно сокращались. 29 октября в Загребе Национальный совет словенцев, хорватов и сербов провозгласил отделение от Венгрии южнославянских земель, вошедших в Сербо-хорватословенское государство. 30 октября аналогичную декларацию относительно Чехословакии принял Словацкий национальный совет в Мартине. 8 ноября Национальный совет румын в Араде призвал Будапешт отказаться от территорий с преобладанием румынского населения. Каройи делегировал туда министра по делам национальностей Оскара Яси, выступавшего за создание «Дунайской федерации». 20 ноября представители совета, недовольные ходом переговоров с Яси, заявили, что Будапешт лишает их права на самоопределение, а румынский король объявил мобилизацию. 23 ноября его войска вступили на территорию Венгрии, за неделю достигли реки Марош (по ней проходила демаркационная линия, определённая перемирием), а ещё через неделю перешли её. 1 декабря Национальное собрание венгерских румын в Дьюлафехерваре (ныне Алба-Юлия) заявило о присоединении населённых ими земель к Румынии.

Провозгласив основой своей политики «14 пунктов» Вильсона, Каройи надеялся на компромисс с победителя-

Бела Кун

ми и приемлемые условия мира. Однако получилось наоборот: собравшиеся в Париже «союзники» смотрели на него как на врага, а Румыния, Чехословакия и Югославия продолжали экспансию. 26 февраля 1919 г. Верховный совет Антанты потребовал отвести венгерские войска за новую демаркационную линию, что фактически открывало путь к разделу страны. Решение вынесло смертный приговор режиму Каройи, который был официаль-

но уведомлён о нём только 20 марта. На ответ давалось 48 часов. Заявив, что на эти условия не пойдёт никакое правительство, «венгерский Керенский», как прозвали премьера газетчики, подал в отставку. Взамен либерального и компромиссного кабинета «союзники» 21 марта получили Венгерскую Советскую Республику во главе с коммунистом Бела Куном, комиссаром (министром) иностранных дел и фактическим диктатором страны.

Прорыв «большевистской заразы» напугал победителей. Англия и США допускали переговоры с новым режимом как с властью де-факто, но были против его признания де-юре и предложили начать блокаду Венгрии, чтобы комиссары стали сговорчивее. Франция, Чехословакия и Румыния выступали за интервенцию под флагом Антанты. В итоге «союзники» решили послать в Будапешт генерала Смэтса для выяснения перспектив мира. Переговоры шли в поезде генерала, который отказался покинуть вокзал, чтобы не создавать впечатления признания новой власти. Утром 5 апреля Смэтс предложил Куну согласиться на введение войск великих держав между венграми и румынами, обещая в таком случае снять блокаду. Вечером Кун дал положительный ответ, но потребовал, чтобы румыны отступили за реку Марош. По свидетельству входившего в делегацию Никольсона, Смэтс решил, что комиссары «не

располагают достаточными силами, оправдывающими заключение с ними какого бы то ни было договора». Отказавшись обсуждать поправки, генерал «проводит их с исключительной любезностью до платформы. Пожимает им руки. Становится на ступеньку вагона и даёт знак адъютанту. Они стоят в ряд на платформе, ожидая, что он назначит им следующее свидание. Но поезд вдруг трогается. Смэтс делает под козырек.

Миклош Хорти

Мы ускользаем в ночь. Перед нами картина: четверо растерянных людей, которые смотрят нам вслед с неопишуемым изумлением».

Миссия Смэтса пришла к выводу, что «венгерская революция несерьёзна и непродолжительна». Комиссары, режим которых держался на смеси террора и энтузиазма, не смогли обеспечить себе необходимую внутреннюю поддержку и создать экономическую базу. К 1 августа Советская Венгрия пала под ударами «национальной армии» бывшего командующего австро-венгерским флотом Миклоша Хорти, а также румынских войск, которые оккупировали и разграбили Будапешт ещё до того, как 16 ноября туда вступили «контрреволюционные» части. «Экономические и финансовые статьи договора, — отмечал Нитти, — налагают тяжёлые обязательства на страну, которая почти всё потеряла, которая во время войны понесла самые тяжёлые человеческие жертвы, которая со времени войны пережила две революции и четыре месяца разбоя во время господства Бела Куна и других преступных элементов, которая, наконец, претерпела румынскую оккупацию, оказавшуюся гораздо хуже революции и большевизма».

Диктатура Куна окончательно испортила представления победителей о Венгрии, у которой не было союзников

ни среди первых лиц (только Ллойд Джордж иногда заступался за неё), ни среди экспертов, готовивших договор. О том, что из этого получилось, хорошо написал Никольсон в книге «Как делался мир в 1919 году», без цитат из которой не обходится ни одна серьёзная работа о «мирной» конференции. «Комитет по румынским претензиям думал только о Трансильвании; комитет по чешским требованиям концентрировал своё внимание на южной границе Словакии. Только когда было уже слишком поздно, поняли, что эти два абсолютно не связанные между собой комитета вместе навязали Венгрии очень серьёзные потери территории и населения. Если бы дело было сконцентрировано в руках Венгерского комитета, то не только речь шла бы о территории, в пределах которой легче было бы прийти к компромиссному соглашению, но было бы видно, что предлагаемое отделение территорий ставит под власть других стран большее число мадьяр, чем то было созвучно с доктриной самоопределения».

7 января 1920 г. венгерская делегация прибыла в Париж. 16 января её глава граф Альберт Аппоньи произнёс речь «сначала на изысканном французском языке, затем повторил её на полном характерных идиом английском языке и, наконец, в третий раз произнёс её на столь же совершенном итальянском языке», что произвело сильное впечатление на написавшего эти строки Ллойд Джорджа. Перейдя к территориальным вопросам, граф заявил: «Мы требуем для тех частей нашей страны, которые хотят отделиться от неё, плебисцита, и я заявляю, что мы заранее подчинимся результатам этого плебисцита, каков бы он ни был. Естественно мы требуем, чтобы он был проведён в таких условиях, которые обеспечивали бы ему полную свободу». 6 мая делегация получила текст договора. Ни красноречие полиглота Аппоньи, ни поток нот и контрпредложений, ни усилия венгерских политиков не смягчили условий «мира». В письме, которым председатель конференции — французский премьер Александр Мильеран сопровождал договор, говорилось, что новые границы могут быть частично изменены, если комиссия по их про-

ведению обратиться в Лигу Наций. Обращения не последовало, но оговорка помогла убедить Будапешт согласиться. Аппоньи отказался ставить подпись под «диктатом». Хорти, которого Национальное собрание 1 марта избрало регентом (верховным правителем)¹ страны, согласился, не видя другого выхода. 4 июня договор был подписан.

Перейдём к венгерской ирреденте.

Венгрия отказывается, поскольку то её касается, в пользу Чехословацкого государства от всяких прав и правооснований на территории бывшей Австро-Венгерской монархии, расположенные по ту сторону границ Венгрии, как они установлены в статье 27 (Границы Венгрии) и признаны настоящим договором или всякими иными договорами, заключёнными в видах урегулирования современного положения вещей, как входящие в состав Чехословацкого государства.

(Трианон, 49).

С аналогичной формулировкой Венгрия отказалась от прав на территории венгерской части бывшей империи Габсбургов в пользу Италии, Румынии, Австрии и Сербохорватско-словенского государства (Трианон, 36, 45, 71, 41), признала «полную независимость» последнего и ЧСР (Трианон, 40, 48). Отдельной статьёй (Трианон, 53) был оформлен отказ от прав на порт Фиуме (ныне Риека в Хорватии), в 1920—1924 гг. имевший статус вольного города из-за неурегулированного спора между Римом и Белградом.

¹ Формально Венгрия осталась монархией, но 6 ноября 1921 г., после двух попыток экс-императора Карла провозгласить себя королём, её парламент, по требованию Антанты, лишил Габсбургов прав на венгерский престол. Регентство просуществовало до 15 октября 1944 г., когда немцы свергли Хорти, попытавшегося выйти из войны, и провозгласили главой венгерских нацистов Ференца Салаши «лидером нации» и премьер-министром.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Главными приобретениями ЧСР стали Словакия и Карпатская Украина, но венгры считали такое положение вещей временным. Как писал чехословацкий посланник в Будапеште Милош Кобр, «вся интеллектуальная жизнь венгерской нации была охвачена осознанием несправедливости, которую стране и народу принёс Трианонский мирный договор, и отчаянным желанием сбросить это невыносимое положение. От воспитания детей в начальной школе и до чтения лекций самым знаменитым университетским профессором, каждое публичное выступление служило этой ведущей идее».

Реваншисты мечтали о полном возвращении утраченных земель, соблазняя словаков и русинов автономией, которую те не получили от Праги. Более здравомыслящие политики предлагали сдвинуть границу на север так, чтобы она охватила зону компактного проживания венгров в южной Словакии, которую в Будапеште именовали Верхней Венгрией. Эта зона была разрезана по-живому, что приводило к многочисленным казусам, вроде ситуации с описанными Ключниковым Салготаржанскими копиями: «Входы в копи и самые колодцы здесь оставлены за Венгрией, но угольные пласты оказываются в Чехословакии. По заключении мира создалось такое положение: чехословацкие углекопы с заграничными паспортами в руках должны были спускаться в шахты в Венгрии, добывать в них чехословацкий уголь, извлекать его наружу в Венгрии и затем перевозить в Чехословакию». Кстати, немало таких «курьёзов» оказалось и на «версальской» границе между Германией и Польшей.

Национальные проблемы ЧСР как потенциальный источник нового конфликта в Восточной Европе привлекали внимание прозорливых людей ещё в 1920-е гг. Одним из них оказался британский газетный король лорд Ротермир, который 21 июня 1927 г. опубликовал в «Дэйли мэйл» статью «Место Венгрии под солнцем. Безопасность для Центральной Европы», написанную под впечатлением

от пребывания в Будапеште. Основная мысль высказана уже в первых строках: «Восточная Европа полна Эльзас-Лотарингий, каждая из которых может стать искрой нового пожара. Границы центральноевропейских государств произвольны и экономически не мотивированы, но есть и более серьёзный аспект. Их несправедливость является постоянной угрозой миру в Европе». На приложенной карте автор отметил зоны компактного проживания венгров в соседних странах и высказался в пользу пересмотра «трианонских» границ.

В Лондоне выступление прошло практически незамеченным, но снискало лорду небывалую популярность в Венгрии. 30 августа 1927 г. появилась его новая статья «Пороховой погреб Европы», посвящённая Чехословакии, но с особым вниманием к венгерскому меньшинству. О судетских немцах он упомянул лишь походя, поскольку в Австрии об их судьбе мало кто думал, а дипломатическая активность Германии была сосредоточена на Рейне. Позднее Ротермир писал, что выступил за ревизию Трианонского договора в качестве прецедента для пересмотра Версальского «мира», осуществить который было куда труднее.

В деле возвращения территорий Венгрия поначалу рассчитывала на помощь Италии, Австрии и Польши: с первыми двумя у неё не было конфликтов, а третья сама претендовала на Тешинскую область ЧСР. Из стран созданной французами Малой Антанты (Чехословакия, Румыния, Югославия) наименьшие претензии у Будапешта были к последней. Германия стала рассматриваться как возможный партнёр в деле ревизии границ лишь с приходом нацистов к власти, но Гитлер посоветовал Будапешту ограничиться Чехословакией, которую сам считал врагом. Попыткой создать «третью силу» в Центральной Европе стали Римские протоколы 1934 г. об экономическом сотрудничестве между Италией, Австрией и Венгрией. Однако австрийский канцлер Шушниг, в том же году сменивший убитого нацистами Дольфуса, в поисках союзников против Германии начал поворачивать в сторону Праги, что подтолкнуло венгров к сотрудничеству с Берлином.

22 августа 1936 г. Хорти встретился с Гитлером, имея при себе план совместной кампании против Чехословакии, о которой мечтал с зимы 1919/20 г. Регент не раз признавался: «Я человек верующий, но, как венгр, готов сегодня связаться с дьяволом, если он мне поможет достичь моей цели». Фюрер продемонстрировал гостю дружеские чувства, но наотрез отказался от военной акции. Тем временем началась консолидация венгров в ЧСР. В марте 1936 г. была создана Венгерская объединённая партия, которая 27 февраля 1938 г. заключила союз с генлейновцами и закарпатской партией Бродия. Следующим шагом стала попытка расколоть Малую Антанту в вопросе о правах венгерских меньшинств. Будапешт заявил, что во всех трёх странах он стоит по-разному, а потому к его решению не может быть единого подхода, на чём настаивали Прага и Бухарест.

Первым сдался югославский премьер Милан Стоядинович, ориентировавшийся на Рим. На конференции Малой Антанты в начале мая 1938 г. он заявил, что его страна не будет участвовать ни в каком антигерманском блоке и допускает двусторонние переговоры по проблеме меньшинств. Это означало, что Белград не намерен помогать Праге в случае германской агрессии и готов договориться с Хорти. Венгерско-югославские трения были сравнительно слабыми, поэтому Стоядинович рассчитывал на отказ Будапешта от претензий в обмен на улучшение положения венгерского меньшинства и на нейтралитет Югославии в случае конфликта с ЧСР. В то же время, опасаясь разрыва с Англией и Францией, Белград занял выжидательную позицию, поэтому будапештское руководство решило воздействовать на него через Рим. Готовясь к беседе с главой МИД Италии Галеаццо Чиано, его венгерский коллега Кальман Каня в середине июля писал: «Венгрия не замышляет одна напасть на Чехословакию. Но если возникнет германо-чехословацкий конфликт, Венгрия не останется в стороне. Однако она только в том случае вмешается, если будет стопроцентная уверенность, что Югославия останется нейтральной, не ударит в спину Венгрии. К со-

жалению, в таких ста процентах нет уверенности». Чиано уверил Каню, что выступление Югославии против Венгрии будет жёстко встречено Римом и что «Стоядинович это понимает». Дополнительным призом стало признание 22 августа Малой Антантой равноправия Венгрии в области обороны и её освобождение от военных статей Трианонского договора.

Как и Польша, Венгрия не добилась рассмотрения своих претензий на Мюнхенской конференции. В поддержку требований Будапешта выступил только Муссолини, но его не поддержали ни англичане с французами (Галифакс некоторое время колебался), ни Гитлер. По мнению историков, нацистский фюрер тем самым дал понять, что отныне судьба Чехословакии только в его руках. Ей дали три месяца на решение оставшихся вопросов «путём соглашения с заинтересованными правительствами». Варшава быстро добилась присоединения Тешинской области, но с Будапештом всё оказалось сложнее. Стремясь максимально использовать новый режим в Праге, Гитлер не хотел усиления Венгрии и помнил, что она не спешила поддержать его в судетском вопросе. Ещё 23 августа он сказал Хорти: «Каждый, кто хочет поучаствовать в трапезе, должен сначала помочь на кухне».

1 октября венгерское правительство выработало основы для переговоров с Прагой: «1. Избегать насильственных действий, пока есть возможность мирной развязки. 2. Новые границы установить по тому же принципу, который проводят германское и польское правительства. 3. Как можно быстрее разрешить конфликт. 4. Добиваться осуществления права на самоопределение для всех живущих в Чехословакии национальностей с целью достижения мира в этой части Европы». На языке практической политики это означало, что открыто Будапешт мог вести речь только о южно-словацких землях и о части Закарпатья с преобладанием венгров. Во всяком случае, другие державы были готовы поддержать только такие претензии.

В ночь с 1 на 2 октября чехословацкое правительство сообщило о согласии на переговоры, но не спешило при-

водить его в действие и получило ультиматум с требованием «немедленно» (это слово звучало в каждом пункте!) освободить венгерских политзаключенных, демобилизовать венгров из армии ЧСР, разрешить им создание «местных отрядов для охраны жизни и имущества», передать Венгрии несколько пограничных городов и приступить к переговорам 6 октября. Прага снова согласилась, но попросила об отсрочке, тем временем объединившись со словацкими автономистами Тисо против общего противника. Проходившие 9—13 октября в пограничном городе Комарно на Дунае переговоры не дали никаких результатов. Венгрия потребовала передать ей территорию по линии Братислава—Нитра—Кошице—Ужгород—Мукачево, что в целом совпадало с «линией Ротермира». Чехословацкое правительство было готово к уступкам, но не в таком объеме. Тисо и его помощники не считались с чешскими «коллегами», но после каждого заседания уезжали в Братиславу и постоянно консультировались с немцами. Поначалу министр иностранных дел Хвалковский пытался привлечь к рассмотрению вопроса Англию и Францию, но те не выразили ни малейшего желания заниматься им.

Хорти обратился за помощью к Третьему рейху, отправив туда бывшего премьер-министра Кальмана Дарани, который считался сторонником германской ориентации. Фюрер принял его 15 октября в Мюнхене и предложил немедленно заключить двустороннее соглашение с находившимся здесь же Хвалковским, но на это визитёр не имел полномочий. Представленный немцами альтернативный вариант границы, известный как «линия Риббентропа», сохранял в составе ЧСР Братиславу, Нитру, Ужгород и Мукачево. Вопрос о Кошице остался открытым, поскольку словацкие лидеры, тоже приехавшие в Мюнхен, 19 октября попросили оставить за ними этот важный транспортный узел. Руководители Рейха уже думали о создании формально независимой Словакии под своим «протекторатом» и не хотели слишком ослаблять будущего сателлита, но венгры, несмотря на нажим, отвергли «линию Риббентропа». Представители Хорти заявили, что могут

отказаться лишь от Братиславы и Нитры, потребовали плебисцита для территорий со смешанным населением и пригрозили занять Карпатскую Украину силой, рассчитывая договориться об этом с Польшей.

С подачи Будапешта Чиано предложил провести новую конференцию четырёх великих держав в Генуе или Венеции, но натолкнулся на решительный отказ Гитлера. 22 октября Риббентроп заявил венграм, что устранился от посредничества, если те будут упорствовать, но в итоге согласился выступить арбитром спора вместе с Чиано. 25 октября Прага отказалась от плебисцита, но согласилась на германо-итальянский арбитраж. Польша и Румыния попытались принять в нём участие, но Гитлер согласился лишь на Италию, и то ради укрепления двусторонних отношений. По его поручению Риббентроп 27—28 октября провёл в Риме переговоры с Муссолини и Чиано, в результате которых Берлин всё-таки пошёл на передачу венграм Кошице, Ужгорода и Мукачево.

Арбитраж состоялся 2—3 ноября 1938 г. в Вене. Склонившись над картой с карандашом в руках, Риббентроп продолжал бороться за словацкую территорию, на что Чиано заметил: «Если вы будете так защищать чешские интересы, то Гаха (президент Чехо-Словакии. — *В. М.*) наградит вас орденом». Венгрия получила территорию в 12 400 кв. км и население в 972 092 человека, из которых венгры составляли 53,9 %. Арбитры обязали Прагу и Будапешт создать двустороннюю комиссию для разрешения частных вопросов, вытекающих из перенесения границы. Представлявшие Чехо-Словакию Хвалковский, Тисо и Волошин были поражены результатом, причём двое последних обвиняли во всём пражское правительство. По завершении работы Чиано цинично произнёс: «Раньше по своему невежеству я думал, что изменение границ европейского государства — очень серьёзное дело, которого нельзя сделать без войны. Теперь я вижу, что можно отрезать куски территории от одной страны и присоединять их к другой, не вынуждая великие державы к действиям и не беспокоя мировое общественное мнение».

После арбитража венгерское правительство пригласило лорда Ротермира в Будапешт, где вечером 8 ноября его встречали как национального героя. Вместе с регентом Хорти он въехал в Кошице, снова получивший название Кашша. На «освобождённых» землях сразу же началась кампания «мадьяризации» и принудительного «выдавливания» не-венгерского населения. В ответ власти Чехо-Словакии стали изгонять со своей территории или интернировать венгров и провенгерски настроенных русинов, что не раз приводило к вооружённым столкновениям. Уже в декабре дипломаты обеих стран говорили об «обмене военнопленными», как будто между ними шла настоящая война.

Она и в самом деле чуть не началась, поскольку в Будапеште по-прежнему строили планы захвата Закарпатья. 18 ноября Венгрия закончила приготовления к аннексии, но отложила её начало с 19-го на 20-е, ожидая согласия Берлина. Однако вечером 18-го оттуда последовало предупреждение: «Вена (Венский арбитраж. — *В. М.*) установила границы, и Венгрия своей подписью обязалась перед всем миром придерживаться их как конечных. В случае нападения Венгрия окажется в трудной ситуации. Германское правительство верит, что Венгрия будет придерживаться Венского арбитража». Будапешт сделал вид, что не понял намёк, и попросил Италию о содействии, сообщив, что Рейх «не возражает», но ничем не может помочь. Не проверив информацию, Муссолини согласился послать на помощь Венгрии военные самолёты и запросил разрешения на их пролёт через германскую территорию. В Берлине, мягко говоря, удивились, а реакцию Риббентропа современники описали словами «вне себя от негодования». Тот немедленно позвонил Чиано и объяснил ситуацию, после чего об отправке самолётов не могло быть и речи. 21 ноября венгерский министр иностранных дел Каня получил формальные ноты протеста из Берлина и Рима.

Ситуацию немного разрядила работа комиссий, результатом которой стало подписание соглашений, закрепивших новую линию границы и урегулировавших вопросы подданства населения на передаваемых территориях, хотя

проблема защиты прав национальных меньшинств осталась неразрешённой. 16—18 марта 1939 г. Венгрия с санкции Германии оккупировала Карпатскую Украину в процессе распада Чехо-Словакии, которому всячески способствовала, поощряя действия сепаратистов. Затем Будапешт вынудил Словакию к изменению границы в этом районе в свою пользу, что было закреплено соглашением от 4 апреля. В итоге Венгрия увеличила свою территорию, но полностью оказалась в орбите Третьего рейха.

Румыния

Будапешт никогда не отказывался от претензий на провинции Трансильвания с центром в Коложваре (ныне Клуж-Напока в Румынии) и Банат с центром в Араде, название которого одинаково звучит в обеих странах. Румыния оккупировала их ещё до заключения Трианонского договора, который лишь узаконил её действия. Венгрия добилась удовлетворения своих территориальных претензий к Чехословакии только в условиях сильнейшего внутреннего и внешнего кризиса этого государства и с помощью более могущественных держав. В отношении с Румынией повторился тот же сценарий.

Румыния занимала особое положение на «мирной» конференции. С одной стороны, она была «союзной» державой, с другой — вторично вступила в войну на стороне победителей только за два дня до её окончания. Что это значит?

К началу Первой мировой войны Румыния была связана с Тройственным союзом Германии, Австро-Венгрии и Италии тайным договором 1883 г., который, однако, не был ратифицирован парламентом. Несмотря на него, Бухарест решил придерживаться «осторожного нейтралитета», выжидая удобный момент для присоединения к... Антанте. После успешного наступления русской армии в июне 1916 г. (Брусиловский прорыв) Румыния начала переговоры с «союзниками», потребовав за своё участие в войне Трансильванию, Буковину до Днестра и часть Бана-

та до Тиссы, т. е. около трети венгерских земель. Тайный договор от 17 августа 1916 г. обещал ей эти территории и статус полноправной «союзной» державы на будущей мирной конференции, но обязал её не заключать сепаратный мир. 27 августа Румыния вступила в войну, а уже 6 декабря германские войска заняли Бухарест. Отведённая в Бессарабию, армия сопротивлялась еще год, но 9 декабря 1917 г. правительство подписало перемирие с Центральными державами и 7 мая 1918 г. заключило в Бухаресте сепаратный мир, отказавшись не только от прежних претензий, но и от части собственной территории. Этот договор тоже не был ратифицирован парламентом, но румыны сослались на его нарушение немцами, когда 9 ноября 1918 г. — за два дня до окончательного перемирия — объявили им войну. «Приводя этот довод, — отметил Никольсон, — румынское правительство таким образом признавало, что договор, хотя ещё не ратифицированный, всё же фактически действовал».

В Париже румынская делегация основывала свои претензии на договоре 1916 г., делая вид, что договора 1918 г. не было вовсе. Точно так же румыны игнорировали предупреждения «союзников» во время захвата венгерских земель зимой и весной 1919 г. Их ободряло заявление Вильсона, получив которое, они решились вновь вступить в войну: «Идея национального объединения румын, живущих в разных землях, мне симпатична, и правительство Соединенных Штатов не упустит оказать в нужное время своё влияние в том смысле, чтобы румынский народ получил все принадлежащие ему национальные и территориальные права и чтобы эти права были застрахованы против всяких иностранных покушений». Клемансо считал, что нарушение обещания не заключать сепаратный мир даёт великим державам право не считаться с территориальными статьями договора 1916 г. Они не возражали против передачи Трансильвании и Буковины, поскольку «естественно поддержать нашего союзника Румынию против нашего врага Венгрии», как говорил британский дипломат Эйр Кроу, но на Банат также претендовали сербы. Пос-

ледний вопрос был улажен путём раздела, и в результате Румыния, по словам современников, получила «всё и даже больше, чем всё».

Не оставляя надежды на возвращение утраченных территорий, Хорти и его министры не раз поднимали вопрос о положении венгерского меньшинства в Румынии, но для дипломатического решения Будапешту не хватало союзников, а для силового — военной мощи. Ситуацию для него изменили три факта: отказ от военных статей Трианонского договора и перевооружение страны; прецедент возвращения земель, находившихся в составе ЧСР; начало новой войны в Европе. «Румынские» и «югославские» статьи Трианонского договора пришли в действие после 1 сентября 1939 г., но они мотивировали участие Венгрии во Второй мировой войне на стороне Германии и, следовательно, в «гитлеровской агрессии», детерминированной «мирными» договорами двадцатилетней давности.

Трансильвания относится к числу наиболее проблемных регионов Европы прежде всего из-за национального состава: на её территории много столетий вперемешку живут венгры, румыны, швабы-католики и саксы-протестанты. «Четыре описанные племени, столь разнородные, — свидетельствовал русский офицер, участвовавший в венгерской кампании 1849 г., — жили на таком тесном участке земли, чураясь друг друга. Несколько сот лет не могли их сблизить. Такие отношения, естественно, породили недоверчивость, вражду, презрение или ненависть одного народа к другому». В разное время областью правили венгры, турки, валахи (румыны) и, наконец, Габсбурги (с 1687 г.), но влияние венгерской аристократии преобладало даже при двуединой монархии. До Первой мировой войны «освобождение Трансильвании от венгерского ига» было популярным лозунгом румынских националистов, среди которых видное место занимал уроженец этого края поэт и политик Октавиан Гога. После Трианона призыв к «освобождению Трансильвании от румынского ига» получил такой же статус в лексиконе венгерских националистов.

Население этих земель было настолько смешанным, что провести здесь чёткую границу по национальному признаку оказалось невозможно. Версальские «картографы» поступили просто, отдав Трансильванию, Банат, Парциум и Марамуреш площадью более 100 тыс. кв. км (больше всей трианонской Венгрии!) под власть Бухареста. Доминировавшие в политической жизни Румынии в 1910—1920-е гг. либералы во главе с Ионом Братиану болезненно относились к вопросам престижа и отвергали любые попытки других держав, включая великие, поднять вопрос о положении меньшинств, считая его сугубо внутренним делом. Проводившуюся Братиану политику «романизации» Трансильвании отрицательно встретили не только венгры, но и местные румыны, недовольные жёсткими мерами назначенных из столицы чиновников и их коррумпированностью. Однако ошутимое притеснение венгров, по мнению историков, началось только с приходом к власти 28 декабря 1937 г. праворадикального кабинета Октавиана Гоги и привлекло международное внимание в ходе Судетского кризиса.

Венский арбитраж вызвал панику в Бухаресте. Как заметил американский историк С. Фишер-Галати, «для большинства румынских лидеров вопрос отныне стоял не о том, будет ли территориальный передел, а лишь о том, как уменьшить потери». Озабоченные внутренней нестабильностью в связи с деятельностью национал-революционной организации «Легион Михаила Архангела» («Железная гвардия») во главе с Корнелиу Кодряну, король Кароль II и его приближённые пытались лавировать между Лондоном и Парижем, с одной стороны, Берлином и Римом — с другой, не забывая и о Москве. Современники остроумно окрестили эту тактику «игрой на двух столах». Кодряну был арестован по обвинению в подготовке государственного переворота и в ночь с 29 на 30 ноября 1938 г. убит якобы при попытке к бегству. Это вызвало серьёзный конфликт с Третьим рейхом, который поддерживал легионеров, но настоящим похоронным звоном для Бухареста прозвучал советско-германский пакт о ненапа-

дении от 23 августа 1939 г. («пакт Молотова—Риббентропа»). Он показал, что на повестке дня в любой момент может возникнуть «бессарабский вопрос» с Германией на стороне Советского Союза. С Бухарестом у Москвы были ещё более давние счёты, чем у Будапешта, и наличие общих претензий сыграло свою роль при установлении советско-венгерских дипломатических отношений в 1934 г. Ненавидевший коммунистов, Хорти был «готов связаться с дьяволом, если он поможет мне достичь цели».

В чём заключался бессарабский вопрос? 4 декабря 1917 г. верховной властью на территории российской Бессарабской губернии (ныне Молдова) был объявлен местный парламент Сфатул Цэрий (Совет Края). 15 декабря он провозгласил Молдавскую демократическую республику, которую признали большевики, но она оказалась недолговечной: 20 декабря границу нового государства перешла румынская армия, которая к концу января 1918 г. оккупировала всю Бессарабию. В результате переговоров 5—9 марта Москва и Бухарест заключили соглашение о выводе румынских войск, но оно осталось невыполненным. 7 апреля под дулами румынских пулемётов Сфатул Цэрий проголосовал за «воссоединение» с Румынией на правах автономии, а 25—26 ноября, при отсутствии кворума и снова под давлением, принял решение о безусловном присоединении к ней, вслед за чем самораспустился. Вопрос об автономии был закрыт. 28 октября 1920 г. Румыния и главные Союзные державы (Франция, Великобритания, Италия и Япония) подписали протокол о румынском суверенитете над Бессарабией. Советские правительства России и Украины не признали соглашение как принятое без их участия. Протокол вступал в силу после его ратификации всеми участниками, но Япония так и не сделала этого. Таким образом, одними странами румынское господство в Бессарабии было признано де-факто, а другими не признавалось никак.

Москва ждала своего часа. В секретном протоколе к «пакту Молотова—Риббентропа» СССР заявил об «интересе к Бессарабии», а Германия — «о полной политичес-

кой незаинтересованности в этих областях». Существовал ещё один фактор: 13 апреля 1939 г. Великобритания и Франция дали Бухаресту гарантии, аналогичные данным Варшаве. 3 сентября Лондон и Париж объявили Германии войну, но Польшу это не спасло; СССР в ходе своей польской кампании 1939 г. не рассматривался ими как агрессор, хотя некоторые политики призывали к этому. Однако Сталин не случайно принял решение потребовать Бессарабию только после разгрома Франции и при явной невозможности Англии влиять на события.

26 июня 1940 г. Молотов вручил румынскому посланнику Георге Давидеску ультиматум, требовавший возвратить Советскому Союзу Бессарабию, «с фактом насильственного отторжения которой он никогда не мирился», и передать ему Северную Буковину, «население которой в своём громадном большинстве связано с Советской Украиной как общностью исторической судьбы, так и общностью языка и национального состава». Северная Буковина никогда не входила в состав России, но её передача «могла бы представить, правда, лишь в незначительной степени, средство возмещения того громадного ущерба, который был нанесён Советскому Союзу и населению Бессарабии 22-летним господством Румынии». На ответ давались сутки.

В Бухаресте ждали ультиматума и знали, что Красная армия готова занять эти территории. Берлин и Рим настоятельно посоветовали принять требования. Ещё 23 июня Молотов сказал германскому послу Фридриху-Вернеру фон дер Шуленбургу: «Если Румыния не пойдёт на мирное разрешение бессарабского вопроса, Советский Союз разрешит его вооружённой силой. Советский Союз долго и терпеливо ждал разрешения этого вопроса, но теперь дальше ждать нельзя». Посол попытался уговорить наркома отсрочить решительные действия до ответа из Берлина. 25 июня Риббентроп сообщил, что Германия «не проявляет интереса к бессарабскому вопросу», но просит гарантировать права живущих там немцев, считает «новыми» претензии на Буковину и «крайне заинтересована в том, что-

бы эти районы не стали театром военных действий», поскольку ей нужна румынская нефть. Посол осторожно добавил, что отказ от претензий на Буковину «будет существенно способствовать мирному решению». Молотов возразил, что «Буковина является последней недостающей частью единой Украины», но днём позже известил, что Москва ограничится её северной частью с городом Черновцы. Румыния приняла ультиматум и отказалась от франко-британских гарантий¹. Вступление на территории Красной армии прошло без серьёзных эксцессов. Принимая 15 августа нового румынского посланника Григоре Гафенку, Молотов заявил ему, что у Москвы больше нет претензий к Бухаресту.

Ситуацией решил воспользоваться Будапешт, который с начала войны в Европе выжидал момент для предъявления претензий Румынии, а также Словакии. Однако Риббентроп уже 7 сентября 1939 г. «настоятельно просил» венгерского министра иностранных дел Иштвана Чаки «в настоящее время ни при каких обстоятельствах не нападать на Румынию», а 14 сентября советовал ему «быть весьма осмотрительным в действиях по отношению к Словакии, которая находится под нашей защитой». В поисках противовеса Венгрия попыталась укрепить свои позиции в Италии и заручиться её поддержкой, но «ось Берлин—Рим» превратилась в неравноправный союз. Румынское руководство, которое 19 апреля 1940 г. выразило готовность сопротивляться и германскому, и советскому нападению, 29 мая решило «приспособиться к действительности», т. е. перейти от политики нейтралитета к ориентации на Берлин. По свидетельству Гафенку, который после этого решения подал в отставку с поста министра иностранных дел, на короля особенно повлияло получен-

¹ 14 декабря 1939 г. британский посланник в Бухаресте Р. Хор предупредил министра иностранных дел Г. Гафенку, что его страна сможет выполнить данные Румынии гарантии против германской или советской агрессии только при условии помощи со стороны Турции и строгого нейтралитета Италии.

ное в тот день известие о капитуляции Бельгии. Когда 2 июля Венгрия привела армию в состояние мобилизационной готовности, Третий рейх, в стремлении избежать войны на Балканах, удержал её от решительных действий, отказав Будапешту не только в военной помощи, но и в содействии при урегулировании возможных последствий.

СССР, как отметил историк А. С. Стыкалин, «оказался единственной (независимо от принадлежности к тому или иному воюющему лагерю) большой державой, однозначно поддержавшей венгерские претензии на Трансильванию». 4 июля Молотов заявил посланнику Йожефу Криштоффи, что считает венгерские претензии «имеющими под собой основание», добавив, что «такой же позиции представители СССР будут придерживаться в случае созыва международной конференции, на которой будет стоять вопрос о притязаниях Венгрии к Румынии». Это означало не только готовность поддержать Венгрию, но и намерение участвовать в решении вопроса. 6 июля Чаки сказал советскому полпреду Николаю Шаронову, к которому демонстративно проявлял внимание, что, «если будет убит хоть один венгр в Трансильвании, мы начнём войну, несмотря на советы наших союзников по оси». Глава МИД добавил, что посоветовал болгарскому посланнику предъявить претензии на Южную Добруджу, переданную Румынии по «мирному» договору (Нёйи, 27).

31 июля Шуленбург сообщил Молотову, что Берлин не претендует на роль арбитра в споре между Венгрией и Румынией и не намерен вмешиваться в него, но советует первой умерить притязания, т. е. требовать не всю Трансильванию, а второй пойти на компромисс. Приступая к переговорам, которые начались 16 августа, обе стороны пытались заручиться поддержкой Берлина. Через восемь дней переговоры зашли в тупик и были прерваны. В воздухе запахло войной. Тогда Гитлер решил выступить арбитром, показав всему миру своё «миролюбие», а спорщикам — «кто в доме хозяин». 28 августа он пригласил Чиано для выработки общей позиции, которая должна была быть принята безоговорочно. 29 августа Риббентроп и Чи-

ано приняли венгерских и румынских министров, припутнув их на случай возможного несогласия, а на следующий день вынесли в Вене свой вердикт. Венгрия получила северную часть Трансильвании (около 43 300 кв. км с населением 2 385 987 чел.), а Берлин и Рим гарантировали неприкосновенность новых границ Румынии. Результатом стал политический кризис в Бухаресте 4—6 сентября, закончившийся отречением короля в пользу своего девятинадцатилетнего сына Михая и переходом власти в руки прогермански настроенного министра обороны генерала Иона Антонеску. 7 сентября Румыния, по «настоятельному совету» Берлина и с одобрения Москвы, передала Болгарии Южную Добруджу в границах 1913 г. (7695 кв. км с населением 350 тыс. чел.).

Максимальную выгоду от арбитража получила Германия, укрепив свои позиции в Юго-Восточной Европе и окончательно привязав к «оси» Венгрию и Румынию. Первая получила не всё, что хотела; вторая понесла ощутимые потери. В венгерской части Трансильвании усилилось преследование румын, в румынской — венгров. Пользуясь этим, Гитлер намекал, что решения могут быть изменены в ту или иную сторону — в зависимости от того, с кем разговаривал. Советский Союз был крайне недоволен тем, что вопрос решили без него. 31 августа Молотов заявил Шуленбургу, что это нарушает пакт о ненападении, который предусматривал консультации сторон по вопросам, затрагивающим их общие интересы. Объяснения Риббентропа, что «после разрешения вопроса о Бессарабии у СССР и Германии в отношении Румынии и Венгрии нет общих интересов с точки зрения договора о ненападении», не удовлетворили наркома. В отношениях между Москвой и Берлином возникла напряжённость.

Югославия

Территориальные претензии Венгрии к Югославии были связаны с провинциями Бачка и Банат, однако противоречия между ними не принимали острого характера, по-

ка в них не вмешались Рим и Берлин. Муссолини грезил о превращении всего Средиземного моря во «внутреннее озеро» своей империи. В качестве первого шага он хотел сделать таковым Адриатическое море, взяв под контроль его восточное побережье, ранее принадлежавшее Австро-Венгрии. «Мирные» договоры не удовлетворили амбиции Италии, поэтому её отношения с Белградом на протяжении межвоенных десятилетий оставались напряжёнными. Гитлер предпочитал видеть Югославию раздробленной и ослабленной, чтобы она не мешала его продвижению в сторону ближневосточной нефти.

В правящей элите Венгрии не было единого мнения по данному вопросу и после второго Венского арбитража. Политики прогерманской ориентации, вроде министра иностранных дел Ласло Бардоши, прислушивались к обещаниям нацистов отдать Венгрии Бачку, Банат, Фиуме и выход к Адриатике. Им противостояли сторонники более независимого курса во главе с Палом Телеки, который с февраля 1939 г. занимал пост премьера. 12 декабря 1940 г. он поставил подпись под договором о «вечной дружбе» с Югославией и рассчитывал решить территориальный вопрос путём прямых переговоров, т. е. без постороннего арбитража. В январе 1941 г. Телеки выступил против не только участия в войне с Югославией на стороне Германии, но даже против пропуска Вермахта через венгерскую территорию. Однако в Берлине всё решили без него.

3 апреля 1941 г. Телеки получил телеграмму из Лондона, что британское правительство разорвёт отношения с Венгрией и объявит ей войну, если та впустит Вермахт на свою землю. Хорти, помнивший слова Гитлера о том, что «желающий принять участие в трапезе должен сначала помочь на кухне», был на стороне Третьего рейха. Начальник генштаба генерал Хенрик Верт уже обо всём договорился с немцами. Вечером Вермахт перешёл венгерскую границу, готовясь к операции «Марита» — захвату Югославии и Греции, которые приняли сторону Англии. Узнав об этом, Телеки застрелился, оставив предсмертную записку: «Мы стали клятвопреступниками. Я допустил,

чтобы наш народ потерял свою честь. Югославы — наши друзья, но из трусости мы поддержали мерзавцев». Его преемником стал прогермански настроенный Бардоши.

Принимая участие в югославской кампании Вермахта, начавшейся 6 апреля, венгерские реваншисты рассчитывали на присоединение территорий и создали в Бачке и Банате оккупационную администрацию. Однако Гитлер уже 19 апреля высказался против венгерской оккупации Баната, предоставив автономию тамошнему немецкому населению. После провозглашения независимости Хорватии под итальянским «протекторатом» 10 апреля «спорные» территории были разделены между ней и Венгрией. По окончании Второй мировой войны они стали основой Автономного края Воеводина в составе Сербии — сначала как одной из республик возрождённой Югославии, потом как независимого государства.

Решения обоих Венских арбитражей были объявлены ничтожными при заключении перемирия между СССР, США и Великобританией, с одной стороны, и Румынией с другой, 12 сентября 1944 г. В январе 1945 г. на это согласилось и новое правительство Венгрии. Мирный договор с ней, подписанный в Париже 10 февраля 1947 г. и вступивший в силу 15 сентября, полностью восстановил «трианонские» границы Венгрии по состоянию на 1 января 1938 г., за исключением небольшого участка территории около Братиславы, переданного Чехословакии. Это решение мотивировалось не столько признанием Трианона, сколько непризнанием всех действий Гитлера, даже если они объективно были более справедливы по отношению к Венгрии. Новый договор в отличие от прежних не содержал гарантий прав меньшинств, отдавая их на милость победителя. Из-за этого трансильванский вопрос оставался одной из «болевых точек» Европы все послевоенные десятилетия. Здесь наследие Версаля даёт о себе знать и в наши дни, но это уже отдельная история.

В день подписания Версальского «мира» полковник Хауз занёс в дневник: «Всё это весьма напоминало обычаи прежних времён, когда победитель волочил побеждённого привязанным к своей колеснице». «Новейшая история не знает подобных договоров, — заметил Нитти. — Они меняют в корне самые отношения между цивилизованными народами». Даже Вильсон однажды обмолвился: «В тысячи жизней и миллиарды долларов нам обойдётся бесславный мир, обрекающий нас на новую, ещё худшую войну».

Система «мирных» договоров и связанные с ней соглашения не просто заклеили Центральные державы как главных и единственных виновников Первой мировой войны, превратив их в изгоев, и наложили на них невыполнимые репарации. Они лишили их жизненно важных территорий, которые эти страны имели основание считать исконно своими, разрушив единое экономическое пространство и существовавшую веками систему хозяйственных связей.

Германия и Венгрия были поставлены в такие условия, что борьба против «диктата» неизбежно стала единственным путём их национального возрождения. Австрия добивалась воссоединения с Германией, в чём ей было отказано. Польша, Чехословакия, Румыния и Югославия получили многочисленную, компактно проживающую и недовольную ирреденту, которая в сочетании с политикой подавления национальных меньшинств стала главным фактором их внутренней нестабильности. «Мирные» договоры предопределили и ряд других локальных конфликтов, которые принимали вооружённый характер: например, между Польшей и Литвой или Италией и Югославией.

С помощью «мирных» договоров победители жёстко ограничили вооружённые силы и вооружения побеждённых держав, одновременно пообещав, что разоружатся сами, поскольку «тевтонский милитаризм» побеждён. Этого

обещания они не сдержали — в первую очередь Франция, которая непрерывно вооружалась сама и вооружала своих сателлитов вокруг германских границ. Восстановление военной мощи Германии, тайно начавшееся в веймарскую эпоху и ставшее открытым, даже демонстративным после прихода нацистов к власти, объяснялось не только «возрождением милитаризма», но и реальными нуждами национальной обороны, поскольку рассчитывать на дружбу соседей в условиях послеверсальской Европы Берлину явно не приходилось.

В 1925 г. консультант британского МИД по историческим вопросам Дж. Хэдлам-Морли очень точно предсказал будущую «гитлеровскую агрессию»:

«Мы не можем теперь быть безразличными, если Германия прорвётся на восток и приступит там к захвату территорий и накоплению сил, которые в будущем неизбежно будут использованы на Рейне. Пытался ли кто-либо понять, что произойдёт, если случится новый раздел Польши или если чехословацкое государство будет не только урезано и расчленено, что по существу исчезнет с карты Европы? Вся Европа будет охвачена хаосом. Уже не останется никакого руководящего принципа, значения или смысла в территориальных соглашениях на континенте. Вообразите, например, что при каких-либо маловероятных обстоятельствах Австрия присоединится к Германии, что Германия, используя недовольное меньшинство в Чехии, потребует новой границы далеко за горами, включая Карлсбад и Пильзен (ныне Карловы Вары и Пльзень. — *В. М.*), и что в то же время в союзе с Германией Венгрия вернёт себе южные склоны Карпат. Это будет катастрофой. Если мы вовремя не вмешаемся, чтобы всё это предотвратить, то будем вынуждены вмешаться впоследствии, хотя, возможно, и слишком поздно».

Что стало причиной этой прозорливости? Даже проникнув в 1925 г. в мозг будущего «фюрера германской нации», британский историк не обнаружил бы там столь чёткий план, поскольку такого плана ещё не существовало. Хэдлам-Морли основал свой прогноз на текстах дого-

воров, в подготовке которых принимал участие. Так он вынес приговор собственному детищу в год Локарнских соглашений, которые казались настолько прочной основой мира и безопасности в Европе, что их авторы — Остин Чемберлен, Аристид Бриан и Густав Штресеман — в следующем, 1926 г. были удостоены Нобелевской премии мира.

«Если в XX веке был конкретный момент, когда всё могло повернуться по-другому, это Париж, 1919 год, — сделал вывод американский журналист Дэвид Эндельман, автор книги «Потрясённый мир. Версаль, 1919 и цена, которую мы платим сегодня». — Бесспорно, мир, навязанный в Версале, определил большую часть отрицательного баланса всего столетия и далее».

Гитлеровской агрессии (без кавычек!), деяниям нацистов и их пособников на оккупированных территориях нет и не может быть оправдания. Однако необходимо помнить, кто и когда создал условия для новой войны. Кто сжал пружину так, что, когда она разжалась, неизбежным стал европейский, а затем и мировой конфликт.